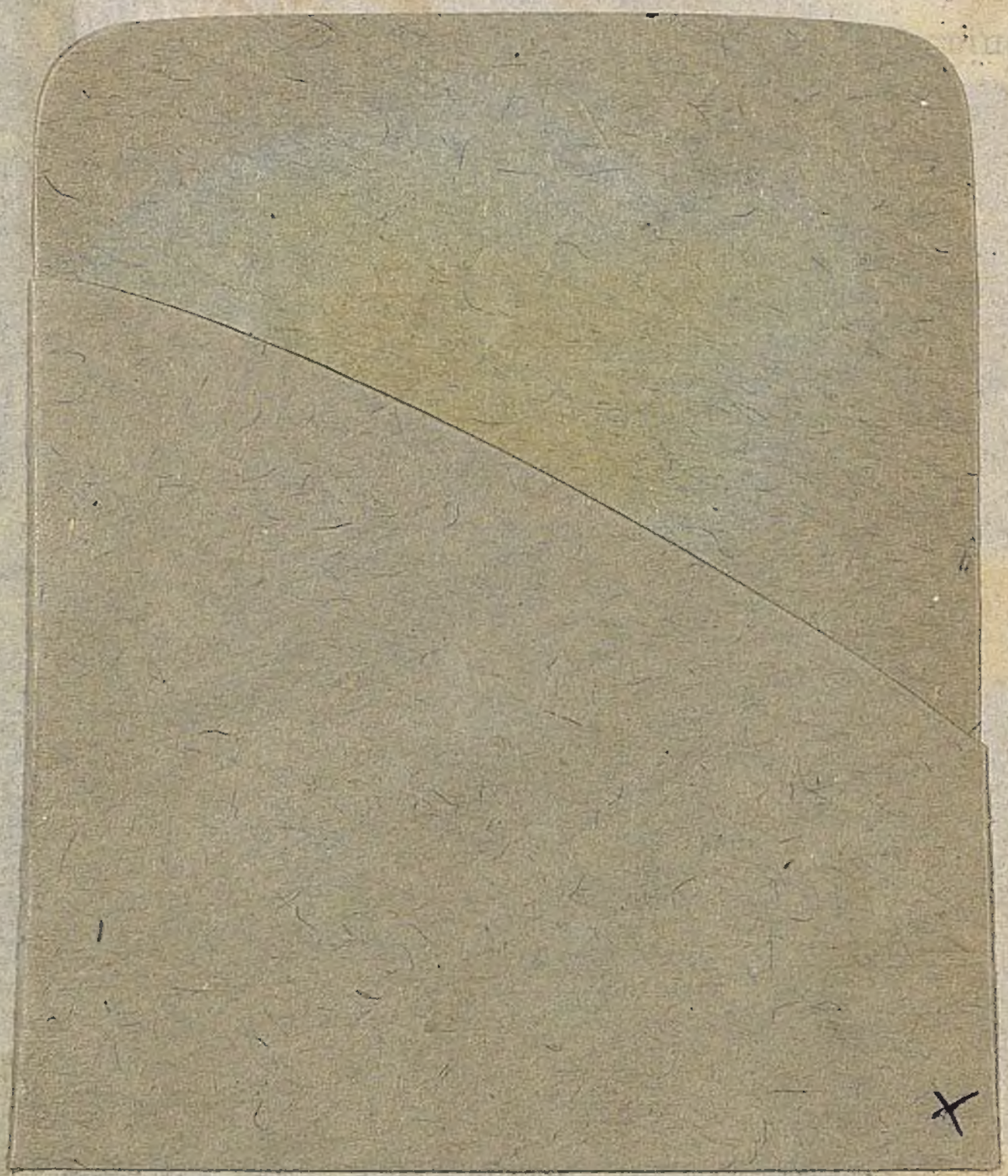
947
K-56



№ 3491.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЕГО ГЕНІЙ.

Ковалевскій

КО
Э. К.
п 84 г.
№ 13491.
29240
49 г.

П. И. Ковалевскій.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

и

ЕГО ГЕНІЙ.

Центральн. Школьн. Библ. для Ряз. Губ. Отд. Народн. Просвещ.
947
К 561
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе «Русск. Медицинск. Вѣстника».
1900.

Дозволено цензурою. Спб. Октября 1899 г.

Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.

ГЕНІЙ.

I.

Въ послѣднее время вопросу о геніи посвящено очень много работъ, при чемъ, нужно правду сказать, часто разсматривался этотъ вопросъ съ совершенно ложной точки зрѣнія, отъ чего сущность даннаго состоянія не только не уяснена, а скорѣе даже запутана и затемнена. Въ самомъ дѣлѣ, геній разсматривался съ точки зрѣнія взаимосоотношенія съ сумашествіемъ. Собственно говоря, такое уродливое сопоставленіе двухъ совершенно различныхъ понятій есть дань увлеченія времени и скоро падетъ, по мѣрѣ разъясненія другихъ вопросовъ, затронутыхъ попутно, жизненными обстоятельствами.

Еще не такъ давно, въ первой половинѣ заканчивающагося столѣтія, на сумасшедшихъ смотрѣли, какъ на одержимыхъ злымъ духомъ и діаволомъ, почему въ обществѣ имъ не было мѣста. Одержимыхъ изгоняли. Одержимыхъ сажали на цѣпь. Одержимыхъ казнили. Одержимыхъ сожигали на кострахъ, — сожигали десятками, сотнями и тысячами. Сожигали ихъ вмѣстѣ съ вѣдьмами и колдунами,—сожигали во славу Божію.

Много потребовалось усилій, стараній и заботъ, чтобы разсѣять этотъ жестокій мракъ, охватывавшій умы тогдашняго общества и служившій удовлетворенію столько же человѣческаго невѣжества, суевѣрія и предразсудка, сколько и злоупотребленію и произволу въ данномъ положеніи. Только малу-по-малу стало выясняться, что сумасшедшіе—не одержимые злымъ духомъ, не вмѣстилище сатаны, не сосудъ діавола, а люди, самые простые люди, и при томъ люди больные и несчастные—подъ вліяніемъ своей бодѣзни, лишенные образа Божія и всего того счастья и нравственнаго удовлетворенія, которое связано съ сознательнымъ существованіемъ.

Мало-по-малу, однако, наука и знаніе восторжествовали. Сумасшедшіе были признаны людьми и при томъ людьми больными. Но эти больные люди въ своихъ болѣзняхъ проявляли дѣянія и поступки для людей опасные, вредные и разрушительные: убійства, самоубійства, изуродованія, пожары и т. д. и т. д. Эти люди для общества представлялись столь же опасными, какъ и преступники, угрожавшіе людямъ подобными же дѣяніями. Опять не стало мѣста въ человѣческой средѣ этимъ несчастнымъ. Ихъ опять люди изгоняли изъ своей среды и заключали въ мѣста болѣе безопасныя и надежныя. Потребовались новыя усилія ученыхъ, новыя разъясненія и новыя разоблаченія и внѣдренія въ обществѣ истинныхъ и человѣколюбивыхъ данныхъ и свѣдѣній о положеніи несчастныхъ сумасшедшихъ. Выяснилось, что на свѣтѣ существуютъ су-

масшедшіе преступники и преступные сумасшедшіе. Первые, будучи душевно больными, подъ вліяніемъ своихъ обмановъ чувствъ и ложныхъ идей, могутъ совершать такія дѣянія, кои для общества могутъ быть опасными, вредными и ужасными. Такія дѣянія являются случайными и съ излеченіемъ болѣзни они прекращаются, а сами люди по прежнему представляются людьми и правоспобными, и дѣеспособными, и отвѣтственными за свои дѣянія и поступки. Люди второй катерогіи—преступные сумасшедшіе—являются таковыми отъ рожденія и остаются таковыми же пожизненно. Въ ихъ духовномъ бытіи уже отъ рожденія отсутствовали понятіе о любви къ Богу, родинѣ и человѣчеству, обществу, семьѣ, даже къ отцу, матери и дѣтямъ. Эти люди являлись органическими эгоистами.

На почвѣ изученія этого проявленія человѣческаго рода возникло ученіе о нравственномъ помѣшанномъ (moral insanity) и прирожденномъ преступникѣ (l'uomo deliquente). Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что нравственно-помѣшанный и прирожденный преступникъ одна и та же особь человѣческаго рода—это былъ важнѣйшій пунктъ, гдѣ ученіе о душевныхъ болѣзняхъ и уголовное право пришли въ близкое соприкосновеніе и медицина и юриспруденція подали другъ другу руку.

Дальнѣйшее тщательное изученіе природы и свойствъ нравственно-помѣшаннаго и прирожденнаго преступника показали, что оба эти явленія представляются при-

сущими человѣку отъ рожденія и почти всегда сопровождаются множествомъ явленій физическаго и душевнаго вырожденія. Такъ, замѣчено, что прирожденные преступники часто проявляютъ эпилепсію, импульсивныя явленія, склонность къ судорожности и вообще близкую связь съ различными другими нейрозами.

Въ это время нѣкоторые нейропатологи, занимаясь изученіемъ связи нейрозовъ и психозовъ, дозволяли себѣ отнести и проявленія генія къ области нейрозовъ (Moreau de Tours). Принимая во вниманіе тѣсную связь и частое соприкосновеніе сумасшествія, преступности, эпилипсіи и нейрозовъ, нѣкоторые увлекающіеся изслѣдователи отнесли къ этой же группѣ и геній. Насколько такое сопоставленіе правильно—увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

II.

Проявленія генія извѣстны съ древнѣйшихъ временъ. Древніе греки этимъ именемъ обозначали особый даръ боговъ, особое, превышающее обычное, проявленіе ума, энергіи и душевной жизни. Геній Пиѳіи дозволялъ ей предугадывать и предсказывать будущее. Геній Сократа вдохновлялъ его къ разрѣшенію великихъ міровыхъ вопросовъ; геній Гомера далъ ему возможность воспѣть великія событія. Другіе великіе люди древней Греціи тоже были воодушевляемы божественнымъ геніемъ.

Прошли вѣка. Измѣнились нравы. Проявленія генія отъ времени до времени вспы-

хивали, но вглядъ на нихъ общества измѣнился. Въ средніе вѣка снова геній исчезаетъ изъ употребленія и замѣняется выраженіями: «даръ Божій», «люди, одаренные Богомъ», «искра Божія» и проч. Съ возрожденіемъ науки и искусствъ и установкою надлежащаго взгляда на науку и ея значеніе—геній вновь появляется и занимаетъ надлежащее мѣсто.

Но что такое геній? Опредѣленій генія существуетъ много, но едва ли хотя одно изъ нихъ охватываетъ и опредѣляетъ точно все то, что совмѣщается въ проявленіи генія. Kant *) опредѣляетъ геній такъ: «Геній есть способность создавать то, къ чему нѣтъ опредѣленныхъ правилъ... Всѣ единогласно признаютъ, что геній есть полная противоположность подражанію. Такъ какъ учиться есть ничто иное, какъ подражать, то и величайшая способность къ изученію не можетъ быть признана геніальностью».

Schopenhauer **) говоритъ: «геній состоитъ въ значительномъ развитіи способности познанія, развитіи, превышающемъ потребности воли,—эссенція генія, слѣдовательно, состоитъ въ анормальномъ эксцессѣ интеллекта, единственное примѣненіе котораго выражается познаніемъ главнаго и общаго, что есть въ существѣ. Такимъ образомъ онъ посвящается на пользу и служенію всему человѣчеству, подобно тому, какъ обычный интеллектъ служитъ на поль-

.....

*) Kant. Critique de jugement, 1846, t. I, p. 253.

**) Schopenhauer. Critque de la phylosophie de Kant.

зу только даннаго индивида. Состояніе, необходимое для полной отвлеченности интуиціи, требуетъ совершенства мозга и всего того, что въ физіологической конституціи благопріятствуетъ его дѣятельности... Путемъ интуиціи геній реализируетъ безсознательное...» По мнѣнію Шопенгауэра, воображеніе можетъ быть пассивнымъ и активнымъ. Пассивное воображеніе есть точное воспроизведеніе передъ нашими мысленными глазами хранящихся уже въ нашей памяти образовъ; активное воображеніе къ образамъ памяти, при воспроизведеніи, присоединяетъ результаты своихъ размышленій и сочетаній. Собственно говоря, это только кажется такъ, что оно создаетъ,—на дѣлѣ же оно только видоизмѣняетъ существующее. Такое активное воображеніе независимо отъ насъ. Геній именно и обладаетъ особеннымъ даромъ, съ помощью котораго онъ создаетъ то, что другимъ недоступно. Его воображеніе увеличиваетъ поле зрѣнія и область мышленія генія и выводитъ его за предѣлы доступнаго обычному человѣку міра. Однако, активное воображеніе есть только дополненіе къ генію,—создать же геній оно не можетъ. Во всякомъ случаѣ, эта высокая способность не заключаетъ въ себѣ ничего анормальнаго и экстрафизіологическаго. Геній не есть чудовище, или выродокъ...

Seailles *) говоритъ слѣдующее: «Геній развивается подобно жизни и одновременно съ нею, усиліями нѣсколькихъ послѣ-

*) Seailles. Le genie dans l'art, 1888 p. 71.

дующихъ поколѣній, пріобрѣтенія которыхъ, передаваемыя наслѣдственно, онъ видоизмѣняетъ и совершенствуетъ».

Regnard †) производитъ слово геній отъ gignere—gigno, что значитъ, — порождать, производить. Главное свойство генія совершенствовать прежнее и созидать новое. Открытія бываютъ случайныя и производимыя путемъ продолжительнаго мышленія и логическихъ операцій. Генію присущи именно послѣдняго рода открытія: Нужно, однако, дополнить, что данному открытію генія предшествуютъ открытія другого геніальнаго человѣка и послѣднимъ, какъ-бы по пріемству, дѣло ведется дальше и совершенствуется.

Laffit говоритъ, что великій человѣкъ тотъ, кто разрѣшаетъ для послѣдующихъ поколѣній задачи будущаго. Однако, эта формула болѣе или менѣе правильна по отношенію къ геніямъ науки, но не къ геніямъ искусства и высокаго художественнаго творчества.

Carlyle §) говоритъ слѣдующее: «Всемірная исторія, исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, въ сущности есть исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь на землѣ. Эти великіе люди были вождями человѣчества, образователями и образцами и, въ широкомъ смыслѣ, творцами того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего

†) Regnard. L'etat, ses origines, sa nature son bute. 1885, p. 63.

§) Carlyle. Герои, переводъ В. И. Яковенко.

она хотѣла достигнуть; все, содѣянное въ этомъ мірѣ, представляетъ въ сущности внѣшній результатъ, практическое осуществленіе и воплощеніе мыслей, принадлежащихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ этотъ міръ». Великій человѣкъ—это «источникъ жизненнаго свѣта, близость котораго всегда дѣйствуетъ на человѣка благодѣтельно и пріятно. Это свѣтъ, озаряющій міръ, свѣтъ, освѣщающій тьму міра. Это не просто возжженный свѣтильникъ, а, скорѣе,—природное свѣтило, сіяющее, какъ даръ неба,—источникъ природной оригинальной прозорливости, мужества и героическаго благородства, распространяющій всюду свои лучи, въ сіяніи которыхъ всякая душа чувствуетъ себя хорошо».

Гете *) пишетъ Шиллеру: «все, что создаетъ геній, создаетъ безсознательно и никакое геніальное твореніе не можетъ быть усовершенствовано простымъ размышленіемъ, но самъ геній, продолжительно размышляя, можетъ подняться до такой высоты, чтобы создать совершенныя творенія». Шиллеръ въ этомъ направленіи добавляетъ: «Если отдѣльныя мысли генія противорѣчатъ нашему пониманію, то это не должно вызывать нашего опроверженія, ибо въ общемъ сочетаніи онѣ могутъ оказаться необыкновенными».

Придавая такое высокое значеніе генію, должно принять во вниманіе, что появленію генія должны благопріятствовать извѣстныя жизненныя условія. Regnar гово-

*) Goethes Breiefwechsel, t. VI n. 784.

ритъ: «Великіе люди есть плодъ націи и горе тому народу, который ихъ больше не порождаетъ. Горе и тѣмъ народамъ, которые родятъ великихъ людей, но ихъ не признаютъ!.. Главная характеристика генія—вдохновеніе. Геній заключается не въ разумѣ, не въ пониманіи, а въ томъ особенномъ откровеніи и вдохновеніи, при помощи котораго онъ открываетъ намъ тайны всего міра».

Шопенгауэръ добавляетъ: «не разумомъ, не усиліями и не напряженіемъ познаются великія истины, а моментальнымъ провидѣніемъ. Такъ творили Ньютонъ, Лавуазье, Гете и др. Великое открытіе есть созданіе момента, неожиданное прозрѣніе, а не слѣдствіе абстрактныхъ размышленій. Разумѣется, разсужденія нужны, но они являются уже приправой и укрѣпленіемъ мысли, для большей ясности, при передачѣ публикѣ».

Regnard *) говоритъ слѣдующее: «Геній есть результатъ совершенной функціи усовершенствованнаго мозга, наиболѣе тонкимъ проявленіемъ которой будетъ геніальная интуиція или вдохновеніе. Онъ не стоитъ внѣ логики жизни, но, подобно рѣдкимъ и поражающимъ цвѣтамъ, изрѣдка появляется среди милліоновъ обыкновенныхъ цвѣтовъ; геній, являясь среди человѣчества, представляется его красою и расцвѣтомъ».

Во всемъ вышеизложенномъ геній представляется высшимъ душевнымъ даромъ,

*) Regnard. Genie et folie. Annal medicopsycholog., 1898.

являющимся украшеніемъ и славою человѣчества, его совершенствомъ и мощью, его свѣтомъ и красотою. Геній является плодомъ человѣчества, работающимъ въ свою очередь на благо и пользу всего человѣчества.

III.

Но вотъ въ ученіи о геніѣ является новый оттѣнокъ, сближающій его съ болѣзнью и ставящій его едва-ли не въ область проявленія самой болѣзни. Невольнымъ виновникомъ такого взгляда послужилъ Moreau de Tours *). Мы приведемъ въ полной выдержкѣ все сказанное о геніѣ этимъ писателемъ.

«Геній есть высшее проявленіе, nec plus ultra мыслительной дѣятельности—нейрозъ? Почему нѣтъ?... Намъ кажется вполнѣ возможнымъ это опредѣленіе, но безъ того, чтобы этому слову придавалось столь же абсолютное значеніе, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло касается различныхъ видовъ нервныхъ органовъ,—въ данномъ случаѣ слово нейрозъ употребляется, какъ синонимъ возбужденія умственныхъ способностей. Мы говоримъ—«возбужденія», а не разстройства, или измѣненія. Слово нейрозъ въ данномъ случаѣ указывало бы только на особенное расположеніе этихъ способностей,—состояніе, хотя и физіологическое, но переходящее уже границы его и касающееся

*) Moreau de Tours. La psychologie morbide, 1859, p. 464.

состоянія противоположнаго, что, впрочемъ, прекрасно объясняется болѣзненнымъ свойствомъ его происхожденія... Геній, какъ и всякое состояніе умственнаго динамизма, необходимо имѣетъ свою матеріальную подкладку. Эта подкладка есть полупатологическое состояніе мозга, нервный эретизмъ... Когда душевныя силы превышаютъ границы обычной ихъ дѣятельности, какъ въ наиболѣе высшихъ, такъ и въ наиболѣе низшихъ проявленіяхъ, всегда нужно искать причину этого въ извѣстномъ расположеніи, въ большинствѣ случаевъ обусловливаемомъ наслѣдственностью... Опредѣляя геній словомъ нейрозъ, мы только выражаемъ фактъ чистой физіологіи и подчиняемъ законамъ органическимъ психологическое явленіе, которое почему-то всегда считалось чуждымъ этому закону (p. 467). У большинства великихъ людей, въ ущербъ другимъ органамъ, мозгъ концентрируетъ, въ силу наслѣдственнаго или пріобрѣтеннаго расположенія, наибольшую часть нервной энергіи» (p. 471).

Такимъ образомъ Mereau de Tours, примѣняя къ состоянію генія терминъ нейрозъ, не желалъ придать ничего нелестнаго и непріятнаго для высокаго проявленія душевныхъ свойствъ и качествъ; напротивъ, этимъ онъ хотѣлъ выдѣлить особенное, необыкновенное и экстраординарное возбужденіе умственныхъ силъ и энергіи. Тѣмъ менѣе была мысль о томъ, чтобы геній причислить къ сумасшествію. Многіе изъ дальнѣйшихъ писателей не придали такому опредѣленію генія того понижающаго значенія, каковое

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

придалъ Lombroso и нѣкоторые его послѣдователи.

Joly *) признаетъ отличительнымъ признакомъ генія даръ творчества, при чемъ однако «великій человѣкъ не бываетъ великимъ во всемъ и во всякое время; его геній проникаетъ собою далеко не все, что онъ дѣлаетъ; потому что, по выраженію Паскаля, если его голова и поднимается далеко выше нашихъ, то за то ноги его стоятъ такъ же низко, какъ и ноги самыхъ малыхъ изъ насъ... Геній можетъ являться во всѣ времена и у всѣхъ народовъ,—но чаще всего геній являются въ моменты основанія и организаціи новыхъ устоевъ, т. е. въ такіе моменты, когда основатели имѣютъ возможность обратиться съ успѣшнымъ призывомъ къ усердію хотя нѣкотораго числа сочувствующихъ приверженцевъ. Возвышаясь надъ окружающей его средою, великій человѣкъ почерпаетъ, однако, изъ нея тысячи впечатлѣній, которымъ онъ придаетъ большую ясность, продолжительность и силу, облекая ихъ въ яркіе образы собственной фантазіи,—тысячи поползновеній и мимолетныхъ желаній, которыя онъ дѣлаетъ, при свѣтѣ этихъ образовъ, болѣе настойчивыми и послѣдовательными и превращаетъ въ твердые, выдержанные акты воли,—наконецъ, тысячи энергій, правда разсѣянныхъ и безпорядочныхъ, быстро замирающихъ на полъ-пути и несогласныхъ другъ съ другомъ, но которыя онъ собираетъ вмѣстѣ, организуетъ въ связное цѣлое и доводитъ

.....

*) Joly. Психологія великихъ людей.

до того, что заставляетъ ихъ всѣхъ согласно содѣйствовать выполненію одного великаго замысла (24).

Обращаясь къ наслѣдственнымъ и семейнымъ качествамъ великихъ людей, нельзя не сказать, что геній представляетъ очевидно какъ-бы кульминаціонный пунктъ того рода, изъ котораго онъ вышелъ и потому чрезвычайно рѣдко случается видѣть, чтобы два великихъ человѣка слѣдовали другъ за другомъ въ одной и той же семьѣ, если же природа иной разъ и производитъ непосредственно послѣ одного генія другую замѣчательную натуру, то эта натура почти всегда въ женской формѣ. Такова сестра Петра Великаго—Софія. Сестра Наполеона I, Элиза, по мнѣнію Юнга, обладала вполнѣ характеромъ брата... Наблюденія, далѣе, показываютъ, что великій человѣкъ наслѣдуетъ, повидимому, въ большинствѣ случаевъ натуру скорѣе отъ матери, чѣмъ отъ отца... Во всѣ времена люди толпы поражались тѣми оригинальностями, какъ бы ненатуральными, рѣзко бьющими въ глаза особенностями, которыми такъ часто отличаются геніальныя личности... Великій человѣкъ оказывается въ каждый моментъ жизни настоящимъ рабомъ прошлаго и послушнымъ орудіемъ слѣпыхъ причинъ, окружающихъ и давящихъ его со всѣхъ сторонъ; а всѣ проэкты, замышляемые имъ для будущаго, опредѣляются настоящими его идеями; эти же послѣднія представляютъ сами ни что иное, какъ общій результатъ разныхъ физіологическихъ, соціальныхъ и историческихъ при-

чинъ, дѣйствія которыхъ соединились между собою и, такъ сказать, сосредоточились и воплотились въ личности великаго человѣка (106). Геніальный человѣкъ самъ налагаетъ на себя привычку—быстро организовать свои предвидѣнія, не пропускать ни одного факта, не дозволять совершиться ни одному явленію, безъ того, чтобы не найти имъ сейчасъ-же надлежащаго мѣста, гдѣ каждый изъ нихъ могъ бы всего лучше содѣйствовать постепенному обнаруженію искомой истины, или успѣшному достиженію желательнаго практическаго результата (133). Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы въ области великихъ изобрѣтеній, произведеній и дѣлъ, взаимныя сочетанія ихъ отдѣльныхъ частей оказывались всегда лишь дѣломъ простого случая, или результатомъ сильной и неразумной необходимости, несознаваемой самимъ дѣятелемъ. Мы вѣримъ, что построенію цѣлаго предшествуетъ всегда черновой его набросокъ и что у великихъ умовъ этотъ набросокъ есть въ тоже время и модель будущаго произведенія, такъ какъ всѣ существенныя черты имѣются уже на лицо (138)... Всякое великое произведеніе, великое дѣло, великій замыселъ—всегда предполагаютъ обладаніе значительнымъ числомъ идей и ясное пониманіе существующихъ между ними отношеній,—пониманіе, дозволяющее охватывать ихъ однимъ общимъ взглядомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени (160). Геній оцѣниваетъ важность своихъ замысловъ не по одному лишь идеальному ихъ величію, но также по возмож-

ности осуществленія ихъ въ дѣйствительной жизни и по прочности тѣхъ результатовъ, которые должны явиться слѣдствіемъ этого осуществленія» (163).

Таковъ взглядъ Joly на генія. Если онъ не вдается въ ту крайность, которая признаетъ въ геніѣ нейрозъ и патологическое состояніе, то съ другой стороны онъ стремится отрѣшиться и отъ другой крайности, допускающей въ геніи слишкомъ много безсознательнаго и отвлеченнаго. Joly стремится стать на реальную почву и разсмотрѣть геній какъ человѣка, но человѣка великаго и мощнаго, съ обычнымъ умомъ, но превышающимъ обычный умъ количественно и качественно.

Такого натуралистическаго взгляда на геній держится и Нордау *). «Геній представляетъ изъ себя необычайное проявленіе жизни, рѣзко отличающееся отъ обычныхъ формъ. Онъ основывается на особомъ развитіи одного или нѣсколькихъ, а иногда даже всѣхъ нервныхъ центровъ. Благодаря этому, геній выполняетъ съ необыкновеннымъ совершенствомъ родъ дѣятельности, подвѣдомственный его высоко развитымъ центрамъ. Его выполненіе нельзя сравнить съ попытками среднихъ людей, не смотря на то, что они путемъ упражненія возвели свои соотвѣтствующіе центры на возможно высокую степень, доступную ихъ организаціи. Съ чисто физіологической точки зрѣнія слѣдовало бы причислить къ геніямъ

*) Максъ Нордау. Психологія генія и таланта, 1888, p. 80.

каждаго человѣка, центры или даже ткани котораго отличаются особымъ развитіемъ, превосходящимъ нормальную мѣру (80).

Геній, существенная особенность котораго заключается въ умѣньи самобытнымъ образомъ перерабатывать впечатлѣнія внѣшняго міра, является продуктомъ высшаго органическаго развитія; клавіатура его мозга обладаетъ какъ бы лишней октавой. Никакое прилежаніе, никакіе упражненія не могутъ дать обыкновенному человѣку эту лишнюю октаву, потому что она зависитъ только отъ конструкціи инструмента (45). Средній человѣкъ смотритъ на міръ только черезъ посредство генія, въ глазахъ котораго онъ видитъ отраженіе жизни... Геній своими интеллектуальными усиліями, ему одному присущими, перерабатываетъ внѣшнія впечатлѣнія въ произведеніе искусства, понятное всѣмъ прочимъ людямъ... Обыкновенный человѣкъ думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ предварительно думалъ, чувствовалъ и дѣйствовалъ геній... Геніальность основывается на исключительномъ превосходствѣ высшихъ, одному человѣку присущихъ, центровъ, функціей которыхъ является мысль и воля. Эти двѣ способности возвышаютъ человѣка надъ прочимъ животнымъ міромъ, а высшее исключительное ихъ развитіе даетъ намъ генія (106). Геній способствуетъ прогрессу человѣчества. Въ немъ впервые появляются новыя функціи, основанныя, разумѣется, на видоизмѣненіи мозговыхъ тканей; а затѣмъ мало по малу это измѣненіе дѣлается общимъ видовымъ признакомъ цѣлой группы

людей (74)... Іерархія геніевъ представляется въ такомъ видѣ: самыми выдающимися геніями будутъ тѣ люди, которые соединяютъ въ себѣ геніальность мышленія съ геніальностью воли. Это люди дѣла, создающіе исторію народовъ, придающіе націямъ ту или другую интеллектуальную и матеріальную физіономію и направляющіе теченіе событій въ заранѣе опредѣленное русло. Это великіе законодатели, основатели государствъ, преобразователи, вводящіе въ жизнь свои ясно обдуманныя улучшенія,— наконецъ, завоеватели, главно-командующіе, дѣйствующіе по внушенію своего глубокаго мышленія, а не по чужому, смутно понимаемому, приказу... Вторую категорію занимаютъ геніи мышленія: изслѣдователи, экспериментаторы и изобрѣтатели. Къ третьей категоріи принадлежатъ геніи чистой мысли, обладающіе слабо развитой волей. За этими категоріями слѣдуютъ эмоціональные геніи, отличающіеся отъ обыкновенныхъ людей только силою автоматическихъ процессовъ, а вовсе не личной оригинальностью. Среди эмоціональныхъ геніевъ первое мѣсто принадлежитъ поэтамъ—затѣмъ слѣдуютъ художники, скульпторы, музыканты и т. д. (126—129).

Hirschl полагаетъ, что съ словомъ геній нельзя связывать опредѣленнаго физіологическаго представленія. Можетъ быть геній ученаго, геній полководца, геній поэта и т. д., но нѣтъ генія вообще. Всѣ геніи имѣютъ между собою нѣчто общее, но это не касается самого генія. Геній не одинаково проявляется у художниковъ и учe-

ныхъ. У первыхъ творчество является плодомъ вдохновенія, къ которому впослѣдствіи уже присоединяется мысль; у ученыхъ геніальнымъ открытіямъ предшествуютъ продолжительныя размышленія,—поэтому геній художника и геній ученаго неодинаковы и измѣряются различными мѣрками. Строго говоря, геніальная дѣятельность не есть нѣчто своеобразное, отдѣльное отъ дѣятельности обычныхъ людей, — психологическій процессъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ тотъ-же,—но степень интенсивности иная, а потому трудно сказать, гдѣ лежитъ граница обычнаго и гдѣ начинается геній».

Такимъ образомъ и Hirschl стремится низвести геній только на разницу въ количествѣ и качествѣ или интенсивности мозговой дѣятельности обычнаго человѣка и геніальнаго.

Prof. Flechsig говоритъ, что съ геніемъ всегда неразрывно связаны особое строеніе и особая организація... Благодаря сильному развитію отдѣльныхъ частей мозга, у геніальныхъ людей нѣсколько нарушается обычная пропорціональность, наблюдается нѣкотораго рода несоразмѣрность частей мозга, — чаще, однако, у геніевъ искусства, чѣмъ столповъ науки... Мозгъ геніальныхъ людей расчлененъ больше, обладаетъ болѣе нѣжной организаціей, составляетъ болѣе совершенный механизмъ, который уже числомъ важныхъ для духовнаго развитія элементарныхъ частей превосходитъ мозгъ простого смертнаго. Въ силу такого богатства элементами духовной дѣятельности, мозгъ генія безъ всякаго вреднаго болѣз-

ненная перевозбужденія работаетъ несравненно энергичнѣе и живѣе мозга обыкновенныхъ людей... Геній отнюдь нельзя подвести подъ типъ вырожденія, мы должны въ немъ видѣть шагъ къ созданію высшаго типа, въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ эволюціонное ученіе».

Реализмъ Lombroso пошелъ слишкомъ далеко. Онъ низводитъ геній до состоянія сумасшествія. Исходною точкою его произведеній были мысли, высказанныя Moreau de Tours. Не смотря на то, что Lombroso не стѣсняется самъ своему произведенію «о геніальности и сумасшествіи» воспѣвать хвалебные гимны въ своихъ предисловіяхъ, абсурдность его доводовъ и соображеній до такой степени ясна, что едва ли требуетъ особенныхъ усилій для своего выясненія. Постараемся передать подробнѣе содержаніе творенія Lombroso. Не давъ точнаго опредѣленія тому, что онъ разумѣетъ подъ именемъ генія, Lombroso сразу переходитъ къ указанію сходства геніальныхъ людей съ помѣшанными. «Многіе изъ великихъ мыслителей подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращеніямъ мускуловъ и отличаются рѣзкими, такъ называемыми хореическими движеніями». Въ примѣръ приводятся: Ленау, Монтескье, Наполеонъ I, Петръ Великій, Кардучи, Амперъ. — «Извѣстно, что обычный составъ урины замѣтно измѣняется послѣ маніакальныхъ приступовъ; то же самое наблюдается и послѣ усиленныхъ занятій... (Увеличеніе выдѣленія фосфорно-кислыхъ соединеній и мочевины). На основаніи этого

новаго подтвержденія закона о равновѣсіи между силой и матеріей, управляющаго всѣмъ міромъ живыхъ существъ, можно вывести и другія, болѣе изумительныя, аналогіи, напр., сѣдина и облысѣніе, худоба тѣла, а также плохая мускульная и половая дѣятельность, свойственная всѣмъ помѣшаннымъ, очень часто встрѣчаются и у великихъ мыслителей. Мыслителямъ, наравнѣ съ помѣшанными, свойственны: постоянное переполненіе мозга кровью, сильный жаръ въ головѣ и охлажденіе конечностей, склонность къ острымъ болѣзнямъ мозга и слабая чувствительность къ холоду и голоду. О геніальныхъ людяхъ, точно также, какъ и о сумасшедшихъ, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными къ обязанностямъ семьянина и члена общества... Тѣ изъ геніальныхъ людей, которые наблюдали за собою, говорятъ, что, подъ вліяніемъ вдохновенія, они испытываютъ какое-то невыразимо-пріятное лихорадочное состояніе, во время котораго мысли невольно родятся въ ихъ умѣ и брызжутъ сами собою, точно искры изъ горящей головни. Наполеонъ говорилъ, что исходъ битвъ зависитъ отъ одного мгновенія, отъ одной мысли, временно остававшейся бездѣятельной при наступленіи благопріятнаго момента, она вспыхиваетъ подобно искрѣ, и въ результатѣ является побѣда... Такимъ образомъ величайшія идеи мыслителей, подготовленныя уже полученными впечатлѣніями и въ высшей степени чувствительной организаціей субъекта, родятся внезапно и развиваются настолько же

безсознательно, какъ и необдуманные поступки помѣшанныхъ. Этой же безсознательностью объясняется непоколебимость убѣжденій въ людяхъ, усвоившихъ себѣ фанатически извѣстныя убѣжденія. Но какъ только прошелъ моментъ экстаза, возбужденія, геній превращается въ обыкновеннаго человѣка или падаетъ еще ниже, такъ какъ отсутствіе равномѣрности (равновѣсія) есть одинъ изъ признаковъ геніальной натуры... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между помѣшаннымъ во время припадка и геніальнымъ человѣкомъ, обдумывающимъ и создающимъ свое произведеніе, существуетъ полнѣйшее сходство... Многіе изъ даровитыхъ и геніальныхъ людей злоупотребляли спиртными напитками... Замѣчено, что почти всегда великія созданія мыслителей получаютъ окончательную форму подъ вліяніемъ какого-нибудь спеціальнаго ощущенія... Но вѣдь также извѣстныя ощущенія вызываютъ помѣшательство, или служатъ исходной точкой его, являясь иногда причиной самыхъ страшныхъ припадковъ бѣшенства... Разница физіологіи геніальнаго человѣка отъ обыкновеннаго заключается въ утонченной и почти болѣзненной впечатлительности перваго. По мѣрѣ развитія умственныхъ способностей, впечатлительность растетъ и достигаетъ наибольшей силы въ геніальныхъ людяхъ, являясь источникомъ ихъ страданій и славы. Эти избранныя натуры болѣе чувствительны въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, чѣмъ простые смертные, а воспринимаемыя ими впечатлѣ-

нія отличаются глубиною, долго остаются въ памяти и комбинируются различнымъ образомъ. Мелочи, случайныя обстоятельства, подробности, незамѣтныя для обыкновеннаго человѣка, глубоко западаютъ имъ въ душу и перерабатываются на тысячу ладовъ, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называютъ творчествомъ, хотя это только бинарныя и кватернарныя комбинаціи ощущенія... Болѣзненная впечатлительность порождаетъ также и непомѣрное тщеславіе, которымъ отличаются не только люди геніальные, но и вообще ученые, начиная съ древнѣйшихъ временъ; въ этомъ отношеніи и тѣ и другіе представляютъ большое сходство съ маніаками, страдающими горделивымъ помѣшательствомъ... Всѣ, кому выпадало на долю рѣдкое счастье жить въ обществѣ геніальныхъ людей, поражались ихъ способностью перетолковывать въ другую сторону каждый поступокъ окружающихъ, видѣть всюду преслѣдованія и во всемъ находить поводъ къ глубокой, безконечной меланхоліи; уныніе, застѣнчивость, эгоизмъ—вотъ жестокая расплата за высшія умственныя дарованія, которыя они тратятъ... Иногда чувствительность дѣлается односторонней, сосредоточиваясь на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ; вслѣдствіе этого, какъ великихъ людей, такъ и помѣшанныхъ, чрезвычайно трудно убѣдить и разубѣдить въ чемъ бы то ни было. И это понятно: источникъ истинныхъ и ложныхъ представленій лежитъ у нихъ глубже и развитъ сильнѣе, нежели у людей обыкновенныхъ, для которыхъ мнѣ-

нія составляютъ только условную форму, родъ одежды, мѣняемой по прихоти моды, или по требованію обстоятельствъ... Крайнее и одностороннее развитіе чувствительности служитъ причиною и тѣхъ странныхъ поступковъ, которые свойственны великимъ геніямъ наравнѣ съ помѣшанными. Подобнымъ же образомъ объясняется, почему великіе геніи не могутъ иногда усвоить понятій, доступныхъ самымъ дюжиннымъ умамъ и въ то же время высказываютъ такія сильныя идеи, которыя большинству кажутся нелѣпыми. Дѣло въ томъ, что большей впечатлительности соотвѣтствуетъ и большая ограниченность мышленія. Умъ, находящійся въ состояніи экстаза, не воспринимаетъ слишкомъ пустыхъ и легкихъ положеній, несоотвѣтствующихъ его мощной энергіи... Геній обладаетъ способностью угадывать то, что ему не вполнѣ извѣстно... Самыя жестокія преслѣдованія геніальнымъ людямъ приходится испытывать именно отъ ученыхъ академиковъ, которые въ борьбѣ противъ генія, обусловливаемой тщеславіемъ, пускаютъ въ ходъ свою ученость, а также обаяніе ихъ авторитета, по преимуществу признаваемаго за ними, какъ дюжинными людьми, такъ и правящими классами, тоже по большей части состоящими изъ дюжинныхъ людей... Но оригинальность, хотя почти всегда безцѣльная, нерѣдко замѣчается также въ поступкахъ людей помѣшанныхъ, въ особенности же въ ихъ сочиненіяхъ, которыя только вслѣдствіе этого получаютъ иногда оттѣнокъ геніальности. Между прочимъ геніальные люди отличаются,

на равнѣ съ помѣшанными, и наклонностью, къ безпорядочности и полнымъ невѣдѣніемъ практической жизни, которая кажется имъ такой ничтожной въ сравненіи съ ихъ мечтами.

Наблюденія Lombroso показали, «что психическое состояніе помѣшанныхъ измѣняется подъ вліяніемъ колебаній барометра и термометра. Полнѣйшая аналогія съ этими явленіями замѣчается и въ тѣхъ людяхъ, которыхъ природа болѣе щедро одарила умственными способностями»... По его мнѣнію, наиболѣе знойные мѣсяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для геніальныхъ умовъ. Для художественнаго творчества наиболѣе благопріятнымъ мѣсяцемъ оказывается май, за нимъ слѣдуютъ сентябрь и апрѣль... Развитіе умопомѣшательства совпадаетъ обыкновенно съ повышеніемъ температуры весною и лѣтомъ и даже идетъ параллельно ему... Несомнѣнно, раса, политическія движенія, свобода мысли и слова, богатство страны, наконецъ, близость литературныхъ центровъ,— все это оказываетъ большое вліяніе на появленіе геніальныхъ людей, но несомнѣнно также, что не меньшее значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи температура и климатъ», при чемъ особенно благопріятствуютъ горный климатъ и теплыя мѣста. «Общеизвѣстенъ фактъ также, что въ горныхъ странахъ жители болѣе подвержены сумасшествію, чѣмъ въ низменныхъ. Кромѣ того новѣйшія наблюденія доказываютъ, что эпидемическое безуміе встрѣчается гораздо чаще

въ горахъ, чѣмъ въ долинахъ». Далѣе, Lombroso разсматриваетъ вліяніе расы и наслѣдственности на геніальность и помѣшательство, причемъ въ первомъ отношеніи ограничивается только еврейскою расою. «Европейскіе евреи достигли такой степени умственнаго развитія, что, пожалуй даже опередили арійское племя... Кромѣ того, среди евреевъ даже болѣе распространено общее образованіе, чѣмъ среди другихъ націй,—они занимаютъ выдающееся положеніе не только въ торговлѣ, но и во многихъ другихъ родахъ дѣятельности, напр., въ музыкѣ, журналистикѣ, литературѣ и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицины. Такъ, въ музыкѣ евреямъ принадлежатъ такіе геніи, какъ: Мейерберъ, Галеви, Гузиковъ, Мендельсонъ и Оффенбахъ; въ юмористической литературѣ: Гейне, Сафиръ, Камерини, Ревере, Колиссъ, Якобсонъ, Юнгъ, Вейль, Фортисъ и Гозланъ; въ изящной словесности: Ауэрбахъ, Комперть и Агилеръ; въ лингвистикѣ: Асколи, Мункъ, Фіорентино, Луццато и др.; въ медицинѣ: Валентинъ, Германъ, Гейденгайнъ, Шиффъ, Касперъ, Гиршфельдъ, Штиллингъ, Глугеръ, Траубе, Френкель, Кунъ, Конгеймъ и Гиршъ; въ философіи: Спиноза, Зоммергаузенъ и Мендельсонъ, а въ соціологіи: Лассаль и Марксъ!.. Въ то же время среди евреевъ встрѣчается вчетверо и даже впятеро больше помѣшанныхъ, чѣмъ среди ихъ согражданъ, принадлежащихъ къ другимъ національностямъ. Такая роковая привиллегія еврейской расы осталась однако незамѣченной со стороны антисемитовъ, составившихъ язву современ-

ной Германіи. Если бы они обратили вниманіе на этотъ фактъ, то, конечно, не стали бы такъ негодовать на успѣхи, дѣлаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы какъ дорого приходится евреямъ расплачиваться за *свое умственное превосходство* даже въ наше время. Впрочемъ, врядъ ли евреи были болѣе несчастливы, чѣмъ теперь, когда они подвергаются преслѣдованіямъ именно за то, что составляетъ ихъ славу... Вліяніе наслѣдственности въ передачѣ помѣшательства сказывается вдвое сильнѣе и напряженнѣе, чѣмъ въ передачѣ геніальныхъ способностей... Не говоря о многихъ геніяхъ, страдавшихъ галлюцинаціями болѣе или менѣе продолжительное время, какъ: Андралъ, Челлини, Гете, Тоббсъ, Грасси, или потерявшихъ разсудокъ въ концѣ своей славной жизни, какъ, напр., Вико и др., немалое число геніальныхъ людей было въ то же время и маніаками, или всю жизнь находились подъ вліяніемъ галлюцинацій, какъ Мотанусъ, Гаррингтонъ, Галлеръ, Амперъ, Мендельсонъ, Форини, Бругэмъ, Соути, Гуно, Говоне, Гуцковъ, Монжъ, Фуркруа, Лойдъ, Куперъ, Роккіа, Риччи» и др. Доказавъ тѣсную связь генія съ сумасшествіемъ фактами развитія душевныхъ болѣзней у геніальныхъ лицъ, Lombroso прибѣгаетъ къ обратному методу—примѣрамъ геніевъ между помѣшанными. Воспользуемся его примѣрами: «Многіе изъ моихъ учениковъ помнятъ того душевно-больного Б., теперь уже выздоровѣвшаго окончательно, котораго смѣло можно было назвать геніемъ,

вышедшимъ изъ народа. Онъ перепробовалъ всѣ профессіи: былъ звонаремъ, слугой, носильщикомъ, продавцемъ желѣзныхъ издѣлій, трактирщикомъ, учителемъ, солдатомъ, писцемъ, но ничто его не удовлетворяло. Онъ составилъ для меня свою біографію и такъ хорошо, что если исправить нѣкоторыя орѳографическія ошибки, то она годилась бы въ печать, а съ просьбою отпустить его изъ больницы, Б. обратился ко мнѣ въ стихахъ, весьма недурныхъ для простолюдина.—Нѣкто В., лишившійся разсудка воръ, бросился бѣжать, воспользовавшись позволенной ему прогулкой. Когда его поймали и стали укорять, зачѣмъ онъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ, онъ отвѣчалъ: я хотѣлъ только испытать быстроту своихъ ногъ... Одинъ старикъ 70 лѣтъ, совершенно беззубый, страдавшій mania chronica, часто разыгрывалъ изъ себя шута, и когда мы укоряли его, находя это неприличнымъ въ такія лѣта, онъ возражаетъ: что за лѣта мои, я совсѣмъ не старикъ,— развѣ вы не видите, что у меня еще и зубы не прорѣзались». Затѣмъ Lombroso приводитъ подобные случаи душевно-больныхъ поэтовъ, юмористовъ, артистовъ и художниковъ. Проповѣдуя столь настойчиво тѣсную связь между геніемъ и помѣшательствомъ, въ заключеніи своемъ Lombroso является очень осторожнымъ и ограниченнымъ: «въ физіологическомъ отношеніи между нормальнымъ состояніемъ геніальнаго человѣка и патологическимъ помѣшаннаго существуетъ не мало точекъ соприкосновенія. Между геніальными людьми встрѣ-

чаются помѣшанные и между сумасшедшими геніи. Но было и есть множество геніальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ненормальностей въ сферѣ чувствительности».

IV.

Lombroso считается авторитетомъ въ области душевныхъ заболѣваній. Его мнѣніе въ этомъ отношеніи представляется серьезнымъ и остальнымъ приходится или подчиняться этому мнѣнію и признать его правильнымъ, или указать его несостоятельность.

При всемъ моемъ постоянномъ уваженіи въ представителямъ науки и ихъ мнѣніямъ въ научной области, я долженъ заявить, что не могу признать въ данномъ случаѣ мнѣніе Lombroso ни правильнымъ, ни научно-обоснованнымъ.

Нордау, котораго едва ли можно уличить къ пристрастномъ отношеніи къ Lombroso, говоритъ слѣдующее: «мой знаменитый учитель Lombroso утверждаетъ, что геніальность есть родъ эпилепсіи, а потому, слѣдовательно, здоровыхъ геніевъ не бываетъ: всѣ они ненормальны, всѣ являются продуктами вырожденія. Я полагаю, что подобное заблужденіе коренится на традиціонномъ и въ то же время не точномъ пониманіи слова «геній». Мы съ непростительнымъ легкомысліемъ называемъ геніями изступленныхъ болтуновъ, изображающихъ

изъ себя пророковъ и артистовъ, и восхищающихъ своей неожиданной экстравагантностью самую тошнотную часть филистерской арміи, а именно—патентованныхъ эстетиковъ»... (р. 73).

Я умышленно привелъ мнѣніе Нордау относительно Ломброзо, какъ потому, что послѣдній является первому учителемъ, такъ и потому, что Ломброзо для Нордау «знаменитый» учитель. И тѣмъ не менѣе Нордау не затрудняется признать его въ данномъ случаѣ заблуждающимся и легкомысленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ломброзо называетъ геніальностью и кого онъ принимаетъ геніемъ. Точнаго опредѣленія геніальности онъ не даетъ, а право генія Ломброзо раздаетъ столь щедрою рукою, что иногда задумаешься, читая произведеніе его, серьезно ли онъ это говоритъ, или иронизируетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого только онъ не титулуетъ геніемъ? Для доказательства приведемъ примѣръ. Касаясь вліянія расы на геніальность, онъ съ особеннымъ смакомъ занимается восхваленіемъ и превозношеніемъ еврейской расы. Это выходитъ его избранный народъ и Ломброзо какъ второй Іегова, награждаетъ дѣтей этого народа геніальностью чуть не поголовно. Я не считаю себя компетентнымъ высказывать мнѣніе относительно права на геніальность лицъ, выставленныхъ Lombroso въ области литературы: Гозлана, Фартиса, Вейля, Лонга, Якобсона и др.,—но позволю себѣ остановиться на именахъ медиковъ изъ евреевъ, причисленныхъ Ломброзо къ лику геніальныхъ,—они суть: Валентинъ,

Германъ, Гейденгайнъ, Шиффъ, Касперъ, Гиршфельдъ, Штиллингъ, Глугеръ, Лауренсъ, Траубе, Френкель, Кунъ, Конгеймъ и Гиршъ *). Откровенно говоря, большинство изъ этихъ писателей, если-бы могли прочитать этотъ панегирикъ геніальности себѣ со стороны Ломброзо, то навѣрное покраснѣли-бы и за себя и за развязность Ломброзо, безцеремонно навязывающаго всякому ученому еврею, хотя-бы онъ былъ самою обыкновенною посредственностью, ге-

.....

*) Къ этому нужно причислить, вѣроятно, и самого Ломброзо. Еврей-ли онъ на дѣлѣ—не знаю; но что онъ еврей по духу, это доказывается его необыкновенною заботливостью объ избранномъ и излюбленномъ имъ народѣ. А что онъ не прочь признать себя за генія, это ясно изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ уликъ. Такъ, въ его предисловіи къ четвертому изданію даннаго его сочиненія говорится слѣдующее: «Когда много лѣтъ тому назадъ, находясь какъ-бы подъ вліяніемъ экстаза (raptus), во время котораго мнѣ точно въ зеркалѣ съ полной очевидностью представлялись соотношенія между геніальностью и помѣшательствомъ, я въ 12 дней написалъ первыя главы этой книги, то, признаюсь, даже мнѣ самому не было ясно, къ какимъ серьезнымъ практическимъ выводамъ (?) можетъ привести созданная мною теорія. Я не ожидалъ, что она дастъ ключъ къ уразумѣнію таинственной сущности генія и къ объясненію тѣхъ странныхъ религіозныхъ маній, которыя являются иногда ядромъ великихъ историческихъ событій»... Мы нисколько не удивимся, если въ будущемъ приступѣ экстаза или вдохновенія г. Ломброзо объявитъ себя іеговою, а народъ еврейскій—своимъ народомъ и признаетъ его во всей его совокупности и въ отдѣльности геніями. Да и теперь уже онъ не стѣсняется говорить, что «эти антисемиты, составляющіе язву современной Германіи, если бы узнали получше евреевъ, то, конечно, поняли бы, какъ дорого приходится евреямъ расплачиваться за свое умственное превосходство»...

ніальность. Во всякомъ случаѣ, если кого изъ всей этой плеяды еще можно было-бы отнести къ геніямъ, то развѣ только Гейденгайна; всѣ-же Валентины, Глугеры, Лаурены, Френкели, Куны и проч. представляютъ собою самыя обыкновенныя величины, какихъ на каждомъ шагу можно встрѣчать и между учеными изъ французовъ, русскихъ, поляковъ, чеховъ, нѣмцевъ и т. д.

Или-же, исходя изъ фактической стороны, выставленной Ломброзо, геніальнымъ человѣкомъ можно считать всякаго, болѣе или менѣе образованнаго человѣка, что совершенно расходится съ понятіемъ, установившимся у общества о геніи...

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что у Ломброзо основная и исходная точка зрѣнія является неправильною и ошибочною; не давая точнаго опредѣленія генію, онъ слишкомъ расширяетъ рамки его,—дѣлаетъ это для того, чтобы набрать по больше фактовъ, при чемъ сами факты являются далеко не доказательными. Обратимся къ фактамъ Ломброзо.

Прежде всего Lombroso отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «многіе изъ великихъ мыслителей подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращеніямъ мускуловъ и отличаются рѣзкими, такъ называемыми хореическими, движеніями». Что многіе геніальные люди подвержены были судорожнымъ сокращеніямъ—это вѣрно и доказываетъ вполнѣ то положеніе, что они носили въ себѣ нейрозъ. Съ этимъ положеніемъ, если бы только оно было выражено, можно было бы еще согласиться. Но Lombroso

далеко не это хочетъ сказать. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что эти великіе люди подвержены были судорожнымъ сокращеніямъ, такъ называемымъ хореическимъ движеніямъ, *подобно помѣшаннымъ*. Вотъ это послѣднее совершенно неправильно. Всякій читатель, незнакомый съ медициной, можетъ подумать, что судорожными хореическими подергиваніями страдаютъ всѣ помѣшанные. Естественно, при такомъ ошибочномъ допущеніи, невольно возникаетъ сближеніе между геніемъ и помѣшательствомъ. На дѣлѣ судорожныя хореическія явленія у помѣшанныхъ—явленіе весьма и весьма рѣдкое. Они бываютъ у хореическихъ помѣшанныхъ, а хореическое помѣшательство едва ли не рѣже, чѣмъ геній; они весьма рѣдко бываютъ у идіотовъ и столь же рѣдко у маніаковъ. Между судорожнымъ подергиваніемъ геніевъ и дрожью прогрессивныхъ паралитиковъ едва ли даже можно проводить параллель. Такимъ образомъ, судорожныя хореическія подергиванія у душевно-больныхъ явленіе весьма и весьма рѣдко и фраза г. Ломброзо «подобно помѣшаннымъ» не должна смущать читателя и на дѣлѣ никакъ не можетъ породить аналогіи между спазмами геніевъ и судорожными подергиваніями помѣшанныхъ.

Далѣе, Lombroso ставитъ въ параллель измѣненія въ уринѣ маніаковъ и геніевъ и находитъ не только между ними аналогію, но даже подтвержденіе закона равновѣсія между силой и матеріей. Несомнѣнно, что тщательныя изслѣдованія обмѣна веществъ могутъ служить большимъ разъясненіемъ

для закона равновѣсія между матеріей и силой, но должно сознаться, что эти изслѣдованія даже для нормы далеки отъ окончательно установившихся; они почти отсутствуютъ въ области психопатологіи и совершенно отсутствуютъ по отношенію къ геніальнымъ людямъ. Туманныя картины, рисуемыя въ этомъ отношеніи Lombroso, плодъ его фантазіи и до сихъ поръ не имѣютъ за себя строго научныхъ данныхъ. На основаніи своихъ предположеній Lombroso выводитъ доказательства не только для строгаго закона равновѣсія, но и дальнѣйшія аналогіи между геніемъ и помѣшательствомъ; именно, что «сѣдина, облысѣніе, худоба тѣла, а также плохая мускульная и половая дѣятельность, свойственная всѣмъ помѣшаннымъ, очень часто встрѣчаются и у великихъ мыслителей». Мнѣ приходилось наблюдать и изучать десятки тысячъ душевно-больныхъ людей и я рѣшительно не могу сказать, чтобы посѣдѣніе, облысѣніе, плохая мускульная и половая дѣятельность были свойственны всѣмъ помѣшаннымъ»,— скажу больше: всѣ эти явленія у душевно больныхъ вовсе не чаще, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей, не содержавшихся въ домахъ умалишенныхъ. Судя по отношеніямъ и личнымъ встрѣчамъ, едва ли также можно согласиться и съ тѣмъ, чтобы и геніальные люди были особенно часто сѣды, лысы и импотенты. Мнѣ кажется, что и эту аналогію Lombroso привелъ для красоты рѣчи, а не для убѣдительности и доказательности,—или же онъ слишкомъ уже понадѣялся на легковѣріе публики, запуган-

ной фантастическими картинами мертваго дома.

Далѣе Lombroso говоритъ: «Мыслителямъ *наравнѣ съ помѣшанными* свойственны: постоянное переполненіе кровью мозга, сильный жаръ въ головѣ, склонность къ острымъ болѣзнямъ мозга и слабая чувствительность къ холоду и голоду». И здѣсь приводится фраза *наравнѣ съ помѣшанными.* Можно подумать, что всѣ вышеуказанныя явленія прежде всего свойственны помѣшаннымъ, а потомъ уже наравнѣ съ ними и великимъ мыслителямъ. Рѣшительно нельзя не удивляться безцеремонности обращенія Lombroso съ научными данными, могущей у людей незнакомыхъ съ дѣломъ породить къ автору уваженіе, людей-же, ближе стоящихъ къ дѣлу, мысли совершенно обратныя.

Кто хотя сколько нибудь знакомъ со вскрытіями душевно-больныхъ, или хотя-бы съ литературою этого вопроса, тотъ никогда не скажетъ, что «всѣмъ душевно-больнымъ свойственно постоянное переполненіе мозга кровью». Въ мозгу душевно-больныхъ можно встрѣчать самыя разнообразныя картины: и переполненіе кровью, и малокровіе, и среднее количество крови и множество другихъ измѣненій. Выдергивать одно какое либо патологическое явленіе, далеко не постоянное, ставить его общимъ и на немъ строить аналогію двухъ явленій — едва ли научно и позволительно.

Въ этой же фразѣ г. Lombroso впадаетъ даже въ противорѣчіе съ собою. Онъ говоритъ, что мыслителямъ наравнѣ съ помѣшанными свойственна слабая чувствитель-

ность къ холоду. Это не вѣрно какъ по отношенію къ мыслителямъ, такъ и по отношенію къ душевно-больнымъ. Въ книгѣ самого же Lombroso мы находимъ цѣлый рядъ доказательствъ тому, что геніальные люди любятъ тепло и творятъ въ теплѣ по преимуществу. Очень многіе душевно-больные также слишкомъ чутки къ холоду и требуютъ тепла.

Lombroso говоритъ: «О геніальныхъ людяхъ, точно также, какъ и о сумасшедшихъ, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными къ обязанностямъ семьянина и члена общества». Сказать о душевно-больныхъ, что они всю жизнь относятся холодно и равнодушно къ обязанностямъ семьянина и члена общества, можно только по отношенію къ идіотамъ и отчасти къ паранойкамъ; по отношенію же къ остальнымъ душевно-больнымъ это неправильно и невѣрно,—тоже едва-ли правильно и по отношенію къ геніямъ,—едва-ли и имъ можно приписать такія непорядочныя свойства.

«Величайшія идеи мыслителей родятся внезапно, развиваются настолько же безсознательно, какъ и необдуманные поступки помѣшанныхъ». Если мы допустимъ даже аналогію между *мыслями* и *поступками*, то и тогда для всякаго ясно, что безсознательность здраво мыслящаго человѣка и патологическая безсознательность помѣшаннаго рѣзко разнятся между собою и проводить между ними параллель едва ли возможно. Далѣе Lombroso говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между помѣшан-

нымъ во время припадка и геніальнымъ человѣкомъ, обдумывающимъ и создающимъ свое произведеніе, существуетъ полнѣйшее сходство»,—я же думаю что между помѣшаннымъ во время припадка и геніальнымъ человѣкомъ, обдумывающимъ свое произведеніе, нѣтъ рѣшительно никакого сходства, ибо у помѣшаннаго во время его припадка отсутствуютъ вовсе логика и мышленіе, или они находятся ви самомъ жалкомъ положеніи,—тогда какъ у геніальнаго человѣка во время обдумыванія своего произведенія, они находятся на высотѣ напряженности обычнаго мышленія, превосходящей обычное мышленіе на столько же, на сколько геніальный умъ стоитъ выше обычнаго ума.

Вотъ главные доводы Lombroso, на основаніи которыхъ онъ стремится доказать сходство людей помѣшанныхъ и геніальныхъ. На нашъ взглядъ эти доводы весьма не доказательны и не убѣдительны, а обращеніе съ научными данными слишкомъ свободно и произвольно, чтобы не сказать еще большаго.

Остается еще одинъ доводъ Lombroso—тотъ, гдѣ онъ усматриваетъ геніальность въ помѣшанныхъ. Но стоитъ только просмотрѣть приведенные нами примѣры Lombroso, чтобы убѣдиться, что эта геніальность не превышаетъ геніальности идіота.

Извѣстный германскій психіатръ, проф. Flechsig, даетъ такой отзывъ о данной теоріи Lombroso. «Здраво-мыслящій человѣкъ въ идеяхъ Lombroso видитъ ничто иное, какъ жалкую неудачную попытку заклеймить талантъ и втоптать въ грязь все

великое и не рѣшается придавать какое-нибудь значеніе мнѣніямъ такихъ *сомнительныхъ авторитетовъ психіатріи»*...

Вообще все это произведеніе Lombroso производитъ на меня весьма странное впечатлѣніе и заставляетъ принять одинъ изъ двухъ выводовъ: или я, какъ современникъ г. Lombroso, еще не дорось до пониманія его геніальнаго произведенія,—или я долженъ воскликнуть вмѣстѣ съ Максомъ Норда у: Раввуни, ты зарапортовался!

V.

Теперь я позволю себѣ изложить мое личное мнѣніе на то, что такое геній. Геній никоимъ образомъ не есть болѣзнь. Геній есть высшее и высочайшее проявленіе душевныхъ силъ у даннаго лица по сравненію съ таковыми же лицами, равными ему по возрасту, общественному положенію, національности и географическому положенію. Это есть высочайшій расцвѣтъ умственныхъ и душевныхъ силъ и мощи. Это есть краса и честь семьи и общества, государства и человѣчества. Геніи не создаются, а родятся. Ни воспитаніе, ни образованіе, ни другія условія жизни не могутъ изъ даннаго лица создать генія, если онъ къ тому не имѣетъ природныхъ дарованій. Для того, чтобы явиться геніемъ нужно отъ природы имѣть къ тому особенное предрасположеніе, которое должно состоять въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ, наивысшемъ развитіи нервныхъ элементовъ центральной нервной системы и периферическихъ ея

окончаній, во всей ея полнотѣ, или частично. Отсюда и геніи могутъ быть или полными геніями, или обладать геніальными дарованіями въ одномъ или нѣсколькихъ направленіяхъ. Такимъ образомъ центральная нервная система генія, какъ органъ ума и души, не въ болѣзненномъ состояніи должна находиться, а представлять по строенію своихъ нервныхъ элементовъ наивысочайшее совершенство нормы, какъ по строенію нервныхъ клѣтокъ, такъ и по соотношенію отдѣльныхъ частей и частицъ ихъ и по питанію ихъ. Мало того. Въ мірѣ все должно совершенствоваться, развиваться и прогрессировать. Нервные элементы центральной нервной системы генія будутъ представлять собою прогрессъ развитія для даннаго человѣчества; а потому они будутъ совершеннѣе, полнѣе и наитончайше устроены, чѣмъ у остальныхъ людей. Въ виду такого совершенства устройства нервныхъ элементовъ нервной системы генія и отправленія ея, т. е. умъ и душевныя силы, должны быть выше, полнѣе, мощнѣе и совершеннѣе, чѣмъ у остальныхъ лицъ. Высота и совершенство этихъ душевныхъ способностей будутъ стоять въ тѣсной связи съ высотою, совершенствомъ и преобладаніемъ надъ обычнымъ уровнемъ центральной нервной системы. Отсюда слѣдуетъ, что геніи бываютъ не одинаковы: одни больше, другіе меньше,— одни полнѣе, другіе ограниченнѣе. Такая разница прежде всего, но не единственно, зависитъ отъ совершенства строенія нервныхъ элементовъ центральной нервной системы. Но если такое предрасположеніе центральной нервной

системы, дарованное природою и унаслѣдованное отъ рожденія, не получаетъ для своего проявленія надлежащихъ жизненныхъ условій: воспитанія, условій жизни, надлежащей обстановки и проч., то изъ такого человѣка и не будетъ генія, а только человѣкъ со странностями. Трудно оспаривать то положеніе, что геніи въ одинаковой мѣрѣ принадлежатъ отдѣльнымъ расамъ, національностямъ и народностямъ. Скорѣе всего можно допустить, что всѣ націи и расы получаютъ геніальность болѣе или менѣе равномѣрно. Геніи въ одинаковой мѣрѣ появляются и между славянами, какъ и между нѣмцами, французами, англичанами, итальянцами, монголами, неграми и проч. Но несомнѣнно, что качества геніальности не одинаковы для отдѣльныхъ національностей и чѣмъ выше стоитъ въ культурномъ отношеніи нація, тѣмъ выше и совершеннѣе будетъ ея геній. Въ этомъ отношеніи, по справедливости, первенство должно падать на долю французовъ, затѣмъ на долю нѣмцевъ и англичанъ, далѣе на долю славянъ и итальянцевъ и т. д. Слѣдуетъ, однако, добавить, что на развитіе и направленіе генія должны имѣть вліяніе не только степень и совершенство развитія народности, но и вѣковое ея направленіе въ той или другой спеціальности. Такъ, во Франціи больше должны появляться геніи ума, тогда какъ въ Италіи—геніи искусства и художества. На развитіе генія могутъ имѣть вліяніе не только уровень и обстановка данной національности, но и таковыя же другихъ національностей, стоящихъ въ этомъ отно-

шеніи выше. На геній Петра имѣли вліяніе не только общая среда, но общія душевныя условія тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ; поэтому его геній неизмѣримо выше современнаго ему русскаго уровня.

Если геній рождается въ негритянской семьѣ и его умственный кругозоръ не получитъ свѣдѣній дальше его народности, то этотъ геній только и будетъ геніемъ для своей національности и въ нашихъ глазахъ онъ будетъ представляться великимъ негромъ, какъ были великими монголами Тамерланъ, Тохтамышъ и Аттила. Но если негритянскій геній получитъ общеевропейское образованіе и ознакомится съ условіями жизни и быта европейскихъ народовъ, то такой геній будетъ для насъ великимъ человѣкомъ. Но, принимая во вниманіе вліяніе на человѣка его расы, мы должны допустить, что этотъ послѣдній великій человѣкъ будетъ все-таки съ оттѣнкомъ негра, хотя бы получилъ и общеевропейское образованіе. Вліяніе расы сказывается весьма долго. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ евреи. Недостаточно еврею принять христіанство и жить въ Россіи, чтобы стать вполнѣ русскимъ. Пройдутъ десятки лѣтъ, а можетъ быть и десятки поколѣній, пока еврейская національность превратится въ русскую. И эта національная особенность кладетъ свою печать одинаково какъ на обычнаго человѣка, такъ и на генія, хотя на послѣднемъ на столько же меньше, на сколько его дарованія выше общаго уровня. Изъ этого вытекаетъ еще одно положеніе: несправедливо

издѣвательство надъ національностями со стороны интернаціоналовъ. Націонализмъ есть голосъ природы. Интернаціонализмъ имѣетъ въ основѣ своей или ханжество, или бравуру, или недомысліе, или увлеченіе.

Вліяетъ-ли на продукцію генія климатъ и географическое положеніе—трудно сказать. Можно думать, что богатство и полнота природныхъ условій могутъ способствовать болѣе частому развитію и появленію генія,—хотя едва-ли правильно отрицать возможность появленія генія и на бѣдномъ сѣверѣ.

Говорить о наслѣдственности генія — едва-ли возможно. Геніи не родятся подобно грибамъ. Они являются на милліоны людей и трудно себѣ допустить нѣсколькихъ геніевъ на одну семью, если не разумѣть подъ геніемъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Замѣчено, однако, что огромное большинство геніевъ имѣетъ въ числѣ своихъ предшественниковъ людей крайне впечатлительныхъ: нервныхъ больныхъ и даже душевно больныхъ.

Давно уже говорятъ о томъ, что матери геніальныхъ людей женщины умныя и съ характеромъ, но трудно доказать, чтобы эти матери носили въ себѣ нѣчто геніальное.

Геній проявляется преимущественно въ мужчинахъ и если бываетъ присущъ женщинамъ, то проявляется въ нихъ значительно въ слабѣйшей степени. Шопенгауэръ даже заявляетъ, что «женщины могутъ обладать значительнымъ талантомъ, но жен-

щины не бываютъ геніальны, такъ какъ онѣ всегда субъективны»...

Замѣчено еще и то, что въ той же семьѣ рядомъ съ геніемъ иногда попадается и другое даровитое лицо, но далеко пониже своего даровитаго брата, и при томъ почти всегда сестра. Такова была Софія у Петра Великаго, Элиза у Наполеона и т. д. Наконецъ, замѣчали и то, что въ семьяхъ геніальныхъ людей часто ютится эпилепсія, истерія и идіотизмъ. Во всякомъ случаѣ далеко не рѣдкость—фактъ, что на ряду съ геніальностью въ семьѣ ютятся умственная убогость и тупоуміе. Въ этомъ отношеніи существуетъ довольно остроумная гипотеза. Говорятъ, что всякой семьѣ присуща извѣстная сумма умственныхъ и душевныхъ силъ, которая переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію по пріемству и распредѣляется между членами семьи болѣе или менѣе равномѣрно, или въ извѣстномъ соотношеніи. Но бываютъ случаи, когда одно лицо данной семьи получаетъ дарованія съ слишкомъ большимъ избыткомъ, совершенно нарушающимъ общій балансъ и экономію семейной энергіи; тогда остальные члены семьи, иногда даже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, будутъ представлять дефектъ, граничащій съ тупоуміемъ, недостаткомъ нравственности, эпилепсіей и даже идіотизмомъ.

Первое дѣтство геніальныхъ людей часто связано съ нервными заболѣваніями. Иногда у нихъ судороги проявляются въ формѣ младенческаго (eclampsia),—судороги

эти бываютъ при прорѣзываніи зубовъ, во время лихорадочнаго состоянія и проч.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наступаютъ даже приступы эпилепсіи, каталептическаго оцѣпененія и проч.,—но эти приступы не часты и даже единичны. Вся эта нервность въ большей своей части—наслѣдіе семьи и въ меньшей части—результатъ слишкомъ большой нѣжности, тонкости и чуткости нервной системы, не выдерживающей неблагопріятнаго воздѣйствія обычной среды.

Въ дѣтствѣ эти люди почти всегда проявляютъ особенности, выдѣляющія ихъ изъ среды сверстниковъ. Эти особенности ничего не говорятъ о будущемъ дѣтей, но отличаютъ ихъ настоящее. Въ большинствѣ случаевъ эти дѣти бываютъ одиноки, замкнуты, сосредоточены и даже скрытны. Они не охотно идутъ въ общество сверстниковъ и предпочитаютъ общество старшихъ и взрослыхъ. Среди сверстниковъ они всегда господствуютъ, повелѣваютъ и не любятъ противорѣчія и ослушанія. Обыкновенно такія дѣти отличаются прекрасными способностями и усвоеніе имъ дается легко; но они не любятъ учиться, тяготятся ученіемъ и исполняютъ его въ силу необходимости. Между тѣмъ они не проводятъ времени въ играхъ и шалостяхъ. Все время они посвящаютъ фантазіи и воображенію. Матеріалъ для своихъ фантазій они черпаютъ меньшею частью изъ окружающей обстановки и разсказовъ и большею частью изъ книгъ, которыя они проглатываютъ весьма охотно, дѣлая преимущественно извѣстный подборъ.

Природныя свойства этихъ дѣтей отли-

чаются утонченной и почти болѣзненной впечатлительностью. По мѣрѣ развитія умственныхъ способностей, впечатлительность растетъ и достигаетъ наибольшей силы въ геніальныхъ людяхъ. Эти избранныя натуры болѣе чувствительны въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, чѣмъ простые смертные, а воспринимаемыя ими впечатлѣнія отличаются глубиною, долго остаются въ памяти и сочетаются весьма разнообразно. Мелочи, случайныя обстоятельства, подробности, незамѣтныя для обыкновеннаго человѣка, глубоко западаютъ имъ въ душу и перерабатываются на тысячу ладовъ, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называется творчествомъ, хотя это только бинарная и кватенарная комбинація ощущенія (Lombroso).

По мнѣнію Шопенгауера, геній долженъ обладать живымъ страстнымъ темпераментомъ, физически проявляющимся необыкновенной энергіей... Флегматическій геній невозможенъ»... Эти люди сохраняютъ на всю жизнь свойственную юности способность воспріятія ощущеній, впечатлительности и отзывчивости, а вслѣдствіе этого, и пониманіе жизни интересовъ молодого поколѣнія вполнѣ имъ доступны. Между ними и жизнью, новымъ поколѣніемъ, ихъ старостью и наступившею юностью нѣтъ раздѣляющей пропасти. Они всегда живутъ въ уровень съ вѣками и даже впереди вѣка. Съ этою особенностью характера геніальныхъ людей въ связи стоитъ часто ихъ наивность и отсутствіе практичности. Если же они своими дѣйствіями и показываютъ

основательность и прекрасную практическую приспособленность, то это скорѣе результатъ ихъ интуиціи, нежели опыта.

«Возвышаясь надъ своей средою, великій человѣкъ почерпаетъ, однако, изъ нея тысячи впечатлѣній, которымъ онъ придаетъ большую ясность, продолжительность и силу, облекая ихъ въ яркіе образы собственной фантазіи,—тысячи поползновеній и мимолетныхъ желаній, которыя онъ дѣлаетъ, при свѣтѣ этихъ образовъ, болѣе настойчивыми и послѣдовательными и превращаетъ въ твердые, выдержанные акты воли,—наконецъ, тысячи энергій, правда разсѣянныхъ и безпорядочныхъ, быстро замирающихъ на полъ-пути и несогласныхъ другъ съ другомъ, но которыя онъ собираетъ вмѣстѣ, организуетъ въ связное цѣлое и доводитъ до того, что заставляетъ ихъ всѣхъ дѣйствовать согласно выполненію своего великаго замысла». (Joly). «Великій человѣкъ самъ налагаетъ на себя привычку—быстро организовать свои предвѣдѣнія, не пропуская ни одного факта, не дозволяетъ совершиться ни одному явленію безъ того, чтобы не найти имъ сейчасъ же надлежащаго мѣста, гдѣ каждый изъ нихъ могъ бы всего лучше содѣйствовать постепенному обнаруживанію искомой истины, или успѣшному достиженію желательнаго практическаго результата... Всякое великое дѣло, великое произведеніе, великій замыселъ—всегда предполагаютъ обладаніе значительнымъ числомъ идей и ясное пониманіе существующихъ между ними отношеній,—пониманіе, дозволяющее охваты-

вать ихъ однимъ общимъ взглядомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени» (Joly). «Геній, существенная особенность котораго заключается въ умѣньи самобытнымъ образомъ перерабатывать впечатлѣнія внѣшняго міра, является продуктомъ высшаго органическаго развитія; клавіатура его мозга обладаетъ какъ бы лишней октавой» (Нордау).

Въ такомъ видѣ представляется намъ душевная жизнь генія. Разберемъ на элементы эти общіе выводы. Геніи обладаютъ необыкновенно утонченной чувствительностью, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Это значитъ, что чувствительныя воспріятія генія несравненно богаче и несравненно совершеннѣе, чѣмъ обычнаго человѣка. Очевидно, ихъ органы чувствъ воспринимали всѣ нормы болѣе тончайшія внѣшнія раздраженія, причемъ эти воспріятія отличаются необыкновенною ясностью, точностью и полностью. Естественный выводъ изъ этого: количество впечатлѣній и количество ощущеній у такихъ лицъ будетъ несравненно большее, чѣмъ у обычныхъ людей, причемъ эти ощущенія столь же совершенны и качественно. Между тѣмъ мы знаемъ, что ощущенія служатъ основою представленій, понятій и мысли. Ясно, что геніи, по природѣ своей, являются людьми особенными, обладающими болѣе усовершенствованными орудіями воспріятія и eo ipso неизмѣримо большимъ матеріаломъ для созданія мысли и мышленія. Эти люди будутъ людьми высшаго порядка уже въ своей основѣ знанія и душев-

ной жизни. При этомъ особенно важно помнить то, что данный избытокъ чувственныхъ воспріятій является не только *количественнымъ* но и *качественнымъ*, ибо воспринимаемыя геніемъ ощущенія отличаются не только богатствомъ но и *ясностью* и *полнотою*, и *глубиною*, а слѣдовательно, и *сохранностью*.

Это первая важная и недосягаемая для обычнаго человѣка особенность генія. Эта особенность, если въ нее хорошо вдуматься, охладить многихъ смертныхъ, мнящихъ себя геніальными людьми.

Вторая особенность генія—*необыкновенное вниманіе* или необыкновенная способность все видѣть, все слышать, все схватывать, особенно въ области того предмета, которымъ въ данный моментъ мышленіе занято преимущественно. Всякая мелочь, всякій пустякъ, всякое, повидимому ничтожное обстоятельство ими уловляется, подмѣчается, регистрируется и пускается въ жизненный оборотъ,—ибо весьма многое, что для простого глаза является мелочью и пустякомъ, въ умѣ великаго мыслителя можетъ сослужить великую услугу. Жизненные факты насъ убѣждаютъ, что такіе именно пустяки послужили поводомъ къ открытію великихъ законовъ и знаменитыхъ открытій. Третья особенность геніальныхъ людей—*необыкновенно быстрая способность сочетанія ощущеній и представленій и потому необыкновенно быстрый ходъ идей*. Такая способность является естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго накопленія матерьяла—ощущеній и представленій, — ибо

чѣмъ меньше этого матерьяла, тѣмъ слабѣе и медленнѣе должно совершаться мышленіе, и—чѣмъ обильнѣе этого матеріала, тѣмъ больше прійдетъ его въ сознаніе въ данную единицу времени.

Четвертая особенность генія—*несравненно обильнѣйшее и многостороннѣйшее сочетаніе мыслей, представленій и чувствованій, чѣмъ у обычнаго человѣка*, т. е. необыкновенно богатое сужденіе или ассоціація идей. Эта особенность всецѣло истекаетъ изъ богатства матеріала въ области чувства и представленій.

Кромѣ того эти люди, въ силу богатства посылокъ, обладаютъ особенною способностью къ обобщеніямъ; въ явленіяхъ и обстоятельствахъ они видятъ не только таковыя, но и слѣдующій изъ нихъ выводъ,—что доступно далеко не всѣмъ людямъ.

Отсюда сама собою вытекаетъ пятая особенность генія—*оригинальность его выводовъ, самобытность, творчество, открытіе новыхъ законовъ, явленій, дѣйствій* и т. п. Чѣмъ больше посылокъ въ сужденіи и чѣмъ совершеннѣе онѣ сочетаются, тѣмъ вѣрнѣе, оригинальнѣе и неожиданнѣе будутъ тѣ выводы, къ которымъ приходятъ эти люди. Все то, что до сихъ поръ видѣли люди обычными глазами, при обычныхъ условіяхъ жизни—казалось такимъ, какимъ его считали всѣ подобные люди. Но вотъ явился человѣкъ, который, при помощи особенныхъ, ему одному свойственныхъ, чувственныхъ дарованій увидѣлъ новые стороны предмета, посмотрѣлъ на него иными глазами и потому далъ новыя указанія и

новыя разъясненія, которыя съ этихъ поръ стали понятными и простымъ смертнымъ людямъ. Въ процессѣ мышленія и открытій генія нѣтъ ничего необыкновеннаго, сверхъестественнаго и экстраординарнаго. Каждому его открытію предшествуетъ серьезное, обстоятельное и многостороннѣе изученіе предмета. Геній изучаетъ все прошлое, пользуется несравненно обильнѣе и богаче настоящимъ, сочетаетъ его съ прошлымъ и потому яснѣе и отчетливѣе провидитъ будущее, чѣмъ всѣ его современники. Совершенно правильнымъ является то мнѣніе, что всякое геніальное открытіе имѣетъ въ основѣ своей открытіе генія, его предшественника и, навѣрное, въ будущемъ послужитъ основою для генія пріемника. Мы обольщаемъ себя тою мыслью, что рядъ геніальныхъ открытій не оставитъ на землѣ ничего сокровеннаго и откроетъ намъ все сущее и будущее.

При такомъ богатствѣ мышленія и душевной жизни весьма естественно, что геніи нерѣдко не могутъ себѣ уяснить и понять самыхъ обычныхъ явленій, ибо они смотрятъ на нихъ болѣе совершенными глазами. Отсюда также понятны и тѣ явленія, что геній, повидимому, нерѣдко впадаетъ въ противорѣчія и непослѣдовательность съ самимъ собою; но это будетъ не противорѣчіе и не непослѣдовательность генія, а непониманіе его окружающими. Въ сущности же геній послѣдователенъ и правъ, но только онъ держится такого направленія и такого образа дѣйствій, который простымъ смертнымъ мало понятенъ и мало доступенъ.

Его система — собственная система и, дѣйствительно, «горе тому народу, который не признаетъ и попираетъ своихъ геніевъ».

Поступки и дѣйствія геніальныхъ людей часто кажутся дикими, странными, даже нелѣпыми и ненормальными, но не потому, чтобы они дѣйствительно были таковыми, а потому, что на пути выполненія ихъ плана явились новыя обстоятельства и новыя сочетанія, которыя и заставили ихъ перемѣнить направленіе дѣйствія. Не порокъ и не недостатокъ въ такихъ поступкахъ заключается, а необыкновенная быстрота сообразительности, живости сочетанія, мѣткость вывода и энергія выполненія, что разумѣется, скорѣе можно признать преимуществомъ, нежели недостаткомъ генія.

Геніальные люди не эгоистичны. Ихъ эгоизмъ заключается въ выполненіи ихъ идеи. Они живутъ для своей идеи и своей идеей,—вотъ почему въ болшинствѣ случаевъ ихъ жизненная обстановка не блестяща, да они и не заботятся о ней. Они далеки отъ мелочей жизни и не интересуются жизненными удобствами.

Существуютъ направленія въ дѣйствіяхъ и поступкахъ людей основныя и побочныя, второстепенныя. Въ выполненіи основныхъ направленій люди геніальные неуклонно настойчивы и непоколебимо исполнительны и послѣдовательны; во второстепенныхъ же направленіяхъ они, напротивъ, крайне неустойчивы и измѣнчивы. Жизнь есть война съ вѣчными и крайне разнообразными перемѣнами боевыхъ позицій. Всякій боецъ есть полководецъ и тотъ останется побѣ-

дителемъ, кто, имѣя ясно и точно опредѣленный планъ, съумѣетъ въ каждый данный моментъ свою боевую позицію поставить въ неуязвимое положеніе, а послѣднее требуетъ постоянныхъ измѣненій и приспособленій.

Нося въ себѣ и ясно сознавая свою умственную и душевную мощь и превосходство, естественно, что въ жизни эти люди являются рѣзко выдѣляющимися, какъ сознательно, такъ и безсознательно.

Въ силу своей необыкновенной жизненной энергіи и дѣятельности, такіе люди крайне впечатлительны и раздражительны. Часто переходятъ отъ одного намѣренія въ другое и въ этомъ отношеніи очень неустойчивы. Въ силу своей крайней чувствительности, нѣкоторые изъ нихъ очень сильно реагируютъ къ холоду, почему любятъ тепло и могутъ работать только въ теплѣ,— этимъ объясняется, почему многія геніальныя произведенія творятся въ лѣтніе мѣсяцы и въ жару. Геніальные люди часто бываютъ раздражительны, вспыльчивы, своенравны и капризны. Иногда ихъ раздражительность сопровождается нервными подергиваніями, судорожными тиками, судорогами и даже приступами эпилепсіи, хотя очень не частыми и неполными. Обычная жизнь и обычныя удовольствія ихъ мало удовлетворяютъ. Они больше живутъ своею жизнью и своею дѣятельностью и въ нихъ находятъ себѣ удовлетвореніе. Ихъ дѣятельность необыкновенно велика и въ ней они не только не находятъ утомленія, а, напротивъ, вѣчную поддержку, энергію и удо-

вольствіе. Къ людямъ они относятся соотвѣтственно своимъ основнымъ жизненнымъ воззрѣніямъ. Съ близкими людьми часто они бываютъ нетерпѣливы и несносны, но не по душевной грубости, а по недостатку терпѣнія и внутренней занятости. Собственно говоря, едва-ли этихъ друзей можно назвать въ полномъ смыслѣ друзьями, alter ego,—такъ какъ великіе люди стоятъ значительно выше своихъ друзей,—могутъ имѣть ихъ значительное количество и относятся къ нимъ одинаково дружески—снисходительно, но не какъ равные безсекретные друзья. Въ виду значительнаго превосходства геніальныхъ людей надъ ихъ друзьями, ни тотъ, ни другія не находятъ себѣ удовлетворенія. За то враговъ у геніальныхъ людей несомнѣнно, несравненно больше, чѣмъ друзей. Шамфоръ правильно говоритъ, что «не такъ пороки мѣшаютъ человѣку имѣть много друзей, какъ слишкомъ высокія достоинства» ибо, по Бекону Веруламскому, низшія добродѣтели встрѣчаютъ со стороны толпы похвалу, среднія—удивленіе,—высшія-же не встрѣчаютъ никакого сочувствія». Любовь имъ присуща, какъ и всѣмъ людямъ, но только она проявляется нѣсколько своеобразно. Имъ любить некогда. Они не признаютъ въ любви осаднаго положенія, а предпочитаютъ натискъ и быстрое наступленіе. Они любятъ сильно, страстно, очень ревниво, но больше плотскою любовью. Въ свободныя минуты жизни они проявляютъ любовь всей силою своей природной мощи, при чемъ нерѣдко доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ не-

лѣпости. Любовь Наполеона къ Жозефинѣ во время итальянскихъ походовъ служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Такова же была любовь и Петра I къ Екатеринѣ. Въ своей любви они не ищутъ отвѣта ума и жизненной логики, а страсть и безграничную преданность. Они любятъ только въ свободныя минуты, но любятъ соотвѣтственно своей душевной мощи. Ихъ сексуальная жизнь также проявляется урывками, то являясь сильно и страстно, то на время затихая. Иногда эта жизнь вспыхиваетъ одновременно съ усиленною умственною жизнью. Чувство любви къ дѣтямъ не чуждо и этимъ людямъ; напротивъ, они ихъ любятъ нѣжно и сильно, но только въ свободныя минуты, такъ какъ все ихъ время принадлежитъ ихъ головѣ. Пища для нихъ не составляетъ жизненной потребности,— они ѣдятъ, потому что нужно ѣсть, и могли бы обойтись безъ этого удовольствія, если бы это было можно.

Сонъ непродолжителенъ. Засыпаютъ они сразу, крѣпко спятъ, быстро просыпаются и моментально приходятъ въ сознаніе. Но въ свободные промежутки времени эти люди склонны къ дремѣ во всякое время. Бываютъ, впрочемъ лица, имѣющія и плохой сонъ.

Нерѣдко организмъ этихъ людей проявляетъ физическія разстройства различныхъ органовъ, частью унаслѣдованныя, частью происшедшія отъ небрежнаго отношенія къ своему здоровью,—но всѣ эти недуги переносятся весьма терпѣливо и какъ бы шутя. Эти люди поражаютъ своею не-

утомимою дѣятельностью и переходятъ отъ одного рода дѣятельности къ другому, какъ бы шутя,—причемъ самая сильная является для нихъ нѣкоторымъ отдыхомъ. Обычные люди не могутъ слѣдовать за дѣятельностью геніальныхъ людей, быстро утомляются и даже разстраиваютъ свое здоровье, тогда какъ они сами нисколько отъ этого не страдаютъ. Одною изъ величайшихъ особенностей ихъ натуры—умѣнье подобрать сотрудниковъ, это не значитъ, чтобы они всецѣло полагались на нихъ,—напротивъ, во всемъ и всюду они проявляютъ личное участіе и содѣйствіе. Быстрота, разнообразіе и неутомимость ихъ дѣятельности поразительны, но еще поразительнѣе то, что эта дѣятельность во всемъ въ цѣломъ является совершенною.

Одни изъ этихъ людей работаютъ непрерывно и неустанно, другіе, напротивъ, на время какъ бы замираютъ и затѣмъ, подъ вліяніемъ вдохновенія, творятъ, творятъ непрерывно, пока не изольютъ всего того, что ими открыто. Явствуетъ, что одни геніи какъ бы постоянно съ вдохновеніемъ, другіе же имѣютъ наитіе этого вдохновенія и откровенія какъ бы по временамъ. Послѣднее явленіе объясняется очень просто и имѣетъ для себя аналогію и въ обычной жизни. Каждому изъ насъ, взявшись за работу, приходилось наталкиваться на такіе вопросы, которые сразу не поддавались разрѣшенію. Тогда мы на время вовсе оставляемъ въ сторонѣ вопросъ. Но вотъ проходитъ двѣ, три недѣли, мѣсяцъ и даже два и вдругъ вопросъ вспыхиваетъ въ ва-

шемъ сознаніи вполнѣ ясно и опредѣленно и вы его быстро передаете бумагѣ. Совершенно то же мы видимъ въ творчествѣ и вдохновеніи геніальныхъ людей. Этотъ послѣдній видъ творчества принято называть вдохновеніемъ, откровеніемъ, творчествомъ, интуиціей.

Остановимся на этомъ вопросѣ.

Въ области воспріятія у каждаго человѣка кромѣ сознательно-воспринимаемыхъ ощущеній существуетъ еще цѣлый рядъ ощущеній безсознательныхъ, которыя, однако, будучи восприняты, хранятся въ нервныхъ элементахъ, очевидно, превращаются въ высшія проявленія душевной дѣятельности, сочетаются съ сознательными проявленіями, участвуютъ въ процессѣ сужденія и, разумѣется, отражаются на умозаключеніяхъ и выводахъ. Этимъ процессомъ участія безсознательныхъ ощущеній и представленій объясняется то разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ, которое мы оставляемъ «вынашиванію» и созрѣванію. Какъ этотъ процессъ совершается—трудно сказать, но онъ совершается и несомнѣнно отражается на результатахъ мышленія.

Можно думать, что количество безсознательной продукціи, какъ и степень участія ея у различныхъ людей будутъ не одинаковы и различны. Естественно, что у геніальныхъ людей, одаренныхъ богато развитыми и усовершенствованными способами воспріятія, и область безсознательнаго будетъ несравненно богаче и обильнѣе, чѣмъ у здороваго человѣка, равно какъ и участіе въ процессѣ мышленія будетъ полнѣе,

обильнѣе и вліятельнѣе, а равно и вліяніе его на выводы, заключенія и рѣшенія будетъ мощнѣе и замѣтнѣе. Это-то участіе «безсознательнаго» въ дѣлѣ сужденія и процесса созиданія выводовъ и заключеній и составляетъ процессъ вдохновенія, откровенія, творчества и интуиціи. Это не есть какой-либо особый даръ, а только лишь обычное отправленіе физіологической функціи, развитой у геніальнаго человѣка столь же полнѣе и мощнѣе, какъ и всѣ умственныя способности сравнительно съ общимъ уровнемъ. Такъ какъ участіе безсознательной дѣятельности въ процессѣ нашего сужденія совершается помимо нашего вѣдома и нашего сознанія, то его участіе, сочетаніе и воздѣйствіе въ общемъ процессѣ ассоціаціи представляется намъ весьма страннымъ и проявляется въ видѣ откровенія и чего-то мимовольнаго.

Наконецъ, должно упомянуть еще объ одной особенности геніальныхъ людей— необыкновенно развитой *фантазіи* и воображеніи. Процессъ фантазированія состоитъ въ воспроизведеніи образовъ и картинъ реальныхъ и дѣйствительно нами пережитыхъ, но въ сочетаніи, нами лично создаваемомъ и управляемомъ. Поэтому процессъ фантазіи рисуетъ намъ картины, отличныя отъ имѣющихся въ природѣ, но, въ частности, имѣющія реальную основу. Въ этихъ образахъ фантазіи особенно мощно и вліятельно участвуетъ область безсознательнаго. Фантазія присуща каждому человѣку, но у однихъ она проявляется больше, у другихъ меньше, при чемъ многое въ данномъ

случаѣ зависитъ отъ упражненія и степени развитія и участія области безсознательнаго. Геніальные люди очень часто имѣютъ богатѣйшую фантазію по природѣ и весьма охотно въ ней пребываютъ активно. При богато развитой чувствительной области и при таковой-же области безсознательнаго, дѣятельность фантазіи такихъ людей отличается необыкновенною красотою, разнообразіемъ, обиліемъ и заманчивостью. Никакія жизненныя обстоятельства не представятъ столько интереса и увлекательности, какъ своя собственная фантазія и потому естественно, что такіе люди увлекаются ею, постоянно предаются ей и избѣгаютъ участія въ сѣренькой жизненной обстановкѣ. Эта игра фантазіи во многомъ помогаетъ имъ и въ жизненной дѣятельности, тщательно коррегируя все высокимъ разсудкомъ, необыкновенною наблюдательностью надъ всѣмъ существующимъ и горькимъ опытомъ.

Вотъ, въ короткихъ чертахъ, по моему мнѣнію, душа генія. Она представляетъ собою необыкновенно мощное, полное и совершенное развитіе органовъ воспріятія и усвоенія, какъ въ области сознанія, такъ и безсознательнаго,—она обладаетъ необыкновенно быстрымъ ходомъ представленій и сужденія,—столь же необыкновенны проявленія сужденія по полнотѣ, разносторонности и обилію асоціаціи, при чемъ всѣ процессы, какъ воспріятія, такъ и сочетанія отличаются чрезмѣрною ясностью, яркостью и отчетливостью,—все это согрѣвается и пополняется крайне развитою и

богатою фантазіей, обильно пополняемой областью безсознательнаго, при чемъ, однако, разсудокъ всецѣло царитъ въ этой игрѣ фантазіи и каждой мелочи даетъ должное мѣсто и назначеніе,—при такомъ сочетаніи силъ познавательныхъ и процесса мышленія и выводы его будутъ оригинальными, собственными, своеобразными и отличными отъ обычныхъ. Центральный нервный аппаратъ генія отличенъ отъ такового же обычнаго человѣка,—отличенъ совершенствомъ построенія и отправленій, нѣжностью и тонкостью, а потому и хрупкостью. При неумѣломъ и неосторожномъ воспитаніи, питаніи, образованіи и дурныхъ условіяхъ жизни, его можно испортить, повредить, создать болѣзни, породить крайнюю нервность и даже извращеніе дѣятельности—душевную болѣзнь, но это не есть болѣзнь души, Геній есть высшее совершенство человѣческой природы. Это прогрессъ центральной нервной системы и ея отправленій. Это передовой человѣкъ среди обычныхъ людей, а потому свѣточь, слава, честь и украшеніе человѣчества.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Написать исторію Петра Великаго по силамъ далеко не каждому желающему. Описать дѣянія великаго генія—нужно быть самому не дюжиннымъ человѣкомъ. Вотъ почему великіе наши историки Соловьевъ, Костомаровъ, Полевой, Устряловъ и другіе брались за изложеніе дѣяній Петра Великаго и только имъ удалось достойно исполнить свою задачу.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я дерзаю взять на себя такую смѣлость. Цѣль моей работы—начертить очеркъ жизни великаго генія, передъ которымъ не можетъ не преклоняться каждый мыслящій человѣкъ, а тѣмъ болѣе мыслящій русскій.

Не много всемірная исторія представляетъ столь мощныхъ, величественныхъ и выдающихся образовъ и тѣмъ менѣе находимъ что-либо подобное въ исторіи Россіи. Если и есть въ исторіи Россіи другой великій гигантъ императоръ, то не настало еще время дать его очеркъ.

Сознавая слабость своихъ силъ въ изображеніи генія Петра Великаго мы просимъ снисхожденія къ нашему труду.

I.

Царь Алексѣй Михайловичъ, покидая сію юдоль плачевную, оставилъ трехъ сыновей: двухъ отъ перваго брака—Ѳеодора и Іоанна и одного отъ второго брака Петра. Первые два брата были слабы и хилы умомъ и тѣломъ,—третій былъ слишкомъ юнъ возрастомъ. Было далеко не рѣшеннымъ вопросомъ кому достанется царскій вѣнецъ: малому умомъ, или малому деньми. А вопросъ этотъ былъ весьма важный и серьезный. Россія находилась далеко не въ блестящемъ положеніи. Только тотъ не обиралъ Россію, кто этого не хотѣлъ.

Была когда то велика Россія. Отъ моря до моря простиралась она. И были тѣ моря—Балтійское и Черное. Правда, были у Россіи и еще моря—Бѣлое и Каспійское; но первое было слишкомъ холодное, а второе слишкомъ горячее. Какъ мало значущія въ климатическомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, они такъ и остались при Россіи. За то болѣе важныя моря: Черное, Азовское и Балтійское были у нея отняты. Когда то Россія простиралась до Карпатовъ, а нынѣ еще спорилось и о томъ, можно ли за нею оставить Кіевъ. А Смоленскъ и другія исконныя русскія области уже принадлежали Польшѣ. Ограбила Россію Швеція,—ограбила ее Польша,—ограбила и Турція. Россію оттѣснили отъ Европы. Ей заперли всѣ выходы. Отобрали у нея моря,—закрыли и сухопутную границу. На югѣ между морской полосой

и русской границей возникла полоса нейтральная, создавалось новое государство съ своеобразнымъ языкомъ и своими правами. Эта окраина, находясь ближе къ западу и вступая съ нимъ въ частыя сношенія, а иногда даже подпадая подъ владычество болѣе культурнаго народа, создавала свою исторію, имѣла высшія учебныя заведенія, цѣнила науку, создавала литературу и во всякомъ случаѣ кіевское просвѣщеніе стояло далеко выше московскаго.

Москва была со всѣхъ сторонъ стѣснена, заперта, окружена непроходимою стѣною и заключена въ самой себѣ. Нужно откровенно сознаться, что она во многомъ напоминала современный Китай. И если она не имѣла въ буквальномъ смыслѣ китайской стѣны, то таковая имѣлась въ видѣ сосѣдей, не желавшихъ ей дать выхода изъ ея замкнутаго положенія. Да и сама она не стремилась къ этому выходу. Москва какъ бы гордилась своей замкнутостью, считала общеніе съ сосѣдями за грѣхъ и преступленіе. Она имѣла свою религію, свое знаніе или точнѣе — незнаніе, свои предразсудки, свое заблужденіе, свое невѣжество,—и не допускала никакого прогресса въ этомъ отношеніи. Всякое новшество было посягательствомъ на національность, религію и самобытность. Пришлецы изъ чужихъ земель считались оглашенными и должны были селиться внѣ русскихъ поселеній. Сношеніе съ ними считалось осквернені̀емъ и требовало очищенія.

Быть можетъ, все это было и хорошо; но только несомнѣнно то, что все то, что

не идетъ впередъ, не совершенствуется, то идетъ назадъ и разрушается. Такъ было и съ тогдашнимъ русскимъ обществомъ. Россія жила своими знаніями, своимъ производствомъ, своими богатствами; а такъ какъ всѣ эти статьи стояли несравненно ниже таковыхъ же европейскихъ, то раньше или позже она подпала бы подъ власть болѣе сильнаго и должна была бы подчиниться его мощи и вліянію.

А Европа, дѣйствительно, въ то время шагнула слишкомъ далеко. Она имѣла правильно организованное, строго содержимое и прекрасно вооруженное войско. Ея наука развилась очень быстро, цѣнилась высоко, давала какъ теоретическія, такъ и прикладныя знанія. Послѣднія же много способствовали производству, техникѣ, механикѣ, вооруженію самого войска,—а все это вело къ поднятію общаго благосостоянія народа, проявленію самосознанія, достоинства и долга, силъ и могущества.

Болѣе чѣмъ гдѣ либо приложимо было положеніе: знаніе—сила и мощь, невѣжество—безсиліе и немощь,—это къ тогдашнему положенію Россіи и остальной Европы. При всѣхъ столкновеніяхъ Россіи съ Европой первая должна была терпѣть потери,—вторая побѣждать.

И естественно, почему такъ. Европа была просвѣщена, снабжена усовершенствованіями, болѣе богата и болѣе нравственно независима. Россія была невѣжественна, безъ всякихъ техническихъ усовершенствованій, бѣдна и нравственно угнетена.

Долженъ былъ появиться геній, кото-

рый принесъ бы знанія Запада въ Россію, обогатилъ бы послѣднюю этими свѣдѣніями, сохранивъ ея національныя особенности и свойства. Только геній могъ бы совершить этотъ великій подвигъ.

Такимъ великимъ геніемъ для Россіи явился Императоръ Петръ Великій. Умъ и душа преклоняются предъ величіемъ этого гиганта. Мы съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ можемъ слѣдить только мыслію за его подвигами и поражаться величіемъ и колоссальностью его ума, мощи, терпѣнія и самопожертвованія.

II.

Обычай женитьбы древнихъ русскихъ царей на своихъ подданныхъ имѣлъ очень много неблагопріятныхъ сторонъ для жизни государства. Родные царицы, при содѣйствіи ея, становились соправителями и соучастниками въ царскихъ дѣяніяхъ. Разумѣется, такими родственниками царицы и ихъ присными занимались лучшія государственныя должности и при томъ очень часто и не по способностямъ, и не по заслугамъ. Такое повышеніе и полученіе соучастія въ неограниченной власти вело къ сведенію личныхъ счетовъ и цѣлому ряду неблагопріятныхъ послѣдствій и для всего государства, и для отдѣльныхъ лицъ.

Но безъ сравненія дѣло хуже бывало, когда царь женился два и три раза. Тогда происходила борьба за власть между стоящими у кормила не на животъ, а на смерть.

Царь Алексѣй Михаиловичъ былъ же-

натъ два раза. По первому браку при царѣ занимали видное мѣсто Милославскій, В. В. Голицынъ и др.; по второму браку Матвѣевъ, Нарышкинъ и ихъ близкіе. Царь Алексѣй Михаиловичъ въ послѣдніе годы часто хворалъ. Кормило правленія государствомъ скоро должно было перейти въ руки его преемниковъ. Но чьи? Если царская власть перейдетъ въ руки слабаго и хилаго Ѳеодора Алексѣевича, то во главѣ правленія государствомъ станутъ Милославскій и Голицынъ,—если Царевича Петра, то Матвѣевъ и Нарышкины. При вступленіи во власть однихъ, несомнѣнно, наступитъ гибель другихъ; а потому, ясно, борьба была весьма серьезная, энергичная и безпощадная.

Умирающій царь все это видѣлъ и все это прекрасно понималъ. Рѣшить было, однако, весьма трудно. Съ одной стороны юноша Ѳеодоръ, уже могшій по лѣтамъ принимать личное участіе въ дѣлахъ государства,—но хилый физически и душевно,—а съ другой стороны бойкій, рѣзвый, энергичный Петръ, дающій полныя надежды на будущія выдающіяся способности, но за то всего только четырехлѣтній.

Царь Алексѣй Михаиловичъ склонился въ пользу Ѳеодора Алексѣевича. У престола стали Милославскій и Голицынъ. По вступленіи ихъ во власть, бояринъ Матвѣевъ немедленно былъ посланъ управителемъ въ Сибирь, но, не доѣхавъ, на пути лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Пустозерскъ. Нарышкины были также немедленно удалены изъ Москвы и

остались не только не у власти, но и безъ средствъ. Такая же участь постигла и другихъ лицъ, близкихъ царицѣ Наталіи, матери Петра.

Назначая царемъ Ѳеодора, умирающій царь Алексѣй Михаиловичъ наказалъ своему пріемнику быть «отцомъ малому Петру»,—и царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ строго соблюдалъ завѣтъ отца.

Царь Алексѣй Михаиловичъ отъ перваго брака, кромѣ двухъ сыновей, имѣлъ еще дочерей, между которыми особенно выдавалась Софія. Софія Алексѣевна отъ природы обладала выдающимся, блестящимъ умомъ, превосходящимъ далеко современный ей уровень,—получила прекрасное по тому времени образованіе,—много читала и много знала,—смотрѣла на женщину не съ теремной и гаремной точки зрѣнія,—проявляла характеръ стойкій, твердый и непреклонный. Соотвѣтственно тому было у нея развито честолюбіе, самолюбіе и властолюбіе.

Софія Алексѣевна ясно понимала, что 12 лѣтній отрокъ Ѳеодоръ едвали въ состояніи будетъ самолично управлять государствомъ. Ему понадобится помощь и такимъ помощникомъ захотѣла быть она. Ей тогда было за 20 лѣтъ.

Такимъ образомъ волею судебъ при царѣ Ѳеодорѣ стало достаточное количество соправителей, которые не мало между собою соревновали. Самымъ близкимъ лицомъ къ царю и самымъ вліятельнымъ былъ его воспитатель епископъ Симеонъ Полоцкій, и затѣмъ приблизившіеся къ нему

князь В. В. Голицынъ и Языковъ. Это — одна партія. Съ другой стороны близко къ нему стояла сестра его, Софія Алексѣевна, и ея приверженцы Милославскіе. Нѣтъ слова, что всѣ они вели междуусобную борьбу за власть и вѣсы часто колебались то въ одну сторону, то въ другую. Тѣмъ не менѣе обѣ эти партіи были соединены въ одной мысли—не допустить къ правленію родъ царевича Петра.

Перспектива была ясная и опредѣленная: царь Ѳеодоръ не долговѣченъ. Царевичъ Іоаннъ слабъ тѣломъ и духомъ. Царство должно перейти къ царевичу Петру. Но оно можетъ достаться и Софіи... Дальнѣйшія комбинаціи понятны сами собою.

Несмотря, однако, на общность воззрѣній, партіи, стоящія у престола, боролись. Симеону Полоцкому и его приснымъ приходилось лавировать и лавировать хитро. Съ одной стороны имъ не выгодно было ссориться съ Милославскими и соправительницей, ибо она легко можетъ продолжать соправительство и при Іоаннѣ и даже—чего не бываетъ!—стать правительницей,—а съ другой не безопасно было слишкомъ ужъ угнетать и приснымъ рода царевича Петра. Посему, благодаря природной добротѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, Симеонъ Полоцкій, воспользовавшись моментомъ, достигъ того, что Нарышкины были возвращены въ Москву, хотя и находились внѣ власти,—даже боярину Матвѣеву была оказана милость: его перевели въ Лухъ и возвратили часть имущества. Богъ знаетъ,—всяко можетъ быть. Да и Милославскихъ

это будетъ нѣсколько сдерживать и уравновѣшивать.

Въ свою очередь и Милославскіе не упускали момента. Они замыслили удалить отъ царя не только присныхъ царицы Наталіи и малолѣтняго Петра, но и ихъ самихъ. А тамъ что будетъ—покажетъ будущее. Съ этою цѣлью Языковъ началъ подговаривать царицу Наталію, чтобы она переселилась изъ Кремля въ Преображенскую слободу.

Это страшно огорчило, разстроило и испугало царицу. Она плакала и приходила въ отчаяніе. Тогда царевичъ Петръ рѣшился быть защитникомъ матери. Онъ явился къ царю и жаловался на боярина Языкова.

— Бояринъ твой хочетъ удалить меня отъ тебя и погубить, какъ погубилъ Годуновъ царевича Димитрія. Но гдѣ ты, тамъ и я... И неужели я не сынъ царскій, что мнѣ въ домѣ отчемъ нѣтъ мѣста!

Царевичъ плакалъ.

Царь Ѳеодоръ успокоилъ брата, поспѣшилъ къ царицѣ Наталіи и увѣрилъ, что и не помышлялъ объ ея удаленіи. А въ доказательство выдавалъ ей головою боярина Языкова. Но царица никому зла не желала.

Царь Ѳеодоръ царствовалъ не долго. 27 апрѣля 1682 года царя Ѳеодора не стало. Надлежало избрать новаго царя.

III.

Въ пять часовъ по полудни похоронный колоколъ на Іоаннѣ Великомъ повѣдалъ Москвѣ о кончинѣ Царя.

Въ грановитую палату собрались знатнѣйшіе бояре и почетное духовенство. Люди чиновные, почетные гражданскіе и военные люди, дьяки и народъ наполняли крыльцо и дворъ. Вышелъ патріархъ повѣдать почетнымъ боярамъ и боярской думѣ о смерти царя Ѳеодора, да вмѣстѣ съ этимъ за разъ предложилъ и вопросъ: «кому же быть царемъ Россіи»?

Вопросъ былъ совершенно неожиданный и непредвидѣнный. Милославскіе и ихъ клевреты были захвачены въ расплохъ. Они растерялись и молчали. Молчали и всѣ остальные. Тогда патріархъ рѣшилъ вопросъ самъ и рѣшилъ весьма неожиданно для всѣхъ.

— Да будетъ же великое государское дѣло рѣшено самими наслѣдниками!..

Царевичи были введены въ грановитую палату.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, царевичъ Іоаннъ отвѣчалъ:

— Чувствуя свое слабое здоровье и неспособность править царствомъ, хочу мирное житіе имѣть, царемъ быть не желаю и престоломъ поступаюсь брату, царевичу Петру,—тѣмъ болѣе, что у него здравствуетъ и мать, царица Наталія Кирилловна...

Палата огласилась крикомъ: «да здравствуетъ царь Петръ Алексѣевичъ»! Народъ подхватилъ этотъ крикъ и возгласъ понесся по всему Кремлю и Москвѣ.

Совершилась присяга, при чемъ, за малолѣтствомъ царя, правительницею была объявлена царица Наталія Кирилловна. Разумѣется, настоящими правителями пред-

назначались бояринъ Матвѣевъ и Нарышкины. Сообразивъ положеніе дѣла, скоро на сторону царицы перешли В. В. Голицынъ, Языковъ, Хованскіе и другіе сторонники Софіи. Одни Милославскіе остались вѣрны Софіи.

За бояриномъ Матвѣевымъ послали гонца и онъ возвращался съ почетомъ.

Приверженцы Софіи прогадали. Весьма вѣроятно, прогадали потому, что самой Софіи впередъ выступить было невозможно, а ея подручные были далеко не такого ума, находчивости, рѣшимости и энергіи, какъ она. Головой дѣла была царевна Софія и голова ея была далеко выше всѣхъ остальныхъ мужскихъ головъ ея приверженцевъ. Это выясняется уже изъ того, что Милославскіе упустили самый подходящій моментъ для проведенія царевны въ качествѣ соправительницы старшаго царевича Іоанна.

Это часто бываетъ, когда великіе люди поручаютъ проведеніе серьезныхъ дѣлъ своимъ сподручнымъ, далеко не столь великимъ, какъ они сами. Такъ было, есть и будетъ. И приходится тогда не то что вести вначалѣ великое дѣло, а исправлять уже попорченное.

Такъ настояло теперь царевнѣ Софіи исправить то, что попортили Милославскіе. Нужно было найти новые пути, новые способы и новые случаи.

Царевна Софія ихъ нашла.

Великая сила стихія. Она можетъ сдѣлать все. Она можетъ многое уничтожить

и многое устроить. Счастливъ тотъ, кто съумѣетъ ею воспользоваться.

Софія рѣшила призвать на помощь такую стихійную силу. Эта стихійная сила была въ лицѣ стрѣльцовъ. Не она первая, не она послѣдняя прибѣгала къ помощи войска. Нужно было во время все примѣнить и умѣючи пустить въ ходъ. Царевна Софія вполнѣ овладѣла моментомъ.

Стрѣльцы это было воплощеніе тогдашней Россіи. Это была сила, сила неустроенная, разнузданная, своевольная, могущественная, но безпорядочная и ничѣмъ не сдерживаемая. И такъ какъ противовѣса этой силѣ не было, то она была всемогуща.

Въ числѣ приверженцевъ царевны Софіи былъ и князь Хованскій. Когда Милославскіе проиграли партію, князь Голицынъ, Языковъ, Хованскіе и другіе сторонники Софіи примкнули къ царицѣ Наталіи. Но тамъ были свои правители и всѣмъ этимъ лицамъ приходилось или стушеваться, или стать на вторыя роли. Ни то, ни другое имъ не было по нутру. Свое спасеніе они видѣли въ царевнѣ. Тайно они и принадлежали ей. Поэтому естественно, что они явились помощниками въ ея замыслахъ. Главнымъ исполнителемъ дѣла являлся все таки Милославскій.

На стрѣльцовъ дѣйствовали подкупами и спаиваніемъ. Средства хотя и старыя, но за то вѣрныя. Распускаемые слухи были только приправою и возбудительнымъ средствомъ. А слухи эти состояли въ томъ, что царевичъ Іоаннъ обойденъ былъ престоломъ

неправо,—что онъ является теперь въ жизни лишнимъ,—что онъ служитъ помѣхою для другихъ,—что его хотятъ извести,—что его уже бояре убили...

Кто хочетъ вѣрить, тотъ повѣритъ самому невѣроятному. Всѣ эти нелѣпые слухи были пущены умѣлыми людьми между стрѣльцами и нашли тамъ прекрасную почву. Плодомъ же всего этого былъ бунтъ стрѣльцовъ.

Уже давно между стрѣльцами было броженіе. Они были недовольны своими полковниками, которые пытались держать ихъ въ порядкѣ и строгости. Они не были довольны и своимъ начальникомъ, княземъ Долгорукимъ, который не поддерживалъ ихъ своеволій. По провозглашеніи царемъ Петра, стрѣльцы принесли на вѣрность ему присягу. Но вскорѣ послѣ этого они явились въ Кремль съ жалобой на терпимыя ими несправедливости, обиды и притѣсненія.

Царевна Софія сѣяла и подкрѣпляла смуту. Царица Наталія не могла дать порядка. Она ждала прибытія боярина Матвѣева, а стрѣльцовъ старалась уговорить и успокоить. Но не ей было угомонить стрѣльцовъ. Стрѣльцы не унимались, а еще пуще шумѣли. Имъ выдали головой нелюбыхъ полковниковъ. Имущество полковниковъ было отдано стрѣльцамъ. На эти средства стрѣльцы пьянствовали, но безпорядки нисколько не унимались. Напротивъ, они усиливались.

Царица ждала боярина Матвѣева, видя въ немъ спасеніе. И царевна ждала боя-

рина Матвѣева. Она тоже видѣла въ немъ спасеніе, почему и хотѣла имѣть его первою искупительною жертвою при своемъ возвышеніи.

Бояринъ Матвѣевъ приближался къ Москвѣ. Бояринъ Матвѣевъ прибылъ въ Москву. Царица успокоилась и передала ему всю власть.

Царевна Софія тоже была готова. Бунтъ стрѣльцовъ достигъ наибольшаго напряженія и они перешли къ дѣйствію.

Между стрѣльцами распускали слухи, что бояринъ Матвѣевъ хочетъ истребить стрѣльцовъ. Эти навѣты нашли себѣ поддержку въ упрекахъ на безчинства, высказанныхъ бояриномъ Матвѣевымъ стрѣльцамъ, пришедшимъ поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ. Говорятъ, что переодѣтые люди ѣздили по Москвѣ захватывали стрѣльцовъ, издѣвались надъ ними и били ихъ именемъ брата царицы, Ивана Нарышкина. Эти люди заявляли отпускаемымъ стрѣльцамъ, что они посланы унимать бунтовщиковъ,—а впереди еще не то будетъ.

Словомъ, все было готово къ послѣднему взрыву бунта. Надежнымъ людямъ вручены были именные списки, кого нужно будетъ убить,—а также сообщенъ былъ и дальнѣйшій планъ дѣйствій, состоявшій въ томъ, чтобы сначала уничтожить важнѣйшихъ противниковъ, а затѣмъ требовать возведенія на царскій престолъ Іоанна при управленіи царевны Софіи.

Въ ночь на 15 мая вся Москва находилась въ трепетѣ и ужасѣ. Въ стрѣлецкихъ

слободахъ происходили пьяныя, шумныя скопища, слышался барабанный бой. Стрѣльцы готовились къ походу на Кремль и Москву. Утромъ въ стрѣлецкія слободы прискакали глашатаи. «Спѣшите, спѣшите, ребята, кричали они, Иванъ Нарышкинъ убилъ царевича Іоанна!... А кромѣ того открылось и новое злодѣйство: жидъ лѣкарь Годенъ, по наущенію Матвѣева, отравилъ царя Ѳеодора. Спасайте царицу Марфу, жену Ѳеодора, и царевенъ»!...

— Въ Кремль, въ Кремль! заревѣла толпа. Смерть измѣнникамъ!...

Какъ лава, ринулись стрѣльцы на Москву и Кремль. Зазвонили въ набатъ. Затрещали барабаны. Загремѣла пальба. Стрѣльцы съ знаменами, бердышами, пищалями пушками повалили толпами.

Съ утра бояре собрались въ Кремль. но не знали, что дѣлать. Пока происходили пререканія и толки, стрѣльцы наводнили Кремль и подняли неистовые вопли:

«Отдайте намъ злодѣевъ: Матвѣева, Нарышкиныхъ и Годена! Они убили царевича Іоанна! Они отравили царя Ѳеодора»!..

На красное крыльцо вышли царица Наталія, царь Петръ и царевичъ Іоаннъ. Ихъ сопровождали Матвѣевъ и другіе бояре. Увидѣвъ царевича Іоанна живымъ и невредимымъ, стрѣльцы переконфузились и смолкли. Видимо, ихъ вожаки пересолили и чуть не испортили дѣла. Бояринъ Матвѣевъ, видя такое впечатлѣніе, сошелъ внизъ и кротко сказалъ имъ:

»Я не злодѣй. Я иду къ вамъ. Возьми-

те мою сѣдую голову, если она вамъ понадобилась, но не губите невинныхъ»...

Кроткія рѣчи и покорность еще болѣе смутили стрѣльцовъ. Они опѣшили... Все дѣло испортилъ князь Долгорукій.

Онъ началъ кричать на нихъ и укорять. Стрѣльцы обезумѣли. Они опьянѣли. Вмигъ князь Долгорукій былъ изрубленъ въ куски и разбросанъ по площади. Срѣльцы бросились на Красное крыльцо за Матвѣевымъ. Его хотѣли защитить князь Черкасскій и патріархъ,—но напрасно. Боярина вырвали изъ рукъ и бросили съ Краснаго крыльца. Пики и бердыши приняли боярина и при крикахъ—«любо»! разметали по площади. За бояриномъ Матвѣевымъ наступила очередь Нарышкиныхъ, Ромодановскаго и другихъ... Стрѣльцы ввалились во дворецъ, врывались въ хоромы царевенъ и проливали кровь въ храмахъ у алтаря.

Въ смертельномъ ужасѣ царица увела во внутренніе покои царя Петра, пресытившагося зрѣлищемъ издѣвательства и звѣрства надъ близкими людьми.

Пока одни стрѣльцы навѣрняка дѣйствовали въ Кремлѣ, другіе стрѣльцы, стрѣльчихи и ихъ дѣти хозяйничали въ домахъ избіенныхъ. Они брали цѣнныя вещи и деньги, грабили погреба, пили и въ неистовыхъ воплях плясали дикія пляски. Тѣла убитыхъ съ хохотомъ волокли на Красную площадь.

Ночь прекратила неистовства, но не прекратила насилія. Кремль находился въ осадѣ, подъ стрѣлецкою стражею.

Тайно бояре держали совѣтъ у царицы

Наталіи, но ничего не могли придумать.

На утро убійство, неистовство и оргіи возобновились. Грабежъ перешелъ отъ имуществъ обреченныхъ въ жертву на лавки и кабаки мирныхъ жителей. Беззащитная Москва стала игралищемъ обезумѣвшихъ пьяныхъ бунтовщиковъ. Стрѣльцы грозили зажечь дворецъ, гдѣ ютилась несчастная царица, трепеща за сына-царя, отца и братьевъ...

За то торжествовала царевна Софія. Она достигла безначалія своею волею и тѣмъ самымъ являлась владыкою обстоятельствъ. Вышедши къ стрѣльцамъ, она встрѣчена была дикими восторгами. Софія благодарила стрѣльцовъ за усердіе къ царскому дому и уговаривала прекратить смятеніе. Стрѣльцы требовали выдачи Ивана Нарышкина и Годена и возведенія на престолъ неправедно обойденнаго царевича Іоанна. Софія обѣщала имъ исполненія первой половины просьбы,—что же касается царевича Іоанна, то она совѣтовала имъ предоставить рѣшеніе боярской думѣ.

Возвратившись въ хоромы, Софія передала волю стрѣльцовъ по поводу брата царицы и совѣтовала немедленно исполнить ее, иначе стрѣльцы будутъ продолжать бунтъ. Иванъ Нарышкинъ причастился св. Тайнъ и пошелъ на казнь. Мольбы царицы не спасли ея брата и дяди царя. Его растерзали подобно другимъ жертвамъ, намѣченнымъ Софіею. Стрѣльцы удалились удовлетворенные кровавыми жертвами царскаго рода. Все это видѣлъ малолѣтній царь,—видѣлъ и крѣпко запамятовалъ...

На другой день собралась боярская дума и, по требованію стрѣльцовъ, посадила на царство и второго царевича; но при этомъ сторонники Софіи опять вели дѣло неумѣло, прежде всего на престолѣ остался и Петръ, котораго Софія никакъ не желала, и второе—управительницею Софія не была предложена и для довершенія дѣла потребовался еще день и еще приходъ стрѣльцовъ. Только на другой день боярская дума вручила управленіе дѣлами государства, за малолѣтствомъ царей, Софіи. Теперь только Софія стала царицею, при наличности двухъ царей.

Можно подумать, что теперь то власть станетъ игралищемъ въ рукахъ приближенныхъ царевнѣ людей, такъ какъ допустить самостоятельность у женщины весьма трудно.

Ничуть не бывало. Софія была женщина выдающаяся и ея царствованіе достойно многихъ видныхъ царей.

При вступленіи въ управленіе государствомъ Софіи было 22 года. Она была высокаго роста, стройна, красива и энергична. Она была умна, образованна, сама писала стихи, самостоятельна, самолюбива, властолюбива, непокорлива, находчива, пытлива и настойчива. Она была достойна своего брата Петра,—и если онъ былъ геній мужчина, то Софія была геній—женщина.

Лица, помогавшія Софіи въ ея борьбѣ за власть, разумѣется, расчитывали воспользоваться этою властью въ свою пользу и многіе обочлись.

Разумѣется, царь Іоаннъ не могъ иг-

рать ни какой роли. Царь Петръ и его мать были устранены и до поры до времени терпимы. Князь В. В. Голицынъ управлялъ посольскимъ приказомъ, Иванъ Милославскій другими доходными приказами. Ближе всѣхъ къ Софіи и наилучшимъ ея совѣтникомъ былъ князь В. В. Голицынъ, хотя и въ послѣднемъ случаѣ Софія никогда не была въ рабахъ.

Несомнѣнно, между приверженцами возникли недоразумѣнія, недомолвки и размолвки. А разъ имѣлся примѣръ въ значеніи грубой силы, отчего не попытаться воспользоваться ею и другимъ. Прежде всего выступилъ на сцену князь Хованскій. Онъ рѣшилъ быть всесильнымъ, но всесильною желала быть и Софія, а такъ какъ Софія была умнѣе Хованскаго, то послѣдній и погибъ.

Между стрѣльцами было много старообрядцевъ. Повидимому, къ старообрядцамъ принадлежалъ и князь Хованскій. И вотъ стрѣльцы старообрядцы потребовали возстановленія старой вѣры и возврата лицъ, потерпѣвшихъ за правую вѣру. Софія назначила соборъ. На соборѣ старообрядцы во главѣ съ Никитою Пустосвятомъ держали себя грубо, дерзко и нахально. По приказанію Софіи, пренія были отложены до другого дня: но въ ночь зачинщики бунта были схвачены и казнены. Это, однако, не смутило стрѣльцовъ. Напротивъ, Хованскій все больше и больше поджигалъ ихъ. Видя такую дерзость стрѣльцовъ и ихъ главы, царица Софія уѣхала въ Звенигородскій Саввинскій монастырь, а от-

туда въ Троице-Сергіеву Лавру, распустила слухи, что покушаются на ея жизнь, стала созывать войска и охранять себя отъ злодѣевъ. Вмѣстѣ съ этимъ ласковымъ письмомъ она звала къ себѣ изъ Москвы князей Хованскихъ на ея имянины. Хованскіе, отецъ и сынъ, поддались на ласку и отправились въ путь, но были схвачены и казнены...

Напрасно второй сынъ Хованскаго старался возбудить стрѣльцовъ. Стрѣльцы смирились и виновные были безпощадно казнены. Софія имѣла не только твердую голову, но и крѣпкую руку. Головы гидры стали отлетать.

Такимъ образомъ, царица Софія умѣло и твердою рукою подняла стихію и столь же твердою рукою смирила ее. Она воспользовалась стрѣльцами на столько, на сколько это было ей нужно.

Царствованіе Софіи длилось 6—7 лѣтъ и было ознаменовано видными событіями. Усмиривъ внутренніе непорядки, Софія принялась за упорядоченіе внѣшнихъ отношеній. Она отправила посольство въ Швецію, Данію, Голландію, Бранденбургъ, Англію, Францію, Польшу, Турцію и Австрію, извѣщая о смерти царя Федора и о восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра и о желаніи поддерживать со всѣми этими государствами дружественныя отношенія и миръ. Всѣ отвѣтили въ самомъ лучшемъ смыслѣ. Софія заключила первый трактатъ съ китайскимъ императоромъ, не безъ пользы для Россіи. Въ 1686 году заключенъ былъ трактатъ съ Польшей, съ

уступкой Россіи не только Кіева, но и Смоленска, Малороссіи и Запорожья. Подписывая этотъ договоръ, король польскій Собѣскій плакалъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что между этими уступками онъ уступалъ и то, что ему не принадлежало. Это можно сказать о Малороссіи, а тѣмъ болѣе о запорожскихъ казакахъ. Послѣдніе были совершенно вольныя птицы, признававшія надъ собою власть одного только Бога. Наконецъ, она предприняла два похода противъ крымскихъ татаръ, которые если оказались и неудачными, то скорѣе по неблагоустройству арміи, чѣмъ по неумѣнію веденія войны. Въ ея царствованіе выдвигается видная политическая личность по тому времени, гетманъ Малороссіи Иванъ Мазепа, мечтавшій дать Малороссіи славу и независимость и павшій жертвою своего заблужденія.

Вмѣстѣ съ этимъ Софія заботилась о введеніи благочинія и чинноначалія во дворцѣ, занималась украшеніемъ храмовъ и устройствомъ красивыхъ зданій въ Москвѣ, заботилась о привлеченіи въ Россію умныхъ иностранцевъ съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ льготъ, стремилась къ искорененію суевѣрій и невѣжества и, по примѣру кіевской, устроила славяно-греко-латинскую академію въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

Но все имѣетъ свой предѣлъ. Наступилъ предѣлъ и царству Софіи. Надлежало уступить престолъ императору Петру. Орленокъ подросъ и расправилъ крылья. Ему требовался просторъ и онъ его получилъ.

О всѣхъ великихъ людяхъ въ народѣ ходятъ преданія и предсказанія. Существуютъ они и о Петрѣ. Говорятъ, что воспитатель царевича Ѳеодора, Симеонъ Полоцкій, богословъ, піита, звѣздочетъ и человѣкъ, извѣдавшій эллинскую премудрость,— явился однажды къ царю Алексѣю и предсказалъ ему, что у него родится сынъ великій воинъ и государь мудрѣйшій. Имяже ему будетъ Петръ. Его слава пойдетъ звѣздой лучезарной и освѣтитъ весь міръ. А вотъ явился и другой московскій вѣщатель, юродивый и блаженный. Такіе въ Москвѣ попадаются и теперь. Этотъ-то юродивый прибылъ въ царскій теремъ и, заставъ вмѣстѣ царя и царицу, сказалъ, что онъ пришелъ привѣтствовать «царя великаго».

— Его, — спросила царица, указывая на Алексѣя?

«Нѣтъ, побольше мужа твоего вижу я царя въ утробѣ твоей: Родится отъ Пахомъ съ большимъ костылемъ и всѣ его бояться будутъ»!

Наконецъ, говорятъ, что когда въ Успенскомъ соборѣ молились о спасеніи жизни царицы при разрѣшеніи онъ бремени, то діаконъ на эктиніи вмѣстѣ съ именами царевичей Ѳеодора и Іоанна произнесъ и имя Петра. За симъ діаконъ клялся и божился, что произнесъ *по неизвѣстному внушенію*. Не важныя сказанія, а все таки сказанія.

По смерти царя Алексѣя Михаиловича, царевичъ Петръ и его семья находились въ какомъ то загонѣ. Царица-мать не имѣла

въ правленіи голоса,—царь Ѳеодоръ и правительница Софія мало обращали на Петра вниманія. Правда, ему были назначены учители; но это дѣлалось скорѣе pro forma.. Его воспитаніе состояло въ обученіи грамотѣ, письму, съ изученіемъ Св Писанія, немногими историческими, географическими и юридическими свѣдѣніями. Первымъ учителемъ царевича Петра былъ дьякъ Никита Зотовъ. Царь усваивалъ ученіе необыкновенно быстро и всѣхъ поражалъ своими успѣхами и своею пытливостью.

Живя на привольѣ, не стѣсняемый никѣмъ и ничѣмъ, царевичъ Петръ быстро развивался физически и умственно. Въ одиннадцать лѣтъ онъ казался лѣтъ 14 — 15. Онъ былъ статенъ, съ темными кудрями на головѣ и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Въ большихъ черныхъ глазахъ сверкалъ умъ и энергія. Голосъ былъ громкій, движенія смѣлыя и живыя. Еще въ трехлѣтнемъ возрастѣ Петръ любилъ воинскія забавы. Царь собралъ ему ровесниковъ на потѣху, одѣлъ ихъ по военному и царевичъ Петръ постоянно воевалъ и сражался съ своими потѣшными, строилъ и бралъ города, давалъ битвы и одерживалъ побѣды.

Его потѣшные были съ нимъ неразлучными друзьями. Въ числѣ потѣшныхъ стояли и дѣти простого званія и дѣти знатныхъ княжескихъ фамилій. Число потѣшныхъ все возрастало и возрастало и скоро достигло такого количества, что изъ нихъ можно было составить два полка.

Путешественникъ Кемпферъ говоритъ, что красота Петра плѣняла всѣхъ, а жи-

вость приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ Москвы. Когда посланникъ подалъ вѣрительную грамоту и оба царя должны были встать въ одно время, то младшій не далъ времени поднять себя и брата, какъ того требовалъ этикетъ, а быстро всталъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и бѣгло произнесъ обычный привѣтъ: «Его королевское величество, братъ нашъ, Королусъ Свейскій по здорову-ль»? Царевичу Петру тогда было 11 лѣтъ съ небольшимъ, — Кемпферъ же далъ ему не менѣе 16 лѣтъ.

Въ управленіе царствомъ Софіи, царица Наталія и царевичъ Петръ жили за нѣмецкой слободой въ селѣ Преображенскомъ. Стоя въ сторонѣ отъ дѣлъ, царевичъ Петръ часто хаживалъ въ нѣмецкую слободу. Тамъ онъ видѣлъ совсѣмъ иную жизнь, чѣмъ та, которою жилъ онъ и всѣ русскіе. Тамъ была свобода личности, свобода слова, свобода образованія. Иногда запросто онъ гулялъ по улицамъ и по торговымъ рядамъ, одинъ, безъ всякой свиты, ѣздилъ въ саняхъ въ одиночкѣ, ласково велъ бесѣды съ простолюдинами, заходилъ въ ихъ дома и въ нѣмецкія казармы. Много новаго онъ тамъ увидѣлъ и многому онъ тамъ научился. Вступая въ бесѣды съ жителями нѣмецкой слободы, онъ узналъ отъ нихъ о жизни, просвѣщеніи, улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ жизненныхъ пріемахъ въ чужихъ государствахъ. Юный царь ясно сознавалъ и большую разницу между жизнью русскою и жизнью иноземною и великія преимущества послѣд-

ней передъ первою. Здѣсь онъ познакомился и сошелся съ своими великими сподвижниками Лефортомъ, Гордономъ и другими. Лефортъ училъ царевича нѣмецкому и голландскому языкамъ. Инженерный офицеръ Тиммерманъ обучалъ Петра математикѣ, фортификаціи и артиллеріи. Но особенно Петръ интересовался военнымъ дѣломъ. Въ этомъ его учителемъ и наставникомъ былъ Лефортъ. Петръ любилъ его за беззаботную веселость, природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ то время безкорыстіе. Лефортъ былъ полезенъ царю особенно при устройствѣ его любимыхъ потѣшныхъ полковъ. Ненавидя стрѣльцовъ по существу за всѣ ихъ безобразія въ теченіе дѣтства, Петръ не могъ не видѣть всю негодность ихъ, какъ боевой арміи. Это была безобразная орда, могшая брать числомъ и нахальствомъ, но совершенно не способная вести войну надлежащимъ образомъ. Это онъ видѣлъ изъ сравненія стрѣлецкихъ полковъ съ нѣмецкими. Это онъ сознавалъ изъ объясненій такихъ знатоковъ дѣла, какъ Гордонъ. Честолюбивый и имѣющій пылкіе планы на будущее, Петръ не могъ не сознавать, что съ такими войсками, какъ стрѣльцы, онъ не могъ успѣшно вести войну не только съ европейскими государствами, но даже съ татарами. Войско нужно было образовать новое. Его приходилось создавать. Его приходилось всему обучать иначе, чѣмъ стрѣльцовъ. Его приходилось устраивать такъ, какъ это ведется въ Европѣ. И вотъ

онъ захотѣлъ создать новую армію въ малыхъ размѣрахъ.

Въ 1687 г., когда Петру было 15 лѣтъ, объявлено было образованіе двухъ потѣшныхъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго. Много явилось охотниковъ поступить въ потѣшные. Записывались въ потѣшные люди простого званія. Записались также Долгорукіе, Рѣпины, Голицыны, Апраксины, Прозоровскіе, Бутурлины и др. Самъ же Петръ стоялъ въ числѣ рядовыхъ Преображенскаго полка и былъ въ немъ барабанщикомъ. Ротнымъ былъ Лефортъ. Петръ исполнялъ всѣ обязанности рядового: онъ билъ барабанъ, кидалъ артикулъ ружьемъ, стоялъ на караулѣ, дѣлилъ простую пищу своихъ товарищей, жилъ съ ними въ палаткахъ, самъ возилъ въ телѣжкѣ землю на устройство маленькой крѣпости, которую затѣмъ осаждалъ по всѣмъ правиламъ войны.

Одновременно съ этимъ онъ изучалъ кавалерійскую службу и со всею страстностью предавался изученію артиллерійскаго и сапернаго искусства. Все это онъ проходилъ лично и не было той мелочи, которую бы онъ обошелъ и не изучилъ лично на себѣ.

Попутно, бывая въ нѣмецкой слободѣ, онъ изучалъ ремесла: токарное, слесарное, плотничное, самъ ковалъ желѣзо и плелъ мужицкія лапти и даже не чуждъ былъ медицинскихъ познаній. И все это онъ зналъ не абы-какъ, а вполнѣ основательно и надежно.

Всѣ эти знанія были ему полезны какъ

сами по себѣ, такъ и въ примѣненіи къ устройству его излюбленной арміи.

Подготовляя потѣшные полки, Петръ перевелъ къ себѣ часть и стрѣльцовъ Сухарева полка, который до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ стрѣлецкихъ безчинствахъ. Петръ завелъ свою артиллерію и создалъ армію, всегда готовую стать за своего царя.

Довольная сначала тѣмъ, что Петръ слишкомъ увлекся дѣтскимъ безпутствомъ, Софія, однако, скоро замѣтила, что изъ этихъ потѣшныхъ затѣй создается грозная сила. Ею нельзя было уже пренебрегать. За нею нужно было наблюдать и не упускать изъ виду. Видѣлъ всю опасность этихъ затѣй и В. В. Галицынъ, но подѣлать противъ этого ничего нельзя было.

Какъ на бѣду, Петръ, прежде не интересовавшійся государственными дѣлами, теперь отъ времени до времени сталъ появлятся въ царской думѣ, высказывать свои мнѣнія и принимать участіе въ дѣлахъ. Его мнѣнія часто были рѣзки, рѣшительны и необыкновенно вѣрны и метки. Часто онъ расходился во мнѣніяхъ съ Софіей и не терпѣлъ противорѣчія.

Несмотря на юные годы, Петръ много уже понималъ въ военномъ дѣлѣ, могъ свободно и вѣрно его оцѣнивати и правильно критиковать. Такъ, совершенно правильно строго онъ отнесся къ неудачамъ перваго крымскаго похода, хотя едва ли справедливо онъ обвинялъ во всемъ князя В. В. Голицына. Виновенъ былъ плохой строй арміи русской и не могъ же его пе-

ресоздать въ мигъ Голицынъ. Развѣ изъ-за этого же не потерпѣлъ самъ Петръ во время перваго похода на Азовъ и во время перваго столкновенія со шведами.

Совершенно правъ былъ Петръ и при противодѣйствіи второму крымскому походу. Опять таки геніальное прозорливое око Петра могло усматривать всѣ немочи русскаго строя арміи; но Петръ былъ одинъ и равныхъ ему не было и не скоро будетъ. Можно думать, что по отношенію къ князю Голицину въ Петрѣ заговорили уже и личныя отношенія. Петръ началъ сознавать неправильность своего положенія и, вѣроятно, подумывалъ о возстановленіи своихъ правъ. Видѣлъ онъ также и виновниковъ этой ненормальности и потому невольно, по человѣческой слабости, переносилъ гнѣвъ и недовольство положеніе дѣла на лицъ, мало въ томъ повинныхъ.

Изъ многихъ обстоятельствъ можно было усмотрѣть, что начинается послѣдній актъ борьбы, при чемъ наступательныя дѣйствія уже шли со стороны Петра, а оборонительныя—со стороны Софіи. Оба врага были необыкновенно умны и что въ одномъ шло на преобладаніе ума, то въ другомъ падало на долю опыта.

Какъ умные бойцы, они прежде всего наблюдали и изучали другъ друга. Нужно прибавить еще и то, что борьба должна была идти не на животъ—на смерть. Петръ ясно сознавалъ, что онъ можетъ быть самодержавнымъ царемъ только съ устраненіемъ совершенно съ пути Софіи,—которая, несомнѣнно, желаетъ проглотить его. Софія

слишкомъ уже упилась властью, чтобы добровольно отказаться отъ нея; а для того, что-бы стать самодержавной, нужно перейти черезъ трупъ Петра.

Несомнѣнно, борьба была не на животъ—на смерть. Все прошлое показываетъ, что Петру нельзя было расчитывать на стрѣльцовъ. Во главѣ стрѣльцовъ стоялъ Шакловитый, всецѣло преданный Софіи. Развѣ только Сухаревъ полкъ могъ оставаться вѣрнымъ Петру. Поэтому, естественно, онъ долженъ былъ готовить себѣ защиту и онъ ее приготовилъ въ лицѣ потѣшныхъ полковъ и нѣмецкихъ полковъ. Правда, даже на нѣмецкіе полки едва ли онъ могъ положиться, ибо хотя Гордонъ, стоявшій во главѣ нѣмецкихъ полковъ, и весьма дружески относился къ Петру, но эти отношенія были личныя отношенія,—а на службѣ онъ состоялъ у правительницы. Ей онъ и вѣрнымъ оставаться былъ долженъ. Люди ума и образованія тѣмъ и отличаются отъ людей невѣжественныхъ, что они умѣютъ отличать свои личныя отношенія отъ служебныхъ. Таковымъ былъ и Гордонъ. Поэтому Петру оставалось положиться на однихъ своихъ потѣшныхъ, которые были уже сила и сила важная—регулярныя войска,

Софьѣ тоже нужна была сила и она ее имѣла въ лицѣ стрѣльцовъ. Стрѣльцовъ она уже знала. Умѣла ими управлять, умѣла ихъ возбуждать, умѣла смирять. Знала она и ихъ неразборчивость въ средствахъ и безстѣнчивость въ пріемахъ. Это все, что ей и нужно.

Трудно было сказать—равны ли партіи

и кто выиграетъ. Много было шансовъ на одной сторонѣ и много было на другой. Вся бѣда Софіи была въ томъ, что ей приходилось вести дѣла не лично, а черезъ вторыя и третьи руки, причемъ эти руки были и глупы и нерѣшительны.

Тогда какъ Петръ всѣ дѣла велъ лично и всюду былъ впереди. Прибавимъ еще и то, что Петръ велъ дѣло чистое, а Софья не чистое. Ну, да у умныхъ людей всегда цѣль оправдываетъ средства.

Въ такомъ выглядываніи, въ такомъ высматриваніи, въ такомъ наблюденіи, изученіи и соображеніи проходило время, выжидая случая, который бы послужилъ разрывною бомбою.

Случаи вскорѣ представились въ видѣ неудачнаго второго похода князя В. В. Голицына, въ видѣ открытаго участія въ качествѣ царицы, совмѣстно съ царями, въ торжественныхъ шествіяхъ, правительницы Софіи и въ видѣ несогласія Петра на награду князя В. В. Голицыну за его походъ въ Крымъ.

Привыкнувъ въ теченіе 4—5 лѣтъ управлять государствомъ, царевна Софія привыкла и къ мысли считать себя царицею, почему она въ торжественныхъ случаяхъ являлась въ царскомъ одѣяніи совмѣстно съ царевичами. Это царю Петру не нравилось и онъ неоднократно давалъ замѣтить ей, что ея появленіе въ царскихъ выходахъ негоже, но царевна не обращала никакого вниманія на это. Рѣшительный разрывъ произошелъ по этому поводу 8 іюля во время крестнаго хода изъ Успенскаго въ Казан-

скій соборъ въ память избавленія Москвы отъ поляковъ. Софія явилась на крестный ходъ въ полномъ царскомъ одѣяніи. Увидѣвъ ее въ такомъ видѣ, Петръ сказалъ:

«Тебѣ не мѣсто здѣсь! Ты не царица»!

Но Софія не обратила вниманія на слова царя. Не желая заводить публичной ссоры, Петръ немедленно уѣхалъ въ Преображенское. Фактъ непослушанія крайне раздражилъ Петра. Онъ не захотѣлъ слышать даже имени Софіи. Софія объ этомъ узнала и увидѣла, что готовится развязка.

А тутъ явился князь В. В. Голицынъ изъ неудачнаго похода. Петръ рѣзко порицалъ Голицына. Софія хотѣла его возвеличить. Бояре были между двухъ огней, но уже многіе чувствовали силу Петра и переходили на его сторону.

Неувѣренная въ исходѣ борьбы открытой, Софія рѣшила устранить Петра рукою наемнаго злодѣя. Такихъ не мало отыскалось среди стрѣльцовъ, управляемыхъ Шакловитымъ. Окончательнымъ моментомъ назначена была ночь на 7-е августа, когда расчитывали, что въ Преображенскомъ, по случаю праздника, вся прислуга перепьется и доступъ къ царю будетъ возможенъ. Въ числѣ заговорщиковъ нашлись, однако, два переметчика, которые прискакали ночью въ Преображенское раньше и предувѣдомили о грозящей опасности. Царь моментально собрался и въ ту же ночь ускакалъ въ Троице-Сергіеву лавру. Въ этихъ твердыняхъ уже разъ нашла защиту и пріютъ его сестра, правительница Софія, во время стрѣлецкихъ бунтовъ. Прискакавшій не-

медленно за переметчиками въ Преображенское Шакловитый съ 300 стрѣльцовъ, уже тамъ не засталъ Петра. Птичка-то упорхнула.

Дѣло принимало скверный оборотъ. Софія сначала прикинулась ничего не знающей, но дѣло вскорѣ обнаружилось. Тогда она обратилась къ своимъ вѣрнымъ стрѣльцамъ. Стрѣльцы сначала очень ретиво поднялись за Софію. Но не дремалъ и Петръ. Онъ кликнулъ кличъ къ вѣрнымъ своимъ людямъ и тѣ тоже не замедлили стать за Петра. Первымъ явился въ лавру Лефортъ съ потѣшными полками. Это былъ моментъ, окончательно связавшій его съ Петромъ. За симъ прибыла часть вѣрныхъ стрѣльцовъ и постепенно стала стягиваться вся земская рать къ стѣнамъ Троице-Сергіевой лавры.

Софію стали покидать не только бояре, земскіе люди и народъ, но и стрѣльцы. Все дѣло очень скоро кончилось. Шакловитый и виновные стрѣльцы были безпощадно казнены. Софія ушла въ Новодѣвичій монастырь, князь В. В. Голицынъ отправился въ ссылку въ то самое мѣсто, гдѣ былъ когда то бояринъ Матвѣевъ.

Съ этого момента въ государствѣ двоевластіе прекратилось. Правда, было два царя: но только одна голова все рядила и чинила, царь же Іоаннъ оставался царемъ по имени. Всѣ важнѣйшія дѣла и серьезные государственные вопросы рѣшались царемъ Петромъ.

Такъ кончилось управленіе царевны Софіи,—управленіе разумное, видное и для государства полезное, и если читающій ея исторію безъ особеннаго сожалѣнія пере-

ходитъ къ царствованію Петра, то только потому, что геній послѣдняго былъ еще несравненно могущественнѣй.

V.

Оставшись безъ опеки управительницы Софіи, царь Петръ не окунулся немедленно во всѣ государственныя дѣла. Все управленіе онъ оставилъ въ рукахъ царской думы, самъ же продолжалъ завершать свое образованіе.

Онъ остался жить въ Преображенскомъ селѣ, среди своихъ потѣшныхъ, окруженный преданными людьми, каковы были: А. Б. Голицынъ, Шеинъ, Шереметевъ, Лефортъ, Гордонъ, Зотовъ, Ромодановскій, Долгорукій, Головинъ, Нарышкинъ, Апраксинъ и др.

Уже съ дѣтства Петръ отличался способностью удачно подбирать себѣ друзей и пособниковъ. Онъ ихъ набиралъ, не различая рода и знатности, а цѣня только умъ, охоту учиться и способность работать. Такъ, онъ поднялъ и приблизилъ къ себѣ простого мальчика, въ послѣдствіи великаго вельможу, Александра Меньшикова; таковъ же выборъ былъ Шафирова, Демидова и очень, очень многихъ другихъ.

Царь самъ работалъ неустанно, — того же требовалъ и отъ своихъ сподручныхъ. Благодаря постоянному общенію съ иностранцами, Петръ зналъ, какъ во многомъ отстала Россія отъ другихъ европейскихъ государствъ,—какъ много она невѣжественнѣе и не культурнѣе другихъ государствъ.

А для того, чтобы быть равнымъ, нужно обладать равными знаніями, равными средствами, равными правами. Для этого же прежде всего нужно было учиться и учиться. И царь учился самъ,—того же требовалъ и отъ своихъ приближенныхъ. Царь захотѣлъ поднять Россію до уровня европейскихъ государствъ. Это значитъ: онъ захотѣлъ научить свой народъ тѣмъ знаніямъ, которыми обладали просвѣщенные народы, снабдить тѣми техническими усовершенствованіями, коими обладали просвѣщенные народы, вооружить всѣми тѣми пріемами и орудіями свой народъ, кои дѣлаютъ сильными, богатыми и мощными просвѣщенные народы. Для этого ему нужно было прежде всего разбудить отъ сна Илью Муромца, встряхнуть его, заставить учиться и научиться и побудить пользоваться этими преимуществами. А для всего этого все вводимое нужно было самому на себѣ извѣдать. Петръ далеко не былъ западникъ. Онъ любилъ на западѣ его знанія, его техническія совершенства, его высокую культуру. Но онъ еще болѣе любилъ свою Россію. И любя ее, онъ хотѣлъ дать ей всѣ тѣ преимущества, которыя имѣлись на западѣ. Не убить онъ собирался Россію, а просвѣтить, укрѣпить и поднять на недосягаемую высоту. Совсѣмъ онъ не хотѣлъ отдать Россію на съѣденіе нѣмцевъ, голландцевъ и проч., а онъ призывалъ и нѣмцевъ, и голландцевъ, и другихъ иностранцевъ въ Россію, чтобы получить ихъ знанія, переварить ихъ, правильно усвоить и успѣшно пользоваться противъ тѣхъ же иностран-

цевъ во славу Россіи. Развѣ мало у Петра было шведовъ, которые помогали ему противъ шведовъ же. Но для того, чтобы эти знанія вводились разумно, ему самому нужно было имѣть ихъ. Ему самому нужно было знать, знать все, даже до мелочей, дабы умѣть правильно контролировать исполнителей своей воли. И Петръ учился. Учился онъ неустанно и требовалъ, чтобы учились и другіе.

Но Петръ умѣлъ и любилъ и погулять. Его гульбища были бурныя, шумныя и иногда даже необузданныя, — но, вѣдь, и натура его была шире обычной человѣческой натуры. Это была мощь необъятная, какъ въ достоинствахъ, такъ и въ слабостяхъ.

Выбирая друзей, онъ умѣлъ отличать въ нихъ добрыя и худыя черты и насколько поощрялъ добрыя, настолько безъ стѣсненія колачивалъ за худыя. Всѣхъ своихъ друзей онъ любилъ равно и не было у него такихъ, которые пользовались особеннымъ предпочтеніемъ и имѣли на него вліяніе. Онъ слушалъ всѣхъ и выслушивалъ все,—но бралъ то, что ему было полезно. Онъ всегда жилъ своимъ умомъ, за всѣмъ слѣдилъ одинаково, все видѣлъ, все наблюдалъ и ничто никого не могло спасти отъ отвѣта за ошибку, небрежность и дерзость.

Недобро смотрѣли старые и невѣжественные люди на всѣ эти нововведенія и страсть къ новому у Петра. Многіе и многіе за глаза хулили его и распускали самые нелѣпые слухи о немъ, — и только

очень немногіе рѣшались сказать ему правду въ глаза.

Царь правду выслушивалъ и тутъ же давалъ искреннюю отповѣдь. Такъ иногда царица мать рѣшалась повѣдать сыну, что его порицаютъ за воинскія игры и не царскія занятія грубыми работами.

— Думаю, что никто не говорилъ бы мнѣ ничего, если бы я предавался соколиной, или псовой охотѣ,—и за что же осуждаютъ меня? За воинскія упражненія, когда они всѣ вездѣ составляютъ занятія государей,—когда ими укрѣпляется царство и славится народъ. Гораздо болѣе разрушаютъ здоровье роскошь и нѣга, нежели трудъ и работа...

Пытался и патріархъ уговорить царя поберечь свое здоровье отъ работы.

— Нѣтъ, у меня и безъ того много еще времени пропадаетъ безъ работы, — а трудъ, я чувствую, только укрѣпляетъ меня... Война дѣло царя и сановниковъ его, а вы осуждаете меня, что я хочу быть воиномъ и къ войнѣ пріучаю другихъ...

А Петръ ясно видѣлъ, что вся сила государства зиждется на хорошо устроенной арміи; почему всѣ силы свои онъ теперь употребилъ на преобразованіе арміи.

Личное наблюденіе надъ безпорядочностью строя стрѣльцовъ, личный опытъ съ потѣшными, все слышанное отъ иностранцевъ объ иноземныхъ арміяхъ, критическій взглядъ на крымскіе походы,—все это приводило Петра къ мысли о необходимости преобразованія арміи, при чемъ онъ обращалъ вниманіе, какъ на измѣненіе строя

арміи, такъ и на улучшеніе вооруженія. Въ видахъ послѣдняго, царь Петръ заботился объ улучшеніи оружія, правильности приготовленія пороха и селитры и т. п. Съ послѣднею цѣлью онъ заводилъ оружейные и селитренные заводы и положилъ начало Демидовскимъ желѣзнымъ пріискамъ. Во всѣхъ дѣлахъ царь старался смотрѣть въ корень дѣла: хорошее оружіе можно было имѣть только на хорошихъ заводахъ,—таковые строились; хорошіе заводы могли приготовлять надлежащее оружіе только изъ хорошаго желѣза,—такое искали дома, нашли и начали имъ пользоваться. Заграница служила примѣромъ,—а выдѣлка производилась дома и изъ домашняго матеріала. По истинѣ для того времени геніальное воззрѣніе.

Совершенно случайное обстоятельство навело царя на новый родъ занятій и новое увлеченіе.

Изучая исторію Россіи, Петръ не могъ не усмотрѣть, что были времена, когда Россія имѣла моря Балтійское и Черное. А теперь эти моря отняты сосѣдями. Такимъ образомъ Россія имѣла для выхода только сухопутную границу. Захочетъ сосѣдъ пропустить—пропуститъ,—не захочетъ—нѣтъ. Между тѣмъ имѣя море, Россія имѣла свободный входъ и выходъ и для людей, и для товаровъ и для морскихъ промысловъ. Сосѣди не даромъ отняли у Россіи море и заперли ее въ тѣсномъ кругу. При такомъ стѣсненіи, естественно, Россія была и невѣжественна и слаба. Юный геній сознавалъ всю принужденность Россіи, и рас-

кидывалъ своимъ умомъ, какъ бы этому помочь; какъ бы достать море, достать свободный входъ и выходъ,—внушить струю просвѣщенія, а вмѣстѣ съ этимъ силу, мощь и богатство...

Однажды, осматривая въ с. Измайловѣ кладовыя, Петръ увидѣлъ какую то невиданную лодку. Оказалось, что это такая лодка, которая на парусахъ ходитъ и по вѣтру и противъ вѣтра. Что за диво! Исправить лодку. Достать матроса, который бы умѣлъ править ею. Сдѣлали и то и другое. Пустился плавать въ ботикѣ Петръ на Яузѣ. Тѣсно стало. Перешелъ на Просяной прудъ. И тутъ тѣсно. Дошелъ до Переяславскаго озера, а потомъ и до Бѣлаго моря.

Мало стало ботика царю. Приказалъ онъ строить яхты и корабли; а для сего заложилъ корабельную верфь. Устроили корабли. Снарядили ихъ пушками и загремѣли русскія эти пушки на русскихъ водахъ... Доселѣ дѣло и невиданное и неслыханное. Но такъ какъ царь до всего самъ хотѣлъ дойти, то ему мало было имѣть корабли. Ему нужно было умѣть строить ихъ самому. И сталъ царь съ топоромъ въ рукахъ на корабельной верфи и построилъ такой корабль, который былъ бы за честь и заправскому мастеру.

Это обзаведеніе кораблями и изученіе кораблестроенія не было дѣломъ царскаго каприза и царской забавы. Это было дѣло вполнѣ осмысленное и имѣющее опредѣленную задачу. Когда однажды Гордонъ заявилъ царю, что коли нѣтъ морей, то и

самые корабли излишни, то Петръ отвѣчалъ:

— Только были бы корабли, а моря я найду...

Устраивая флотилію, Петръ любилъ производить на ней забавы: грандіозные фейерверки, пушечную стрѣльбу, примѣрныя сраженія и т. д., при чемъ во всемъ принималъ личное и дѣятельное участіе.

— Что значитъ издержать лишь бездѣлицу, когда фейерверками я пріучаю народъ мой къ военному огню!

Забава забавой, а дѣло дѣломъ. Все это дѣлалось само собою. Что обычному уму представляется труднымъ и требующимъ достаточнаго времени для соображенія, то для генія было ничто и дѣлалось само собою.

Разумѣется, для успѣха дѣла пришлось выписать мастеровъ изъ Голландіи. Мастера прибыли и дѣло закипѣло.

Особенное раздолье наступило для Петра, когда онъ добрался до Бѣлаго моря. Подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній жителей Архангельска съ иностранными купцами и матросами, приходящими на торговыхъ судахъ, самый бытъ Архангельска былъ нѣсколько иной, чѣмъ остальныхъ городовъ. Все это интересовало Петра и давало пищу его пытливому уму. Царь все осматривалъ отъ мала до велика. Особенно его интересовали голландскіе корабли, хотя онъ не брезгалъ осмотромъ и простыхъ лодокъ. Въ приготовленной къ царскому пріѣзду яхтѣ царь неоднократно пускался въ море, осматривалъ тамъ корабли.

знакомился со шкиперами и предпринималъ поѣздки по морю въ сопровожденіи иностранныхъ кораблей. Въ это же время царь утвердилъ рисунокъ русскаго флага: полосы красная, синяя и бѣлая. Первый разъ взвился до селѣ невиданный флагъ.

Будучи въ Архангельскѣ, царь Петръ очень полюбилъ архіепископа Аѳанасія и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Любилъ и архипастырь юнаго царя. Царь приказалъ снарядить товарами русскіе корабли и отправить ихъ въ Голландію съ порученіемъ привести ему оттуда военный корабль.

Ознакомившись съ условіями иностранной жизни, царь захотѣлъ вводить ее у себя. Еще семнадцати лѣтъ онъ женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной. Теперь, возвратившись изъ Архангельска, царь открылъ у себя увеселительные вечера, въ которыхъ принимали участіе жены и дочери иностранныхъ гостей. Царица Евдокія первая пренебрегла древній обычай сокрытія женъ и принимала участіе въ увеселительныхъ вечерахъ мужа.

Какъ дѣловой человѣкъ, царь Петръ не любилъ излишняго титулованія и славословія. Вотъ его отвѣтъ боярину Апраксину, титуловавшему въ своемъ письмѣ царя многоэтажными титулами: «Письмо твое получилъ, только усомнился о томъ, ко мнѣ ли писано, потому что писано съ зельми чинами. Ты знаешь, что я чиновъ не люблю... Пиши о дѣлѣ и просто». Величіе видно само по себѣ. Дѣла есть лучшій дипломъ человѣка.

На слѣдующій годъ, послѣ смерти ма-

тери, царицы Наталіи, Петръ вновь пустился въ Архангельскъ. Отсюда царь съ архіепископомъ, по обѣщанію, данному по случаю бывшей у него болѣзни, рѣшилъ ѣхать въ Соловецкій монастырь. Служили молебенъ. Петръ пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Выѣхали въ море. Здѣсь наступила страшная буря. Гибель была видимая. Всѣ плакали и молились. Одинъ Петръ не растерялся. Между матросами царь увидѣлъ одного старика, который заявилъ ему, что спасеніе заключается въ прибытіи въ гавань Унскіе Рога, хотя входъ въ нее не безопасенъ. Матросъ брался ввести яхту въ гавань. Царь отдалъ ему руль, но затѣмъ сталъ самъ вмѣшиваться.

— Пойди прочь, закричалъ ему матросъ,—я знаю что дѣлать! Если ты отдалъ мнѣ руль, такъ не мѣшайся въ мое дѣло!

Царь отошелъ и держалъ себя покойно.

Прибыли въ гавань и были спасены. Матросъ бросился въ ноги царю и просилъ прощенія за дерзость.

— Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло, отвѣчалъ царь. Поцѣловалъ старика и подарилъ ему на память свое морское дорожное платье. Въ память спасенія отъ крушенія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мореплаватели вышли на берегъ, Петръ водрузилъ крестъ, который хранится и до сихъ поръ.

Въ Архангельскѣ царь ждалъ прибытія заказаннаго имъ военнаго корабля. Отъ нечего дѣлать онъ началъ проходить морскую службу, подъ командою голландскаго

шкипера Виллемсена. Послѣдній думалъ, что царь шутитъ и потому на его вопросъ отвѣтилъ:

— Если хочешь учиться, начинай съ цвиббера (каютный мальчикъ).

— А что онъ долженъ дѣлать?

— А вотъ, маршъ, набей мнѣ трубку и принеси водки.

Царь моментально исполнилъ.

— Теперь маршъ на мачту.

Царь исполнилъ и это. Такъ прошелъ Петръ лично всю морскую службу.

Виллемсъ былъ совершенно правъ говоря: надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать...

Наконецъ, ожидаемый военный корабль пришелъ. Его встрѣтила вся эскадра кораблей, бывшихъ въ Архангельскѣ, подъ предводительствомъ англійскаго шкипера Іоласона, при которомъ состоялъ царь Петръ. Все торжество завершилось пиршествомъ, которое задалъ царь всѣмъ присутствовавшимъ. Послѣ этого царь возвратился въ Москву для производства маневровъ на половину серьезныхъ, — на половину шуточныхъ.

Забавлялась царская душа. Забавлялась причудливо. Строилъ корабли безъ морей. Устраивалъ потѣшные полки и потѣшныя сраженія. Но какія великія идеи таились въ этихъ забавахъ и какія могущественныя послѣдствія дали эти забавы. Самыя шутки носили въ себѣ залогъ геніальнаго будущаго.

VI.

Радовалась душа царская при плаваніи въ Бѣломъ морѣ. Тутъ и корабли. Тутъ и кораблестроеніе. Но чѣмъ все это отличалось отъ корабликовъ, пускаемыхъ дѣтками въ ванной. Размѣрами?! Но, вѣдь, то дѣтки, а то царь... Пользою! малою... Царь ясно видѣлъ, что отъ этого моря много не возьмешь. По крайней мѣрѣ не того жаждала душа Петра. Большую часть времени года это море было заперто льдами. Вести торговлю отсюда было невозможно. Да ее и не хотѣли допустить иностранцы. Разъ русскіе купцы снарядили корабль товаромъ и пустили за границу; но заграничные купцы устроили стачку, товаровъ не взяли и корабль вернулся ни съ чѣмъ... Нужно было придумать что нибудь другое. Нужно было поискать другого моря. Балтійскаго? Но тутъ пришлось бы сцѣпиться и съ Швеціей, и съ Пруссіей, и съ Польшей... Сцѣпиться можно, да что изъ этого выйдетъ. Петръ ясно видѣлъ, что его войско далеко еще отъ идеала... Пришлось обратить вниманіе на южныя моря—Азовское и Черное. Но тутъ Турція. А Турція въ ту пору была очень сильна.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Петръ сталъ самодержавнымъ государемъ, послѣ ухода Софіи въ монастырь, а дѣлами государственными онъ занимался очень мало. Когда ни когда появлялся въ царской думѣ для рѣшенія по важнѣйшимъ дѣламъ,—да на торжественные выходы при пріемѣ ино-

земныхъ пословъ.—Все остальное время онъ отдавалъ военнымъ да морскимъ забавамъ. Не государственное это было дѣло...

Впрочемъ, у разныхъ людей бываютъ различныя точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія Петра это было именно настоящее государственное дѣло. Создавая регулярное войско, образуя флотъ, устрояя все необходимое для созиданія и поддержанія того и другого, Петръ думалъ, что создастъ государственную силу и мощь. Онъ думалъ, что созданныя имъ армія и флотъ были на столько велики, что можно было уже и потягаться съ кѣмъ нибудь.

Царю нуженъ былъ выходъ изъ замкнутаго кольца Россіи. Такой выходъ давало либо Балтійское, либо Черное море. Балтійское трогать было не безопасно. Оставалось рискнуть на Черное море,—т. е. на войну съ Турціей. Однако открыть выходъ въ Черное море было не легко, ибо Днѣпръ находился частію въ рукахъ вольныхъ орловъ—запорожцевъ, которые зачастую были не безопаснѣе самаго злого врага, такъ какъ боялись только Бога, а слушались только самихъ себя,—частію въ рукахъ крымскихъ татаръ и Турціи... Было удобнѣе попытаться выйти сначала въ Азовское море, а затѣмъ уже въ Черное. Донъ отъ верховій и до устья былъ во владѣніи Россіи. По берегамъ его лѣса было вдоволь. По этому царь приказалъ у Воронежа строить суда, дабы на нихъ выйти къ Азовскому морю. Только у самаго моря стояла турец-

кая крѣпость Азовъ, которую именно и надлежало взять.

Обдумывая эту думу, Петръ получилъ отъ императора германскаго слезную просьбу —воевать съ турками. Турки слишкомъ наступали на западъ и разоряли прилежащія страны. Петра не нужно было долго просить объ этомъ. Быстро создалъ онъ планъ войны и быстро сталъ приводить его въ исполненіе. Походъ былъ объявленъ на крымскихъ татаръ. Армій было, однако, двѣ: одна шла на Днѣпръ, а другая на Донъ. Для послѣдней уже заранѣе готовили въ Воронежѣ суда. Первая армія была подъ предводительствомъ Шереметева,—во второй арміи былъ самъ царь, Гордонъ, Лефортъ, потѣшные полки, донскіе казаки и много другихъ войскъ. Царь ясно сознавалъ, что овладѣть Азовомъ и Азовскимъ моремъ безъ флота нельзя. А тѣмъ не менѣе сдѣлалъ ту самую ошибку, которую многажды и послѣ него мы, русскіе, продѣлывали до послѣднихъ дней: слишкомъ понадѣялся на себя и пренебрежительно отнесся къ турецкимъ силамъ.

Крымскіе татары были озадачены. Сразу двѣ арміи. На Днѣпръ и на Донъ... Они остановились въ Перекопѣ. Шереметевъ быстро сдѣлалъ свое дѣло. Быстро онъ овладѣлъ турецкими крѣпостями на Днѣпрѣ, разрушилъ ихъ и благополучно вернулся въ Малороссію.

Далеко не былъ такъ удаченъ походъ Петра. Да это и весьма естественно. Азовъ была сильная крѣпость на морѣ. Не имѣя морскихъ сила подъ руками, Азовомъ овла-

дѣть было нельзя. А Петръ не дождался окончанія заказанныхъ имъ воронежскихъ судовъ. Обложивъ Азовъ съ суши, Петръ хотѣлъ овладѣть имъ приступомъ. Но сдѣлать это было очень трудно. Прежде всего, турки имѣли съ моря постоянный подвозъ войска, военныхъ припасовъ и провіанта и Петръ не могъ имъ въ этомъ воспрепятствовать. Второе. Самая артиллерія Петра была далеко не въ надлежащемъ видѣ, а минеры съ младенческими познаніями. Производимые ими подкопы и мины больше перебили русскихъ, чѣмъ турокъ. Какъ всегда водилось и водится у русскихъ, интендантская часть оказалась никуда негодною. Не было пищевого довольствія, не было теплой одежды, не было обуви, не было перевозочной силы. Подрядчики фуража оказались мошенниками. А татары дѣлали свое дѣло. Разбиваемые русскими въ стычкахъ, они старались досаждать русскимъ частичными нападеніями на обозъ и опустошеніемъ окрестностей. И достигали этого съ большимъ успѣхомъ... А тутъ наступили холода, дожди, слякоть, стужа... Напрасно Петръ старался день и ночь собственнымъ примѣромъ воодушевить войско и покончить съ роемъ шмелей. Ничего не могъ сдѣлать. Только и взялъ двѣ каланчи, а Азовъ остался за непріятелемъ. Стыдно было Петру съ перваго своего похода возвращаться съ неудачею, а дѣлать было нечего. Укрѣпивъ взятыя каланчи, оставивъ тамъ достаточный гарнизонъ, соединивъ его съ землею донскихъ казаковъ постояннымъ сношеніемъ, Петръ долженъ

былъ вернуться въ Москву, при сознаніи неудачи дѣла.

Неудачи учатъ великихъ людей и служатъ почвою для великихъ удачъ. Петръ это всегда доказывалъ на дѣлѣ. Возвращаясь съ похода, Петръ отправился въ Воронежъ, дабы тамъ сдѣлать все къ успѣшнѣйшему созданію флота къ будущей веснѣ. Согнаны были туда десятки тысячъ рабочихъ, изъ Архангельска насильно выслали сюда всѣхъ имѣвшихся тамъ шкиперовъ, «ибо зимою имъ тамъ предстояло бездѣлье». Вмѣстѣ съ этимъ изъ Архангельска же приглашены были на службу всѣ имѣвшіеся тамъ иностранные матросы и офицеры. Расходы по кораблестроенію разложены были частію на государство, частію на богатыхъ частныхъ людей. Постановлено было строить патріарху, духовнымъ властямъ и монастырямъ съ 8000 дворовъ по одному кораблю,—боярамъ и служилымъ людямъ съ 10,000 дворовъ по кораблю же, городамъ изготовить 12 кораблей. Самъ царь взялся руководить дѣлами,—ближайшимъ же наблюденіемъ занимался Тиммерманнъ.

Сознавая недостатокъ въ минерахъ, инженерахъ, саперахъ и артиллеристахъ, царь обратился съ просьбою къ императору и въ Голландію выслать ему надежныхъ инженеровъ. Обѣщенія были получены и опытные люди ѣхали къ Петру.

Зимою 1696 года умеръ царь Іоаннъ. Это событіе очень огорчило Петра, но не отвлекло его отъ дѣла. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ царь съ топоромъ въ рукахъ работаетъ самолично заложенный имъ на ко-

рабельной верфи корабль. Въ маѣ уже были готовы два большіе 44 пушечные корабля, 2 галеаса, 23 галеры, 4 брандера. Все это въ маѣ же поплыло къ Азову. Теперь царь былъ вполнѣ убѣжденъ въ успѣхѣ. Азовъ былъ въ его рукахъ, — а былъ Азовъ — было и Азовское море въ рукахъ. Отсюда не далеко было перекинуть водяной путь и до Москвы, соединивъ Донъ съ Окою,—а другой путь и на Волгу, соединивъ послѣднюю каналомъ также съ Дономъ. Этими путями направятся къ Черному морю войска, военные снаряды, флотъ, а потомъ, съ Божьей помощью, и товары... Надежды царя на этотъ разъ вполнѣ оправдались. Къ 15 мая у Азова уже были Гордонъ и Лефортъ съ войсками.

Царь послалъ донскихъ казаковъ въ лодкахъ узнать о турецкомъ флотѣ. Оказалось, что турки принимали свои мѣры. У Азова стоялъ цѣлый турецкій флотъ. Казаки, однако, отъ озорства не удержались. Напали на два корабля, прорубили имъ бока и потопили.

Очень Петръ былъ радъ первому успѣху и, не выждавъ обложенія Азова съ суши, полетѣлъ сразиться на водѣ. Къ сожалѣнію, за мелководьемъ, въ море можно было выйти только въ лодкахъ. Запрятавши лодки между островами, Петръ высматривалъ, что дѣлаетъ турецкій флотъ. Оказалось, что онъ грузилъ снаряды и войско на тумбасы для перевозки ихъ въ Азовъ. Съ гикомъ вылетѣла сотня русскихъ лодокъ, напала на тумбасы, девятью изъ нихъ овладѣла,—а остальные удрали въ Азовъ.

Турецкій флотъ, состоявшій изъ 13 кораблей и 26 галеръ, такъ испугался, что пустился въ бѣгство, при чемъ двѣ галеры попали на мель у берега. Царь догналъ галеры въ морѣ, первый бросился на палубу въ бой и галеры достались царю. Другія лодки, поощряемыя примѣромъ царя, овладѣли другими судами. Разбитый турецкій флотъ бѣжалъ.

Страшно доволенъ былъ Петръ первою морскою побѣдою. Вѣдь, русскій флотъ— это было его родное любимое дѣтище. И вотъ эта забава, эта потѣха юнаго царя дала плодъ, имѣвшій міровыя послѣдствія. Первая морская побѣда дала Петру: двѣнадцать сожженныхъ и потопленныхъ галеръ, 10 большихъ соекъ, 9 тумбасовъ, — взяты въ плѣнъ янычарскій ага, 300 турокъ, не считая убитыхъ и утонувшихъ,— 70 пушекъ, 500 пикъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ и 80 боченковъ пороха. Всю эту добычу Петръ отдалъ, заслужившимъ ее, донскимъ казакамъ.

Къ этому времени изъ Воронежа подошли остальныя изготовленныя большія суда.

Принялись за осаду Азова. Хотя опытные инженеры изъ заграницы были обѣщаны и были уже въ дорогѣ, но въ нужный моментъ ихъ не было. Всѣмъ распоряжался Петръ. Онъ устанавливалъ войска, устраивалъ батареи, распоряжался обложеніемъ Азова съ моря, слѣдилъ за правильною доставкою матеріаловъ, указывалъ направленіе траншей, досматривалъ за ихъ

веденіемъ,—словомъ, все исходило изъ его головы.

Вскорѣ прибыли и заграничные инженеры. Это, дѣйствительно, оказались люди дѣльные и знающіе и принесли Петру существенную пользу. Несмотря на прошлогоднюю побѣду надъ Петромъ, за зиму укрѣпленіе Азова, несмѣтныя скопища татарской орды, пришедшей Азову на помощь,—Азовъ былъ взятъ и 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1696 г. торжественно праздновалась первая значительная побѣда Петра.

Царь писалъ въ Москву: «Нынѣ возглашу вамъ—радуйтесь и паки реку радуйтесь! Богъ благословилъ двухлѣтніе труды и кровь нашу—Азовъ покорился»!...

Азовъ объявленъ былъ русскимъ городомъ. Рядомъ съ этимъ заложена была новая русская крѣпость въ Таганрогѣ. Въ этомъ же походѣ Петръ положилъ основу морскому регламенту, который до тѣхъ поръ для Россіи не существовалъ.

На обратномъ пути въ Воронежъ Петра благословилъ святитель Митрофаній, котораго Петръ очень любилъ и пользовался взаимною любовію. Въ Москвѣ торжествамъ конца не было.

Черта, общая всѣмъ великимъ людямъ: не увлекаться успѣхами, поучаться всѣмъ, что въ немъ достойнаго, и исправляться въ недостаткахъ. Это положеніе всецѣло примѣнимо къ Петру Великому. Несомнѣнно радуясь великой побѣдѣ и молодого войска и нарождавшагося флота, Петръ видѣлъ, что все это лишь дѣтское строеніе

и для окончательнаго устройства требовалось весьма и весьма многое. Все, что было до Петра,—было достойнымъ дѣтищемъ тогдашней Россіи. Все, что началъ созидать Петръ,—было чуждо Россіи. Оно было дѣтищемъ Петра. Петръ и Россія были два очень разные элементы. Петръ это слишкомъ ясно видѣлъ. Видѣлъ онъ также и то, что всѣ его творенія останутся безпочвенными и безплодными, если они будутъ только его твореніями и не станутъ твореніями самого народа. А для того нужно было поднять умственный и нравственный уровень народа, пересоздать его и приблизить къ уровню Петра.

Приходилось браться за пересозданіе всего государства, за преобразованіе и обновленіе всего государственнаго дѣла. Подвигъ гигантскій. И Петръ его совершилъ.

Часть преобразованій пришлось произвести по собственному усмотрѣнію,—остальное нужно было заимствовать у иностранцевъ.

Вполнѣ понимая, что сила государства заключается въ его арміи, Петръ всѣми силами старался усилить армію и флотъ. Съ этою цѣлью Петръ заводилъ все новые и новые ложки и опредѣлилъ въ Воронежѣ устраивать сильный флотъ изъ 35 кораблей—въ 24—60 пушекъ, 4 брандера, 8 бомбардирныхъ лодокъ, такъ что число пушекъ и мортиръ превосходило 2,500, а число людей опредѣлялось болѣе 57,000. Весь этотъ флотъ строился на счетъ патріарха, богатѣйшихъ помѣщиковъ, купцовъ и 10 кораблей на счетъ Петра. Флотъ

устраивали подъ наблюденіемъ Апраксина. Князю Голицыну царь поручилъ вести каналъ, долженствовавшій соединить Волгу и Донъ. Заложены были и укрѣпляли крѣпости Таганрогъ и Азовъ на Азовскомъ морѣ и Кази-Кирмень на Днѣпрѣ. Въ это же время велись торговые переговоры съ Китаемъ, Персіей и послано посольство въ Индію... Богъ знаетъ какія мысли были въ головѣ у царя... Предпринимая всѣ эти полезнѣйшія и важнѣйшія дѣла, царь рѣшилъ допустить въ государствѣ неслыханную вещь — допустить свободное куреніе табаку. Еще недавно это проклятое зелье считалось чѣмъ то ужасно преступнымъ и непозволительнымъ. Царь Алексѣй и правительница Софія обращались съ табачниками, какъ съ государственными преступниками: ихъ сѣкли кнутомъ, рѣзали носъ и уши и производили другія истязанія. Петръ лично курилъ и разрѣшилъ свободную торговлю и потребленіе курительнаго и нюхательнаго табаку...

Но Великій царь задумалъ думу еще бо́льшую. Желая преобразовать и просвѣтить государство, онъ рѣшилъ послать заграницу выборныхъ людей поучиться уму разуму. Можно себѣ представить какой гвалтъ поднялся по этому поводу!.. Но это царя не устрашило и онъ прямо заявилъ въ царскомъ совѣтѣ свою царскую волю.

Очень опасно было перечить Петру, но дѣло было очень серьезное и хотя скромно и осторожно, однако ему возразили, что отправить дѣтей въ земли бусурманскія, значитъ толкнуть ихъ на ереси и принятіе

еретическихъ обычаевъ... Царь сталъ доказывать пользу образованія.

Ему отвѣчали:

— Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать морскія хитрости! Жили отцы наши безъ нихъ, проживемъ и мы!

Царь съ горячностью сталъ выяснять все зло, всѣ бѣдствія, всю пагубу невѣжества. Ему указали трудность и невозможность изучить заморскія хитрости.

— Гдѣ намъ научиться, говорите вы!... Но развѣ не такими же людьми создалъ насъ Богъ! Развѣ Онъ лишилъ насъ ума и дарованій!...

Когда же и на это возразили, то царь произнесъ ужъ что то совершенно невозможное:

— Я самъ ѣду съ вашими дѣтьми!... Я самъ покажу имъ, чему должно учиться, что должно и чего не должно перенимать!

Царь земли русской идетъ къ еретикамъ въ науку!... Святые угодники!..

Но царь, былъ царь. Что сказалъ, то и сдѣлалъ.

Самъ Петръ назначилъ юношей, каждому назначилъ что и гдѣ онъ долженъ учить, съ наказомъ по возвращеніи дать строгій отчетъ. Посылаемыхъ снабдили деньгами и рекомендательными посланіями. Первая партія отправилась въ январѣ 1697 г. Она должна была посѣтить и изучить Англію, Голландію, Германію и Италію. Въ числѣ отправленныхъ были: Куракинъ, Долгорукій, Голицынъ, Толстой, Хилковъ, Трубецкой, Оболенскій, Урусовъ, Черкасскій и др. Разумѣется не безъ горя и не безъ

слезъ отправлялись они въ дальніе края, гдѣ не бывали ихъ ни отцы, ни дѣды для мудренаго, тягостнаго, несообразнаго съ званіемъ и положеніемъ дѣла,—да и языки то иностранные едва ли кто изъ нихъ вѣдалъ... А еще болѣе тужили остающіеся дома. Не было ни одного знатнаго дома, который не повергался бы въ трауръ... Едва ли все это создавало царю сторонниковъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ рѣшилъ послать на западъ великое посольство. Оно должно было посѣтить Вѣну, Варшаву, Берлинъ, Гагу, Лондонъ, Дрезденъ и Венецію. Самъ царь отправлялся въ этомъ посольствѣ, но только подъ именемъ простого дворянина Петра Михайлова. Задача полсоьства была заключить съ государствами союзы торговые и политическіе, а также осмотрѣть все, достойное вниманія. Кромѣ того, каждому изъ членовъ посольства поручено было изучить ту или другую отрасль знанія. Предметами изученія были: науки, ремесла, искусства и художества. Предпочтеніе отдавалось полезному передъ пріятнымъ. Царь хотѣлъ сперва прямой положительной пользы, а не роскоши просвѣщенія; готовилъ онъ сперва не ученыхъ, не литераторовъ, но мастеровыхъ корабельныхъ и литейныхъ, механиковъ, лекарей, рудокоповъ, инженеровъ и архитекторовъ.

Какъ только узнали, что самъ царь отправляется въ обученіе, появилось много охотниковъ слѣдовать за нимъ, ибо этимъ создавалась карьера... Первыми бросились

давнишніе друзья царя—потешные. Болѣе всѣхъ порадовалъ царя почтенный бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, который, несмотря на свои лѣта и положеніе, просилъ царя позволить ему на время сложить свои высокіе чины и уѣхать заграницу учиться военной наукѣ. Во главѣ посольства стояли Лефортъ, Головинъ и Возницинъ. Свита была большая и блестящая. Царь не щадилъ расходовъ. При Петрѣ были Меньшиковъ, сынъ имеретинскаго царя Арчила, племянникъ Лефорта, дѣти князей и бояръ, а рядомъ съ ними и дѣти простыхъ дворянъ.

Управленіе государствомъ поручалось государственному совѣту, состоявшему изъ Нарышкина, Прозоровскаго, Голицына и Стрѣшнева. Главнокомандующимъ всѣхъ войскъ былъ назначенъ Шеинъ,—Гордонъ его помощникомъ. На гетмана Мазепу возлагалась обязанность хранить Малороссію и сдерживать крымскихъ татаръ. Все было готово къ отъѣзду. Простая мелочь едва не рушила всѣ планы. Стрѣльцы Циклеръ, Соковнинъ и Пушкинъ составили заговоръ убить Петра. Находясь на прощальномъ вечерѣ у Лефорта, царь узналъ о заговорѣ и о томъ, что заговорщики собрались въ квартирѣ Соковнина. Ни слова никому не говоря, Петръ отправляется въ логовище заговорщиковъ, собственноручно съ ними расправляется, велитъ арестовать и предать казни.

Стрѣльцы, видимо, не могли успокоиться. Они являлись защитниками старыхъ предразсудковъ, стараго невѣжества и стараго

порядка,—а, слѣдовательно, противниками всего того, что вводилъ Петръ, а равно и противниками самому Петру. Оставлять стрѣльцовъ у Москвы, да еще въ отсутствіе изъ государства царя—было невозможно. Стрѣлецкіе полки были совершенно преобразованы,—стрѣльцы съ ихъ женами и семьями были разосланы по городамъ. Въ Москвѣ ихъ замѣнили регулярные полки. Горестно разставались стрѣльцы съ Москвою, озлобленные—они понесли въ своихъ сердцахъ сѣмена возмущенія на окраины. Еще не разъ пришлось гидрѣ рубить голову...

9-го марта 1697 г. царь выѣхалъ за границу.

VII.

Первый городъ, лежавшій на пути царскаго посольства, былъ Рига, находившійся тогда во владычествѣ Швеціи. Несмотря на то, что генералъ-губернатору было извѣстно, что въ числѣ членовъ посольства находится самъ царь, посольство принято было очень не любезно, содержалось скудно, осмотръ крѣпости былъ не позволенъ, а когда Петръ хотѣлъ обойти ее, то въ него хотѣли стрѣлять. Все это крайне возмутило Петра и онъ впередъ предрѣшилъ осмотрѣть эту крѣпость силою. Впослѣдствіи неприличный пріемъ, оказанный въ Ригѣ царскому посольству, послужилъ поводомъ объявленія войны со Швеціей. Отсюда посольство направилось въ Курляндію и было принято очень радушно. При пріятномъ времяпрепровожденіи, царь и курфюрстъ

заключили дружескій и торговый трактатъ. Царь былъ крайне любопытенъ и старался ничего не пропустить, чтобы не осмотрѣть. Однажды во время прогулки, онъ увидѣлъ на дамѣ маленькіе эмалевые часы. Это его крайне заинтересовало. Онъ остановилъ даму, снялъ часы, осмотрѣлъ, извинился и съ благодарностью возвратилъ.

Когда хотѣлъ, Петръ могъ быть даже вѣжливымъ дамскимъ кавалеромъ. Ему понравилась жена курфюрста, Софія Шарлота. Однажды курфюрстъ спросилъ Петра: что ему больше всего здѣсь понравилось?

— Можете ли вы спрашивать меня, если ваша супруга находится передъ глазами?!

Этотъ отвѣтъ царя-молодца едва ли могъ понравиться довольно мизерненькому курфюрсту.

Въ Пруссіи Петръ осмотрѣлъ крѣпости. Въ Берлинѣ бралъ уроки у лучшихъ артилеристовъ и требовалъ себѣ строгаго экзамена и аттестата. По дорогѣ осматривалъ желѣзные заводы.

На пути въ Голландію Петру готовился сюрпризъ. Въ Коппенбригге его неожиданно пріѣхала встрѣтить курфирстина Софія-Шарлота съ дочерью и пригласила на ужинъ. Петръ долго отказывался, затѣмъ прибылъ и очень весело провелъ время. Между прочимъ, Софія-Шарлота пропѣла по просьбѣ Петра, итальянскую арію и спросила его: «любитъ ли онъ музыку?»

— Какъ не любить, когда вы поете, а впрочемъ, я не охотникъ до нея. Моя забава фейерверки и кромѣ того, я знаю

четырнадцать другихъ ремеслъ и все работаю самъ.

— Сами!

— Да, посмотрите на мои руки,—съ нихъ не сходятъ мозоли.

По пути въ Голландію царь покинулъ свое посольство и поспѣшилъ въ Амстердамъ, а оттуда въ Сардамъ, чтобы поскорѣе заняться излюбленнымъ кораблестроеніемъ. Тамъ онъ встрѣтилъ своего пріятеля по Переяславскому озеру плотника Киста и остановился у него на квартирѣ. Вмѣстѣ съ немногими своими спутниками царь обѣдалъ въ трактирѣ и велъ себя крайне просто. Онъ купилъ себѣ топоръ, пилу, инструменты и записался работникомъ на верфи мастера Роле, куда ежедневно исправно отправлялся на работу и работалъ усерднѣе другихъ.

Въ свободную минуту онъ забѣгалъ въ трактиръ и вмѣстѣ съ другими сардамскими рабочими выпивалъ кружку пива.

— Кто вы такіе? спрашивали его.

— Мы русскіе плотники и пріѣхали сюда учиться.

Память о плотникѣ царѣ останется на вѣчныя времена у сардамцевъ. Вспоминаютъ, какъ онъ отличался искусствомъ между всѣми плотниками и мастерами и получилъ за то званіе баса или мастера,—какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, на маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Царь самъ носилъ дрова на кухню, топилъ печку и стряпалъ кушанье.

Однажды онъ вошелъ въ домъ плотника въ грязныхъ башмакахъ. Сварливая

чистунья хозяйка остановила его. Петръ снялъ башмаки и тихо остался въ чулкахъ.

Царь посѣтилъ мать одного бывшаго своего мастера и запросто обѣдалъ съ нею. Другой разъ онъ завтракалъ у жены другого мастера.

— Почемъ ты знаешь моего мужа?

— Мы работали вмѣстѣ съ нимъ у московскаго царя.

— Но кто же ты самъ?

— Я плотникъ.

Видимо скромная внѣшность не могла прикрыть мощной по природѣ натуры Петра.

Идя однажды по улицѣ, Петръ толкнулъ не давшаго ему дороги мальчишку, за что получилъ отъ него въ физіономію гнилое яблоко.

— Виноватъ, я все думаю, что я еще въ Москвѣ,—сказалъ царь.

Царь купилъ себѣ ботъ и яхту и въ свободныя минуты разъѣзжалъ по морю.

Вскорѣ въ Амстердамѣ узнали, что въ Сардамѣ работаетъ русскій царь въ качествѣ простого корабельнаго плотника. Масса народа бросилась смотрѣть на диво. Это крайне озлило царя. Онъ бросилъ Сардамъ и переѣхалъ въ Амстердамъ. На пути одному ужъ слишкомъ любопытному царь закатилъ на память хорошую плюху.

Сардамскій домикъ Петра хранится, какъ святыня. Его посѣтили Наполеонъ I, императоръ Іосифъ, Густавъ III и потомки Петра императоры Павелъ, Николай и Александръ.

Въ Амстердамѣ Петръ вновь началъ ра-

ботать на корабельной верфи и имѣлъ полное право писать: «Слѣдуя слову Божію, сказанному праотцу нашему Адаму, трудимся въ потѣ лица, *видитъ Богъ, не изъ нужды, но желая блага, дабы искуситься въ наукѣ и быть полезнымъ отечеству*».

Однако прожившіи почти полъ года въ Голландіи, царь занимался не однимъ только корабельнымъ мастерствомъ.

Все интересовало его, отъ великихъ политическихъ дѣлъ до сученія веревокъ и отъ знакомства съ государями и министрами до соленія рыбы и варенія смолы.

Въ Гаагѣ русскіе послы впервые участвовали въ общеевропейской конференціи и это было очень пріятно Петру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ велъ знакомство и бесѣды и слушалъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ, напр., анатома Рюйша и поддерживалъ дружбу съ знаменитымъ Боэргавомъ. Онъ бралъ уроки математики у Гартцокера. Это не мѣшало ему изучать флотъ, обозрѣвать магазины остъ-индской компаніи, корабельные доки, китоловныя суда, анатомическій театръ, кабинетъ рѣдкостей природы и знакомиться съ микроскопомъ. Въ то же время онъ чертилъ планы съ знаменитымъ Кугорномъ, исчислялъ пропорціи кораблей съ Сило, обозрѣвалъ больницы, воспитательные дома, церкви различныхъ исповѣданій, заключалъ договоры на литье пушекъ и выдѣлку ружей, нанималъ матросовъ, офицеровъ, мастеровъ и исправлялъ карты Россіи. Все имъ видѣнное записывалось въ записную книгу, всему снята была мѣра, взяты рисунки и модели. Всѣ при-

сланные въ ученіе русскіе постоянно двлали Петру отчетъ въ своихъ занятіяхъ и сдѣланныхъ успѣхахъ. Такъ, Меньшиковъ работалъ на верфи, Имеретинскій по артилерійской части, двое князей Шаховскихъ отправились на корабляхъ, одинъ въ Суринамъ, другой въ Батавію. Были русскіе, которые учились мачтовому дѣлу, блочному, строенію мельницъ, парусному, приготовленію канатовъ и снастей и т. д. Самъ царь бралъ уроки у зубодерга, ковалъ съ кузнецами, мялъ кожи съ кожевниками, ткалъ съ ткачами. Ему нужно было знать все. Однажды онъ увидѣлъ ловкаго фокусника. Фокусы очень понравились Петру. Онъ захотѣлъ ихъ знать и за обученіе заплатилъ большія деньги.

Находя шрифтъ церковнаго алфавита для русской грамотности слишкомъ мудренымъ, Петръ лично составилъ образцы, нынѣ существующаго, гражданскаго алфавита и далъ его изготовить амстердамскому типографу Тессингу. Тессингъ же получилъ привиллегію торговать книгами въ Россіи.

Скоро корабль, на которомъ работалъ Петръ, былъ законченъ. Голландское правительство, желая доставить удовольствіе, принесло его царю въ даръ. Царь пришелъ въ восторгъ. Онъ назвалъ его кораблемъ апостоловъ Петра и Павла. Посадивъ на него 640 человѣкъ, нанятыхъ въ Голландіи мастеровъ и опытныхъ людей, нагрузилъ закупленными здѣсь товарами и отправилъ въ Архангельскъ.

Радушно простившись и богато ода-

ривъ своихъ учителей, Петръ отправился въ Англію. Тамъ онъ надѣялся изучить въ совершенствѣ искусство строенія военныхъ кораблей. Въ Англіи царь провелъ въ работѣ четыре мѣсяца. Главнымъ мѣстомъ его работъ была корабельная верфь,—но и другія мѣста важныя и интересныя были имъ осмотрѣны. Онъ посѣтилъ англійскій парламентъ, монетный дворъ, Виндзоръ, Гринвичъ, Оксфордскій университетъ, Вульвичскій морской арсеналъ и проч. Особенное удовольствіе царю доставили морскіе маневры. При громѣ пушекъ изъ гавани выступило нѣсколько линейныхъ кораблей и множество мелкихъ судовъ. Петръ находился на адмиральскомъ кораблѣ, командовавшемъ эскадрою. Царь былъ въ восторгѣ отъ движеній и пріемовъ при морскомъ сраженіи ивъ восхищеніи воскликнулъ:

«Если бы я не былъ русскимъ царемъ, то желалъ бы быть англійскимъ адмираломъ». Царь осматривалъ также заводы, фабрики и мастерскія, закупилъ множество нужныхъ предметовъ и нанялъ 300 мастеровъ и художниковъ, инженеровъ и ученыхъ. Англичанъ поражали простота жизни царя и свобода обращенія съ окружающими. Съ переводчикомъ онъ всюду ходилъ одинъ и все осматривалъ лично. О Гринвичѣ онъ отозвался такъ: «въ немъ хорошо особенно то, что дворецъ вашъ походитъ на госпиталь, а госпиталь на дворецъ».

Англія царю особенно понравилась. Онъ назвалъ ее прекраснѣйшею и счастливѣйшею изъ всѣхъ имъ видѣнныхъ странъ.

Съ королемъ Петръ сталъ въ великую дружбу, на прощанье получилъ отъ него въ подарокъ дивную яхту и остался на всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Изъ Англіи Петръ отправился черезъ Амстердамъ и другія дорогія ему мѣста, съ которыми радушно простился, на Вѣну. Несмотря на полнѣйшее инкогнито царя и искреннее нежеланіе его всякихъ пріемовъ, лично къ нему направленныхъ, по вступленіи его въ Саксонію, ему оказано было самое живое участіе и радушное отношеніе. Всюду его сопровождали торжественныя встрѣчи, пріемы, обѣды, пушечная пальба и проч. Царь внимательно осматривалъ университеты, крѣпости, картинныя галлереи, собранія рѣдкостей и проч.

Иныя отношенія были проявлены въ Вѣнѣ. Здѣсь на всемъ пути только и толковъ было, что о соблюденіи этикета. Австрійскіе придворные были помѣшаны на этикетѣ, причемъ старались всюду унизить положеніе русскихъ пословъ. Петръ, пренебрегавшій всякими формальностями лично для себя, былъ очень чувствителенъ по отношенію къ своему посольству. Поэтому всѣ попытки австрійскихъ царедворцевъ принижать русское посольство онъ разрѣшилъ одной фразой:

— Хорошо, соглашаюсь на все—пусть принимаютъ насъ здѣсь какъ имъ угодно,— но за то и мы ихъ примемъ также въ Москвѣ...

Здѣсь также царь проводилъ время въ изученіи всего важнаго и всего интереснаго.

Онъ ѣздилъ въ Венгрію и былъ на минеральныхъ водахъ въ Баденѣ.

Отсюда царь хотѣлъ направиться въ Венецію, быть можетъ, даже въ Парижъ,— но въ то время стрѣльцы опять поднялись. У гидры выросла новая голова. Петръ направился въ Москву, на пути посѣтивъ Варшаву.

VIII.

Послѣ послѣдней вспышки въ средѣ стрѣльцовъ, всѣ ихъ полки были высланы по окраинамъ, лишены не заслуженныхъ льготъ, несли должную, но не легкую военную службу и, разумѣется, очень недовольны были своимъ положеніемъ. Имъ снились прежнія, давно минувшія, вольности, имъ снилось бездѣлье, имъ снились прежнія доходныя торговыя статьи, а, главное, своеволіе. Все это было и быльемъ поросло. А все это надѣлалъ молодой царь съ своими нѣмцами. Ему обязаны были стрѣльцы своимъ теперешнимъ тяжелымъ положеніемъ. Отъ него одного произошли эти бѣды. А теперь и самъ онъ ушелъ изъ русской земли. Сказываютъ, и вѣру промѣнялъ онъ. Сблизился съ еретиками, самъ еретикомъ сталъ и своихъ подданныхъ хочетъ обратить въ еретическую вѣру. Хочетъ образа Божія лишить людей. Хочетъ бороды брить, кафтаны рѣзать. Дѣвокъ и бабъ въ компанію пускать. Совсѣмъ послѣднія времена наступаютъ. Да сказываютъ, что и его тамъ уходили. Онъ умеръ и теперь все на Руси безъ начала. Одна, свѣтъ,

Софья Алексѣевна надежда и спасеніе. Она стоитъ за старую вѣру и за незыблимые старые нравы и обычаи Россіи. Ее теперь нужно посадить на царскую дѣржаву, — а тамъ она не забудетъ и горемычныхъ стрѣльцовъ.

И вотъ четыре стрѣлецкихъ полка, стоявшихъ на литовской границѣ, смѣнили своихъ полковниковъ, замѣнили ихъ новыми и двинулись военнымъ строемъ на Москву. А за этими готовы были двинуться и другіе стрѣлецкіе полки, бывшіе подъ Азовомъ, въ Малороссіи, въ Сибири и т. д. Смутились правители и не знали, что дѣлать. Напрасно Гордонъ совѣтовалъ немедленно двинуть войска противъ бунтовщиковъ. Только князь Борисъ Голицынъ поддержалъ его и войска были двинуты: 2000 преображенцевъ и 8000 сборнаго войска. Бунтующихъ собралось болѣе 20,000. При встрѣчѣ сторонъ послѣ перваго же натиска регулярныхъ войскъ бунтовщики бѣжали. Оставалось ловить и расправляться.

Бунтовщиковъ судили и зачинщиковъ немедленно казнили, — менѣе виновныхъ сослали въ отдаленныя мѣста. Но при слѣдствіи выяснилось, что въ мятежѣ принимали участіе такія лица, которыя стояли выше власти временнаго правительства,— это именно царевна Софія, царица, супруга Петра, Евдокія и царевна Марѳа Алексѣевна.

Правители рѣшили увѣдомить о всемъ царя и звать его назадъ въ Россію. Жестоко озлобился царь, узнавъ подробности мятежа. Долженъ онъ былъ бросить не

оконченнымъ начатое дѣло и ѣхать назадъ. Но, возвращаясь въ Россію, Петръ твердо рѣшилъ уничтожить послѣднюю главу гидры и самый прахъ ея разсѣять. На пути онъ заѣхалъ въ Польшу, видался съ короремъ Августомъ, очаровалъ польское общество и затѣмъ спѣшно прибылъ въ Москву. Страшно былъ недоволенъ царь оставленными правителями. Вызвали сосланныхъ стрѣльцовъ, учинили новый судъ и казнили еще очень многихъ стрѣльцовъ. Всегда обходительный, доступный, простой и привѣтливый, царь могъ быть жестокимъ и даже свирѣпымъ, какимъ онъ и оказался на этотъ разъ по отношенію къ стрѣльцамъ.

Не оставилъ онъ безъ суда и высшихъ лицъ, смущавшихъ невѣжественную и безшабашную массу. Къ царевнѣ Софіи онъ явился въ монастырь и пожелалъ только сдѣлать выговоръ. Но царевна такъ умно, такъ ловко, такъ ѣдко и больно стала укорять Петра, что привела его въ такое неистовство, что онъ выхватилъ мечъ.

— Государь, воскликнулъ присутствовавшій при этомъ Лефортъ, вспомни, она твоя сестра!

Петръ успокоился и вышелъ.

— Какъ она умна и какое у нея злое сердце, сказалъ Петръ, выходя изъ монастыря.

Да, она была достойна своего брата во всѣхъ отношеніяхъ, только она была женщина.

По требованію Петра, Софія отреклась отъ міра сего и приняла иноческій чинъ 21 октября 1698 г. подъ именемъ Сусан-

ны. Царица Евдокія также поступила въ монастырь подъ именемъ Елены,—а царевна Марфа приняла иноческій чинъ подъ именемъ Маргариты. — Стрѣлецкіе полки всѣ до одного были раскассированы. Бывшіе въ нихъ люди отданы въ новые полки и самое имя стрѣльцовъ было уничтожено.

А между тѣмъ возмутители невѣжественныхъ сердецъ были совершенно правы, распуская слухи, что царь Петръ намѣренъ коснуться самыхъ дорогихъ, самыхъ священныхъ проявленій русской національной жизни. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію онъ издалъ указъ о снятіи бороды и замѣнѣ длиннополаго костюма короткими нѣмецкими кафтанами... Бороды позволялось носить только духовенству и простому люду...

А какъ трудно было Петру бороться съ бородою, это доказывается тѣмъ, что самъ патріархъ Адріанъ писалъ еще недавно слѣдующее посланіе: «Воины всякаго чина, начальствующіе и начальствуемые. Отриньте отъ себя еретическій обычай брить и подстригать бороды. *Богъ возбранилъ* то, и святые апостолы воспретили, глаголя: не подобаетъ брады власовъ растлѣвати и образъ мужа измѣнятп: сіе бо женамъ лѣпо сотвори Богъ... Самъ Христосъ былъ съ бородою. Подобно ему, святые апостолы, великіе пророки, преподобные отцы, благочестивые царп, Константинъ Великій, Ѳеодосій Великій, Владиміръ Великій, всѣ имѣли бороду, хранили ее, какъ Богомъ дарованное украшеніе, съ нею до сихъ поръ видимы на иконномъ писаніи и всѣ, при общемъ воскресеніи, возстанутъ какъ соз-

далъ ихъ Господь, О пребеззаконники! Неужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не человѣки, а коты и псы»... Много, много ужаснаго по сему поводу наговорилъ патріархъ. И, тѣмъ не менѣе, это не удержало Петра. Онъ сдѣлалъ свое.

Въ самомъ дѣлѣ, что ему было въ бородѣ, или въ длинноломъ платьѣ? Неужели Петръ не зналъ, что и между бородатыми людьми бываетъ очень много людей умныхъ, честныхъ и дѣятельныхъ, — а между бритыми—дураковъ, мошенниковъ и бездѣльниковъ... Неужели обритіе бороды могло невѣждъ сдѣлать просвѣщенными, а дураковъ умными?.. Неужели короткіе сюртуки могутъ измѣнить умъ и душу людей!.. Все это геніальный умъ Петра ясно видѣлъ и понималъ,—но понималъ онъ и то, что борода и длиннополое платье—есть китайская стѣна, отдѣляющая чистое отъ нечистаго, дѣльное отъ бездѣльнаго, вѣжественное отъ невѣжественнаго. Борода и кафтанъ тѣ латы, за которыми скрывалась старая невѣжественная Россія отъ цивилизованнаго Запада.

Уничтожая бороду и кафтаны, царь разрушалъ преграду между людьми двухъ лагерей, ставилъ въ возможность взаимоотношенія, обмѣна мыслей и позаимствованій.

Не русскій элементъ хотѣлъ этимъ уничтожить Петръ, а невѣжество. Если бы знаніе и цивилизація Европы принадлежали русскимъ, а въ Европѣ царилъ мракъ невѣжества, то можно быть глубоко убѣжденнымъ, что Петръ и не подумалъ бы на-

сильственно рѣзать бороды и замѣнять кафтаны. Отчего Петръ не вводилъ въ Россіи костюма Персіи, Турціи, Грузіи и т. д.? Потому, что эти народы были болѣе невѣжественны, чѣмъ русскіе. Петръ вполнѣ понималъ, что измѣненіе внѣшности не мѣняетъ внутренняго содержанія,—но за то оно уничтожаетъ преграды для взаимныхъ сношеній людей между собою и снимаетъ тѣ священныя внѣшнія проявленія, коими русскіе кичились передъ нѣмцами и въ силу коихъ они считали себя болѣе достойными, болѣе благородными и болѣе чистыми. Совершенно тоже, что нынѣ въ Китаѣ...

Какъ бы тамъ ни было, а Петръ сказалъ: «быть посему» и совершилось. Можно себѣ представить, сколько недовольныхъ этими пріемами онъ создалъ себѣ? Только всю Россію, ибо въ нѣмецкое платье онъ заставилъ одѣться не только мужчинъ, но и женщинъ... И тѣмъ не менѣе Петръ не убоялся этого и настоялъ на своемъ.

Скоро, однако, царь допустилъ изъятія изъ запрещенія носить бороду, но при наложеніи очень большой пени. Для этого тѣмъ, кому разрѣшалось ношеніе бороды, выдавалась особо установленная бляха: мѣдная пластинка съ изображеніемъ на одной сторонѣ усовъ и бороды,—а на другой «деньги взяты». Такой знакъ выдавался ежегодно и стоилъ гостямъ и гостинной сотнѣ 100 руб. въ годъ, царедворцамъ, людямъ дворовымъ, городовымъ, приказнымъ и служилымъ и торговой статьѣ—60 руб.,—посадскимъ, людямъ боярскимъ и т. д. 30 р.

Наложеніемъ этой пени Петръ собиралъ очень большую сумму денегъ и значительно обогащалъ государственное казначейство.

Кромѣ того, такимъ пріемомъ борода лишалась своего священнаго и исключительнаго національнаго значенія и являлась у носящихъ предметомъ роскоши...

Отчего же Петру было и не воспользоваться налогомъ на предметъ роскоши!

Царь былъ искренній противникъ роскоши. Примѣръ сдержанности въ тратѣ онъ подавалъ лично: онъ сократилъ множество расходовъ по своему двору и уничтожилъ толпу безполезныхъ царедворцевъ, то передавъ ихъ въ военную службу, то отправивъ заграницу въ ученіе. До отъѣзда царя заграницу на содержаніе двора его, царевича Алексѣя, тетки, сестеръ, невѣстки и племянницъ отпускалось 55 т. руб.,—а по пріѣздѣ онъ приказалъ отпускать только 35 т. р.

Вмѣстѣ съ этимъ царь сокращалъ штатъ придворныхъ служащихъ. Цѣлые полки дворцовыхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворецкихъ, портныхъ, стремянныхъ, псарей, ключниковъ, серебрянниковъ, сапожниковъ, шатерничихъ, ясельничихъ, чашниковъ, чарошниковъ были упразднены и замѣнены немногими чиновниками и адъютантами и немногими также деньщиками и слугами. А какіе были расходы на царскій столъ—видно изъ слѣдующаго: на царскихъ конюшняхъ содержалось болѣе 3000 лучшихъ лошадей и 40000 лошадей рабочихъ,—конюшенныхъ царскихъ прислужниковъ было до 600, конныхъ до 300, погребныхъ до 300. Каждый день съ царской кухни отпуска-

лось 3000 блюдъ кушанья,—на царскій дворъ привозили ежегодно 20000 берковцевъ рыбы изъ Архангельска, кромѣ того 400 бочекъ рыбы изъ Новгорода... Хлѣбнаго вина выпивалось 120000 ведеръ, а пива и меда вдвое болѣе.

Уничтоживъ стражу и разогнавъ прислужниковъ, царь позволялъ каждому приходить во дворецъ и подавать ему лично просьбы, гдѣ бы его ни встрѣтили. Самъ онъ лично читалъ прошенія, самъ писалъ указы и бумаги. Даже пословъ Петръ не рѣдко принималъ не во дворцѣ, а на работахъ. Пышные царскіе обѣды были замѣнены самыми простыми и скромными. Къ обѣду царь приглашалъ гостей безъ различія положенія,—равно и самъ не рѣдко посѣщалъ не только чиновныхъ людей, но и купцовъ и посадскихъ. Иногда онъ крестилъ дѣтей у ремесленниковъ, обѣдалъ съ простымъ мужикомъ, заходилъ выпить рюмку водки къ дьячку, или къ своему любимому солдату. Петръ строжайше запретилъ унижать человѣческое достоинство подачею прошеній, стоя на колѣняхъ, а равно и писаться на прошеніяхъ уменьшительными именами—Ѳедька, Филька, и Ивашка и пр. Уничтожая тяжелое великолѣпіе, самъ Петръ требовалъ того же и отъ своихъ вельможъ. По царскому велѣнію стали исчезать цѣлые полки боярскихъ холопей и золото и драгоцѣнные каменья на ихъ платьѣ.

Въ судебныхъ и другихъ дѣловыхъ перепискахъ введена была гербовая бумага, которая, съ одной стороны, приносила доходъ казнѣ, а съ другой удерживала мно-

гихъ отъ излишняго бумагомаранія. Вмѣстѣ съ этимъ царь приказалъ собрать всѣ указы, рѣшенія и статьи приказныя, дополнить ими «Уложеніе» царя Алексѣя Михаиловича, привести ихъ въ порядокъ, издать для руководства судей и народа, напечатавъ его, дабы всѣ знали его и невѣдѣніемъ закона не отказывались. Для рѣшенія дѣлъ по торговлѣ и завѣдыванія городскими сборами учредилъ онъ ратуши и магистраты. Купцы были объявлены подсудными бургомистрамъ и судьямъ. Для ознакомленія съ тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, царь приказалъ печатать и издавать вѣдомости или газеты. По приказанію царя, составлялись географическія карты Дона, Азовскаго моря и Сибири. Въ Сибири разыскали золото и приступили къ его добыванію, причемъ была допущена полная свобода промысла, вмѣстѣ съ этимъ посланъ былъ первый торговый караванъ въ Китай. По пріѣздѣ приглашеннаго царемъ математика Фархватсона, царь учредилъ училище Навигатерское и помѣстилъ его въ Сухаревой башнѣ. Видя въ Сухаревой башнѣ глобусы, различныя трубы, циркули и другія орудія, народъ думалъ, что въ Сухаревой башнѣ занимаются колдовствомъ и проклятымъ чернокнижіемъ.—Въ это же время начали чеканить мелкую монету изъ мѣди. Выписаны были актеры и открытъ былъ театръ, причемъ царь посѣщалъ его самъ и заставлялъ посѣщать другихъ.—Для поощренія за отличія служебныя и другія государственныя услуги былъ учрежденъ орденъ Св. Андрея. Первыми кавалерами были Ѳ. Головинъ, Ле-

фортъ и малороссійскій гетманъ Мазепа, послѣдній «за многія въ воинскихъ трудахъ, знатныя, усерднорадѣтельныя и вѣрныя въ теченіе тринадцати лѣтъ противъ султана турецкаго и хана крымскаго службы».

Новый годъ 1700 г. стали праздновать не съ 1 сентября, а съ 1 января, подобно тому, какъ это дѣлалось въ другихъ европейскихъ странахъ.

Но особенно рѣзкія перемѣны произведены были въ военномъ вѣдомствѣ. Царь опредѣлилъ набирать войска изъ помѣщичьихъ, духовныхъ и казенныхъ крестьянъ, при чемъ они вступали на службу на опредѣленный срокъ и по окончаніи оной уже не возвращались въ крестьянское сословіе, а оставались свободными. Такъ составлялось постоянное и въ опредѣленномъ числѣ войско. Войску дана была опредѣленная форма, соотвѣтственно роду его службы. Всѣ помѣщики должны были лично поступать въ военную службу, на право владѣнія землями требовалось служить непрерывно на службѣ и служить всю жизнь, пока позволятъ силы и здоровье. Для точнаго же вѣдѣнія была произведена строгая перепись помѣстій и съ укрывающихся отъ службы дѣлалось строгое взысканіе.

Нужно правду сказать, что уже не многолѣтніе труды Петра стали увѣнчиваться успѣхомъ. Опытъ показалъ, что многіе выписанные изъ за границы офицеры не умѣли взять ружья въ руки, — почему ихъ пришлось выгнать вонъ и выслать изъ Россіи. За то многіе русскіе офицеры оказались людьми способными и очень пригод-

ными къ военной службѣ. Видя успѣхи, царь съ удовольствіемъ не разъ говаривалъ: «Къ чему мнѣ тратить деньги на иноземцевъ, когда мои подданные съумѣютъ то же самое сдѣлать, что и они»?

Рядомъ съ этимъ Петръ заботился и объ образованіи духовенства. «Становятся у насъ священники малограмотные, святыхъ молитвъ не разумѣющіе, говорилъ онъ патріарху,—надобно ихъ учить, чтобы они могли вразумлять православный народъ въ истинахъ христіанскихъ и просвѣщать иновѣрцевъ... Для того хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ въ тамошнія школы для обученія».

Находясь еще заграницей, Петръ заключилъ тайный союзъ съ королями датскимъ и польскимъ на войну съ Швеціей. Но прежде чѣмъ начать войну съ Швеціей, Петру нужно было покончить съ Турціей. Послѣ второго Азовскаго похода, особенно значительныхъ военныхъ дѣйствій съ Турціей не было; но не было и мира. Русскія войска стояли у Азова и воевали по временамъ съ крымцами,—но съ Турціей обстояло все спокойно. Поэтому, Петру нужно было заключить съ Турціей миръ, но миръ почетный и выгодный. Русскіе послы первый разъ принимали участіе въ конференціи по поводу заключенія мира съ Турціей германскимъ императоромъ, Венеціей и Польшей,—но Россія не могла остаться довольною результатами этой конференціи. Приходилось посылать въ Константинополь новаго посла. Но чтобы при этомъ получились желанныя условія мира, нужно бы-

ло показать султану, что Россія готова къ войнѣ. Поэтому Петръ немедленно, по исполненіи важнѣйшихъ дѣлъ по внутреннему благоустройству страны, отправился въ Воронежъ для осмотра флота и усиленія его новыми судами и пушками.

Устроивъ флотъ, царь захотѣлъ показать Турціи, что Россія сила не только на сушѣ, но и на морѣ,—что у нея есть флотъ и флотъ этотъ съумѣетъ постоять за себя. Однако до сихъ поръ этотъ флотъ плавалъ по Дону, да по части Азовскаго моря. Царь захотѣлъ, чтобы его посолъ прибылъ въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ и остановился у стѣнъ столицы султана съ надлежащимъ пушечнымъ салютомъ. Для пущей-же важности и силы онъ захотѣлъ проводить свой посольскій корабль всѣмъ флотомъ до Керчи, дабы турки видѣли, что русскій флотъ не мифъ и не шутка.

Посломъ въ Константинополь былъ назначенъ Украинцевъ. Онъ отправился на военномъ кораблѣ «Крѣпость» въ сопровожденіи всего остальнаго флота подъ надзоромъ самого царя. Прибывъ въ Керчь, весь флотъ остановился передъ городомъ и салютовалъ изъ пушекъ. Это былъ первый салютъ въ морѣ русскихъ военныхъ кораблей.

Турки всполошились не на шутку. Прежде всего русскій военный флотъ былъ невиданное дѣло,—во вторыхъ, онъ былъ не шуточный,—наконецъ, какъ съ нимъ быть и какъ обращаться... Съ одной стороны, сила, а съ другой—какъ посмотритъ пове-

литель правовѣрныхъ... Бѣда, да и только.

Явился Украинцевъ къ Муртазъ-пашѣ и заявилъ ему, что онъ ѣдетъ посломъ отъ русскаго царя къ турецкому султану. А намѣренъ онъ ѣхать моремъ, почему и проситъ пашу отрядить ему провожатыхъ, какъ то подобаетъ царскому послу. Остальной-же флотъ прибылъ привѣтствовать пашу...

Только этого не доставало. Моремъ... Къ самому султану... Аллахъ, Аллахъ!.. Голова-то одна, а какъ скоро можетъ снести ее падишахъ...

И началъ паша стращать посла. И море Черное не проходимо,—и оно страшно бурное,—и пути его неизвѣстны, — и русскій корабль не выдержитъ... Однимъ словомъ наговорилъ такихъ страховъ, что хоть ложись и умирай... А вотъ сухимъ путемъ,— это можно. Паша дастъ провожатыхъ, снабдитъ всѣмъ необходимымъ и съ полнымъ почетомъ посла домчатъ къ падишаху въ нѣсколько сутокъ.

Но Украинцевъ стоялъ на своемъ. Русскій царь приказалъ ему отбыть и пріѣхать моремъ и онъ это исполнитъ, а дастъ ли паша почетныхъ провожатыхъ, или не дастъ, это ему, послу, все равно,—онъ и самъ дорогу въ Константинополь найдетъ!..

Ну, что ты подѣлаешь съ этимъ собакой невѣрнымъ... Наконецъ, паша соглашается; но такъ какъ погода дурная и русскому кораблю будетъ не бесопасно, а паша отвѣчаетъ за цѣнность царскаго посла, то паша предлагаетъ привести русскій корабль канатами на галерахъ.

— Канатами!... Да никогда я не допущу, чтобы корабль Его Величества вести на канатахъ...

Видя рѣшимость русскаго посла выйти въ Черное море безъ провожатыхъ, паша отряжаетъ въ сопровожденіе четыре турецкіе корабля.

И вотъ русскій военный корабль въ Черномъ морѣ. То была первая ласточка, которая скоро принесла и весну русскому флоту на Черномъ морѣ.

3-го сентября 1699 года Украинцевъ былъ подъ стѣнами Стамбула. На глазахъ у всѣхъ впервые развивался русскій флагъ и русскій военный корабль салютовалъ столицѣ правовѣрныхъ. Салютъ былъ отданъ.

Турки были страшно поражены прибытіемъ русскаго военнаго корабля. Они пребывали въ ложномъ убѣжденіи, что у русскихъ флота нѣтъ и быть не можетъ, въ виду того, что на Дону могутъ строиться только плоскодонныя суда.

Еще больше поразило падишаха и турокъ, когда они узнали, что это далеко не единственный военный корабль, а ихъ много и всѣ вооружены очень обстоятельно, что свидѣтельствовалъ и сопровождавшій посла Гуссейнъ-паша.

Вотъ такъ штука...

Начались переговоры. Русскіе запросили немного. Они потребовали оставленія за собою всего того, чѣмъ владѣли, съ прибавленіемъ свободнаго плаванія по Черному морю и т. д. Долго, долго пришлось русскому послу бороться съ турецкою посольскою волокитою. Наконецъ, споръ былъ за-

ключенъ. Султанъ отказался отъ обладанія Азовомъ, дозволилъ русскимъ торговлю на Черномъ морѣ, обѣщалъ безопасность русскимъ странникамъ въ Іерусалимѣ, а также запрещеніе крымскимъ татарамъ дѣлать набѣги на Россію и крѣпкое сохраненіе дружбы. Нужно сказать правду, такой, необыкновено благопріятный для Россіи, миръ могъ быть достигнутъ только благодаря геніальной мысли Петра поставить за плечами посла готовый военный флотъ и готовую армію. Турки знали все и потому сдались.

А какъ Петръ былъ радъ этому миру. Онъ ждалъ его съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Этотъ миръ былъ для Россіи прежде всего почетнымъ миромъ и ставилъ Россію передъ другими державами на небывалую высоту. Этимъ миромъ Петръ ставилъ ногу на Черное море,—а Азовское уже было въ его рукахъ. Этимъ миромъ Петръ развязывалъ себѣ руки для другихъ дѣлъ, и болѣе видныхъ, и болѣе интересныхъ...

IX.

Жизненный опытъ, личныя наблюденія и разсужденія показали Петру, что Черное море очень хорошо, очень желательно имѣть въ своихъ рукахъ, но это вовсе не то, чего желалъ Петръ. Если бы даже допустить, что входъ и выходъ въ Черное море были совершенно въ рукахъ русскихъ, если бы плаваніе по немъ было совершенно свободно какъ военнымъ, такъ и торговымъ русскимъ кораблямъ, то и тогда

этотъ путь въ Европу былъ слишкомъ кружный и достигалъ цѣли только косвеннымъ путемъ. Прямой морской путь въ Европу лежалъ черезъ Балтійское море. Только здѣсь можно было русскимъ прорубить окно въ Европу. Сюда то потянуло Петра, какъ только онъ ознакомился съ Европой и возвращался на свою родину. Тѣмъ болѣе овладѣніе Балтійскомъ моремъ для Петра представляло интересъ, что часть этого моря была еще недавно собственностью Россіи. И подумать только, какъ это могли отдать такое золото!.. И вотъ, возвращаясь въ Россію, Петръ охотно вступилъ въ договоръ съ королями датскимъ и польскимъ—воевать съ Швеціей. Когда онъ прибылъ въ Россію и произвелъ расправу со стрѣльцами, къ нему явилось два посольства: отъ короля шведскаго съ предложеніемъ мира и отъ королей датскаго и польскаго съ предложеніемъ войны съ Швеціей. Согласившись, однако, на послѣднее предложеніе, Петръ не могъ нарушить и перваго, пока не заключитъ мира съ Турціей. Поэтому, подъ разными предлогами, Петръ затягивалъ рѣшеніе и того и другого предложеній, пока не получилъ увѣдомленіе отъ Украинцева о заключеніи мира съ Турціей, и на другой день, какъ только послѣднее состоялось, Петръ заключилъ договоръ съ королями датскимъ и польскимъ и объявилъ войну Швеціи.

Въ силу перваго договора, Россія могла возвратить себѣ отъ Швеціи Ингерманландію, Лифляндія же должна была отойти къ Польшѣ; но, видно, ужъ такова судьба

всѣхъ политическихъ договоровъ, что одно пишутъ на бумагѣ, а другое имѣютъ въ умѣ. Петръ, еще не начиная войны, уже рѣшилъ, что русскимъ достанется не только Ингерманландія, но и Лифляндія, а можетъ быть и еще побольше.

Рѣшаясь на войну съ Швеціей, Петръ былъ болѣе или менѣе увѣренъ въ успѣхѣ. Много было обстоятельствъ, помогавшихъ такимъ радужнымъ мыслямъ Петра. Прежде всего онъ имѣлъ дѣло съ королемъ юнымъ, только что вступившимъ на престолъ, неопытнымъ и мало знакомымъ съ военнымъ дѣломъ. Далѣе, онъ имѣлъ такихъ союзниковъ, какъ Данія и Польша. Онъ воевалъ не на своей землѣ, а переходилъ на землю непріятеля, а это представляло перспективы реквизиціи, контрибуціи и другихъ пріятныхъ въ войнѣ представленій. Петръ шелъ въ прежде бывшія русскія земли и для возврата своихъ исконныхъ владѣній. Петръ имѣлъ уже войско, окрещенное войною и испытанное въ бою. Наконецъ, онъ имѣлъ уже и опытныхъ военачальниковъ. Правда, къ этому времени одинъ за другимъ скончались Лефортъ, Гордонъ и Шеинъ,—потери, несомнѣнно, великія,—но Петръ имѣлъ и другихъ военачальниковъ и потому съ легкою душою объявилъ войну Швеціи. Поводы были ничтожны. Однимъ изъ важнѣйшихъ—нанесеніе обиды царскому посольству въ Ригѣ. Но развѣ нуженъ поводъ, когда хотятъ воевать. Петръ хотѣлъ войны, объявилъ войну и былъ за это хорошо проученъ. Союзники наскочили на то, чего совершенно не ожидали. И по дѣломъ...

Королю шведскому, Карлу XII, въ описываемое нами время, было всего только 18 л. Но это была рѣшительно натура отличная отъ другихъ и рѣзко выдающаяся. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ весьма странный и причудливый, но въ военномъ отношеніи это былъ безусловно геній. Какъ ни странно, но бываютъ эпохи, когда геній является не единственнымъ. Эпоха Петра Великаго, могущественнѣйшаго генія, въ то же время выдвинула и второй геній, Карла XII. Но если Петръ былъ геній всеобъемлющій и всесторонній, то Карлъ XII былъ геній узкій, чисто военный. Нельзя не сказать, что въ эту эпоху выдвинулись и другіе видные люди, какъ царевна Софія, гетманъ Мазепа и проч., но это были dii minores...

Личность короля шведскаго, Карла XII, настолько выдающаяся, что вполнѣ заслуживаетъ отдѣльнаго психологическаго очерка. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ онъ былъ прекрасно физически развитъ и очень любилъ тѣлесныя упражненія. Особенно же онъ предавался военнымъ играмъ и упражненіямъ. Казалось, онъ родился быть воиномъ. Онъ очень любилъ охотиться на медвѣдя, но именно съ рогатиной и ножемъ. Карлъ жилъ между охотой и военными упражненіями. Онъ терпѣть не могъ роскоши и придворной обстановки,—не любилъ онъ также и женщинъ. Это былъ суровый воинъ и строгій аскетъ. Онъ жилъ въ палаткѣ, носилъ грубое солдатское сукно, ѣлъ очень скудный обѣдъ, спалъ мало, проводилъ жизнь въ голодѣ, холодѣ и трудахъ,—и всѣмъ

этимъ онъ не только не тяготился, а, напротивъ, дѣлалъ по доброй волѣ и по любви. Спиртнаго онъ ничего не пилъ. Изъ наукъ онъ особенно усердно изучалъ то, что необходимо было знать воину и полководцу. Онъ всегда былъ серьезенъ и скорѣе мраченъ, нежели веселъ. Жажда славы была его единственною мечтою. Онъ упорно отстаивалъ свои мнѣнія и въ этомъ отношеніи доходилъ до упрямства. Онъ никогда не отмѣнялъ своего слова и не терпѣлъ никакихъ возраженій. Чрезвычайно характерный отвѣтъ далъ въ этомъ отношеніи царю Петру шведскій генералъ Рейншильдъ, послѣ Полтавской битвы, на вопросъ Петра: почему генералы не отсовѣтовали Карлу не вступать въ неравную битву съ Петромъ? «Мы привыкли слушать повелѣнія и исполнять ихъ, а не совѣтовать нашему царю»...

Поставивъ себѣ какую нибудь цѣль, Карлъ неуклонно шелъ къ достиженію ея. Онъ вѣрилъ въ предопредѣленіе, никогда не страшился никакой опасности, не думалъ о смерти, убѣжденный, что назначеннаго судьбою никто не избѣгнетъ. Его идеаломъ былъ Александръ Македонскій. Опасности казались Карлу удовольствіемъ,—трудности —наслажденіемъ. Карлъ взошелъ на престолъ 15 л., но подъ опекою бабки и совѣтниковъ.

Когда при коронованіи епископъ хотѣлъ возложить на голову короля корону, Карлъ вырвалъ ее изъ рукъ епископа, самъ возложилъ ее на себя и прибавилъ: «Богъ далъ мнѣ ее, самъ дьяволъ не отниметъ ее у меня!»... Въ сенатѣ Карлъ всѣ дѣла рѣ-

шалъ самъ и не терпѣлъ ни чьихъ совѣтовъ. Въ 18 л. все трепетало передъ Карломъ. Войско его любило. Народъ обожалъ.

Швеція въ то время могла считаться страною крѣпкою и могущественною. Двѣнадцать лѣтъ мира дали ей богатство и большое народонаселеніе. Народъ шведскій былъ рослый, крѣпкій, сильный, развитой и смышленый. Страна имѣла войска, флотъ и полную казну.

Объявленіемъ войны Швеціи Даніей, Польшей и Россіей Карлъ не только не смутился, а даже обрадовался. Это давало ему возможность показать себя и исполнить свое завѣтное желаніе—прославиться. На возраженіе, что онъ не имѣетъ даже союзниковъ, Карлъ отвѣчалъ: «Богъ, мечъ мой и любовь народа—вотъ мои союзники!»...

Съ такимъ то противникомъ пришлось Петру воевать.

Русскія войска, подъ предводительствомъ Шереметева, двинулись къ Нарвѣ и осадили ее. Всего тамъ стянуто было 45 тыс. съ 150 пушками. Одновременно начата была война Даніей и Польшей. Едва была объявлена война, какъ Карлъ двинулся на Данію и въ одинъ натискъ совершенно уничтожилъ ее, такъ что армія должна была скрыться и король стушеваться. Тогда Карлъ также стремительно бросился на Нарву. Онъ прибылъ съ 8—12 т. войска, утомленнаго и изнуреннаго, въ дурную погоду и при неустройствѣ дорогъ. И здѣсь въ одинъ натискъ онъ совершенно уничтожилъ всю русскую армію. Войска не стало. Генералы были въ плѣну. Пушки всѣ взяты непріятелемъ. Поло-

женіе Петра было болѣе, нежели критическимъ: безъ генераловъ, безъ офицеровъ, безъ войска, безъ пушекъ, безъ снарядовъ, безъ денегъ... Такое положеніе смутитъ хотя кого,—но оно не смутило Петра.

Разбитый, но не побѣжденный, Петръ быстро сталъ принимать мѣры къ поправленію положенія. Прежде всего онъ приказалъ стягивать запасныя войска къ Новгороду и укрѣплять его. Затѣмъ онъ приказалъ снимать съ церквей лишніе колокола и лить изъ нихъ пушки. Потерпѣвшему пораженіе командующему Шереметеву царь писалъ:

«Развѣ въ несчастіи должно упадать духомъ?... Не дерзай отговариваться,—а если ты боленъ лихорадкою, полученною въ бѣгствѣ, знай, что я хорошо умѣю лечить отъ нея»...

Шереметеву вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было пустить на шведскія земли казаковъ, разорять страну и безпокоить непріятеля.

Тяжело повліяла первая неудача на народъ русскій и на заматорѣвшихъ царедворцевъ. Одинъ царь остался несокрушимъ, непоколебимъ, неуязвимъ. Его энергія, его бодрость, его надежда оживили и всѣхъ остальныхъ. Бодрымъ и дѣятельнымъ Петръ явился въ Москву. Онъ не скрывалъ неудачи; но и не печалился ею. Энергія царя одухотворила и всѣхъ остальныхъ. Закипѣла работа. Тысячи рукъ работали сразу. Набрались новые полки. Новобранцы учились строю и учились переносить невзгоды. Лились новыя пушки. Готовился порохъ. Выливались бомбы и ядра. Заготовлялся

провіантъ. Шились мундиры. Все ожило. Все кипѣло.

— Пусть бьютъ шведы моихъ русскихъ,—они выучатъ насъ бить ихъ, — и когда же ученье проходитъ безъ потерь и огорченій!

Къ веснѣ царь имѣлъ уже все необходимое на сѣверной границѣ: было и войско, была и артиллерія, были и необходимые запасы.

Несмотря на то, что въ Эстляндіи находился самъ Карлъ, русскія войска, по обычаю того времени, очень опустошали и Эстляндію и Ингерманландію. Пришла вѣсть, что шведы намѣрены напасть на Архангельскъ. Царь и туда послалъ войско и защитилъ свои владѣнія.

Несмотря на нанесенное русской арміи страшное пораженіе, Карлъ не рѣшался дѣлать дальнѣйшихъ наступленій на Россію. Его собственная армія требовала пополненія,—его страна требовала отдыха, тѣмъ болѣе, что русскія иррегулярныя войска очень часто безпокоили шведовъ, наносили имъ уронъ и разоряли страну. Весною Карлъ собралъ свою армію и бросился въ Польшу и Саксонію. Прибывшія изъ Швеціи войска должны были защищать южную границу отъ русскихъ. Но эта защита совершалась плохо. Шлипенбахъ, командовавшій шведскими войсками, ничего не могъ сдѣлать съ русскими. Тысячи плѣнныхъ были уводимы въ Россію. Шведы терпѣли пораженія въ мелкихъ стычкахъ съ русскими. Но вотъ наступило и серьезное сраженіе съ шведами близь Дерпта и

шведы были жестоко разбиты. Много было шведовъ убито, много взято въ плѣнъ, захвачены пушки, знамена шведскія. Русскіе съ гордостью праздновали побѣду надъ шведами. Неудачу потерпѣли шведы и въ Архангельскѣ.

Невольно припоминаются слова Петра.

— Шведы подъ Нарвою надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно, надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили. Только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ, а два полка гвардіи только на двухъ атакахъ у Азова, и тѣ полевыхъ боевъ, а тѣмъ болѣе съ регулярными войсками, никогда не видывали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, да къ тому же за позднимъ временемъ великій голодъ былъ, понеже за великими грязями провіантъ провозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида... Правда сія побѣда въ то время зѣло печальна была и чувствительна... Но когда о томъ подумать, то воистину не гнѣвъ, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, бывшимъ въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, то въ какую бѣду послѣ насъ оное счастіе низвергнуть могло»...

Шведскій историкъ Гейеръ не безъ основанія замѣчаетъ, что Нарвская побѣда была пагубна шведскому оружію, ибо она вселила въ Карлѣ презрѣніе къ противни-

ку. «Насколько великодушіе Петра, основывающаго Петербургъ, было выше храбрости Карла, искавшаго въ то время побѣдъ въ Польшѣ,—и насколько мудрость русскаго царя, умѣвшаго научиться всѣми успѣхами и ошибками своего противника»!

Поэтому же поводу и Вольтеръ былъ правъ, говоря, что исторія Карла XII занимательна, а исторія Петра поучительна и что Карлъ XII «meritait d'etre le premier soldat de Pierre de Grand».

Между тѣмъ русскія войска одерживали новыя и новыя побѣды. Взяты были города: Венденъ, Маріенбургъ, Рольмаръ, Гельметъ, Смильтенъ, Каркусъ и Везенбергъ. Въ виду того, что шведы вновь грозили Архангельску, Петръ лично отправился туда, но шведы оставили свое намѣреніе и тревога осталась напрасною. Тогда Петръ замыслилъ овладѣть Невою и входомъ въ Балтійское море. Для этого онъ рѣшилъ переволочить два военные корабля сухимъ путемъ изъ Нюхчи на Бѣломъ морѣ въ Поневѣжъ на Онеженскомъ озерѣ, а оттуда въ Ладожское озеро. Самъ царь руководилъ волокомъ, то ѣдучи, то идя пѣшкомъ. Такимъ путемъ русскій флотъ, хотя въ маломъ видѣ, достигъ входа въ Балтійское море. По пути были взяты крѣпости Нотербургъ, нынѣ Шлиссельбургъ, и Ниніеншанцъ, при впаденіи Охты въ Неву. При взятіи Ниніеншанца у входа въ Неву показался шведскій флотъ. Два шведскія судна съ 24 пушками вошли въ Неву. Царь на лодкахъ окружилъ шведскія суда, первый бросился на приступъ и овладѣлъ

судами. Поэтому поводу царь пишетъ Апраксину:

«Поздравляю васъ съ неслыханною до сихъ поръ викторіей и истинно могу сказать, что въ битвѣ нашей со шведскими кораблями насъ было не болѣе восьми лодокъ». Царь, Меньшиковъ и Головкинъ за эту битву были пожалованы орденомъ Андрея.

Овладѣвъ Невою и входомъ въ Балтійское море, Петръ захотѣлъ ихъ закрѣпить за Россіей на вѣчныя времена. Съ этою цѣлью онъ задумалъ здѣсь заложить великій городъ, который бы имѣлъ крѣпость и верфь и въ то же время былъ обширнымъ торговымъ городомъ. Съ этою цѣлью онъ остановился на тѣхъ мѣстахъ, которыя нынѣ извѣстны подъ именемъ Васильевскаго острова, Петербургской стороны, Аптекарскаго острова и Адмиралтейской стороны. 16 мая 1703 года, въ Троицынъ день заложенъ былъ этотъ городъ, имя ему дано было *Петербургъ*. Для лучшей охраны Петербурга, Петръ захватилъ островъ Котлинъ, нынѣ Кронштадтъ, и заложилъ на немъ крѣпость. Комендантомъ новаго города Петербурга Петръ назначилъ своего любимца, Меньшикова, при чемъ заявилъ ему:

— Ты не мнѣ, а себѣ обязанъ этой честью. Знай, мой другъ, что если бы я нашелъ кого достойнѣе, то его, а не тебя, произвелъ бы въ коменданты.

Теперь, встрѣтивъ шведскаго посла, жившаго въ плѣну въ Москвѣ, Петръ сказалъ ему:

— Теперь я готовъ мириться съ вашимъ королемъ,—я свое взялъ. Но если онъ хочетъ продолжать войну, я готовъ воевать, надѣясь на помощь Божію, — ибо мое дѣло правое.

Укрѣпивъ за собою Неву и выходъ въ Балтійское море, Петръ пожелалъ въ настоящее время исполнить свой первоначальный планъ и двинулъ войска на Лифляндію и другія, болѣе западныя области. Прежде всего, однако, Петръ рѣшилъ взять Нарву, на которой впервые такъ непріятно онъ осѣкся. Вступленіемъ къ овладѣнію Нарвою было уничтоженіе Верденомъ шведской флотиліи, состоявшей изъ 8 яхтъ и 5 бригантинъ, при чемъ командиръ Летеръ, видя неминуемую гибель флота, взорвалъ себя на бригантинѣ. На флотѣ было взято 84 пушки.

Послѣ этого все вниманіе было обращено на Нарву. Долго и упорно защищался гарнизонъ и жители Нарвы, не ждя себѣ пощады и отказываясь сдаться на какихъ бы то ни было условіяхъ. Но всему бываетъ конецъ. Конецъ наступилъ и осадѣ. Нарва была взята приступомъ. Русскіе такъ были озлоблены упорнымъ сопротивленіемъ и отвѣтами заключенныхъ, что съ ожесточеніемъ бросились все истреблять и разрушать. Самъ Петръ долженъ былъ останавливать разъяренныхъ побѣдителей и даже обагрить свою шпагу русскою кровью. Сурово принялъ Петръ неразумно упрямаго коменданта и упрекалъ его въ безсмысленномъ сопротивленіи, доведшемъ осаждающихъ до ожесточенія. Когда же тотъ рѣз-

ко защищался, то Петръ пришелъ въ гнѣвъ и ударилъ его.

Итакъ, первое посрамленіе русскихъ войскъ было смыто и, можно думать, въ достаточной мѣрѣ очищено овладѣніемъ значительной части Финляндіи. Въ теченіи военныхъ дѣйствій въ этой области, въ Олонецкой землѣ была открыта желѣзная руда, устроенъ былъ заводъ и началось производство необходимыхъ военныхъ принадлежностей.

Однако, въ то время, какъ Петръ отвлеченъ былъ отъ государственныхъ дѣлъ серьезною войною на сѣверѣ, на юго-востокѣ Россіи начали дѣяться не добрыя дѣла. Прежде всего возмутились и возстали башкиры; но они скоро были усмирены. Гораздо серьезнѣе было возмущеніе стрѣльцовъ въ Астрахани, къ которымъ присоединились и старообрядцы. Они думали воспользоваться моментомъ, дойти до Москвы и, если удастся, произвести государственный переворотъ. Планъ ихъ не удался. Посланный Шереметевъ быстро ихъ усмирилъ и дѣла привелъ въ должный порядокъ.

X.

Нанесши пораженіе русской арміи подъ Нарвою въ 1701 г., Карлъ съ такимъ пренебреженіемъ и такимъ презрѣніемъ отнесся къ русской арміи, что въ дальнѣйшемъ не обращалъ на нее рѣшительно никакого вниманія. Всѣ ея успѣхи въ Финляндіи и Эстляндіи не имѣли для него ровно никакого значенія, такъ какъ онъ

разсчитывалъ однимъ ударомъ все опрокинуть и забрать обратно. Поэтому, оставивъ русскихъ самимъ себѣ, онъ все свое вниманіе обратилъ на Данію и Польшу. Семь лѣтъ онъ провелъ въ этихъ областяхъ. Цѣлый рядъ побѣдъ онъ одержалъ надъ союзниками. Данія была уничтожена. Уничтоженъ былъ и Августъ, король Польскій и Саксонскій. Терпя постоянныя пораженія, Августъ вынужденъ былъ отказаться отъ Польши и ограничиться Саксоніей. На польскій престолъ, подъ давленіемъ Карла, былъ избранъ Станиславъ. Такимъ образомъ, закончивъ, для себя вполнѣ удачно, съ Даніей, Польшей и Саксоніей, по истеченіи 6—7 лѣтъ послѣ Нарвской викторіи, Карлъ рѣшилъ уничтожить послѣдняго противника, русскаго царя, и на томъ закончить свой юго-западный походъ. Изъ Польши на Россію лежало два пути на Москву: черезъ Смоленскъ и черезъ Малороссію. Но первыя области были разорены и потому Карлу выгоднѣе было двигать войска черезъ полную житницу—Малороссію. Выгода при этомъ заключалась и въ томъ, что гетманъ Малороссіи, Иванъ Мазепа, не прочь былъ на извѣстныхъ условіяхъ, помочь Карлу въ его походѣ не только провіантомъ, но и войсками. Поэтому Карлу былъ двойной интересъ двинуть войска на Россію черезъ Малороссію.

Петръ видѣлъ готовящуюся развязку многолѣтней войны. Видѣлъ онъ и то, что Карлъ намѣренъ двинуться на Россію. Но линія, отдѣляющая его владѣнія отъ Запада, была слишкомъ велика. Отъ Нарвы и

до Каменца она тянулась и нужно было быть готовымъ встрѣтить непріятеля во всякомъ мѣстѣ. Потребовалось большое напряженіе, чтобы достать такое количество войска, и большое умѣнье, чтобы искусно расположить его. Тѣмъ не менѣе Петръ былъ покойнѣе, чѣмъ онъ имѣлъ на это право. Южная часть Россіи была защищена вѣрными малороссійскими казаками подъ предводительствомъ умнѣйшаго и преданнѣйшаго гетмана Ивана Мазепы, — остальную часть границы Петръ рѣшилъ защищать собственной арміей. Какъ увидимъ ниже, разсчеты Петра были не вполнѣ правильны, въ силу непредвидѣннаго обстоятельства—измѣны гетмана Мазепы.

Малороссія—это было пространство, не имѣющее точныхъ, фиксированныхъ, границъ между Россіею, Польшею и владѣніями крымскихъ татаръ. Сюда шелъ, кто хотѣлъ, и изъ Россіи и изъ Польши и, пожалуй, изъ орды. Это былъ конгломератъ самыхъ отчаянныхъ, самыхъ энергичныхъ, самыхъ независимыхъ людей. Всѣ они были объединены одною вѣрою, однимъ языкомъ, одною идеею о независимости. Часть же этихъ поселенцевъ оставалась на всю жизнь изгоями, селилась въ Сѣчи Запорожской и всю свою жизнь обрекала на разгулъ и войну за православную вѣру, независимость и пропитаніе. Другая часть селилась на землѣ, обзаводилась семействами и становилась болѣе или менѣе осѣдлою. Но въ каждый данный моментъ весь мужской полъ готовъ былъ поголовно стать подъ знамя за вѣру и родину. Точныхъ границъ меж-

ду Малороссіей и Польшей, Малороссіей и Россіей, Малороссіей и Крымскими татарами не было. Сегодня была одна линія, завтра ее переходилъ сосѣдъ,—и наоборотъ. Въ виду того, что Малороссія имѣла очень слабую организацію и проявляла свою силу только въ крайности, сосѣди частенько нарушали эти границы, къ сожалѣнію, почти всегда съ огнемъ и мечомъ въ рукахъ; поэтому и малороссы, поскольку умѣли владѣть плугомъ, постольку же, если не больше, саблею и ружьемъ. Но такъ какъ вести борьбу съ тремя сильными сосѣдями одной Малороссіи было невозможно, то она рѣшила отдать себя подъ защиту единовѣрной странѣ—Россіи. Правда, она отъ этого выиграла на первое время очень немного, ибо, лишившись независимости, Малороссія далеко не всегда находила себѣ защиту въ своей покровительницѣ. Сколько разъ сынамъ Малороссіи, особенно вольнымъ орламъ запорожцамъ, приходилось вести огненный и кровавый судъ и расправу съ поляками и съ татарами... Но жизнь шла своимъ чередомъ и Малороссія считалась Малороссіей и имѣла своего гетмана. Большая или меньшая сила Малороссіи, большая или меньшая ея зависимость стояла въ связи съ личностью гетмана. Онъ то одухотворялъ ее, то обезличивалъ, то дѣлалъ ее сильною и мощною, то обезсиливалъ...

Въ описываемый нами моментъ гетманомъ Малороссіи былъ Иванъ Мазепа. Это былъ человѣкъ ума недюжиннаго, образованный, богатый, вліятельный и ловкій.

Особенно умно онъ велъ дѣла съ видными и вліятельными людьми. Видя силу Петра онъ отдался ему. Но не забывалъ онъ и его приближенныхъ. Каждый получалъ свое. Петръ—исполнительность и вѣрность Мазепы,—а его ближніе—дары. Поэтому Мазепа былъ однимъ изъ первыхъ Андреевскихъ кавалеровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и другъ царя. Но tempora mutantur et nos mutamur in illis. Мазепа увидѣлъ пораженіе царя подъ Нарвою. Мазепа увидѣлъ, какъ Петръ разрушаетъ старую Россію и создаетъ себѣ безчисленное множество внутреннихъ враговъ. Мазепа видѣлъ цѣлый рядъ вспышекъ старой Руси. Мазепа видѣлъ побѣды Карла и его непобѣдимость. Мазепа, какъ и Петръ, увидѣлъ приближающійся финалъ разыгрываемой аріи и уловилъ ложный мотивъ. Ему казалось—не устоять Петру въ борьбѣ съ Карломъ. Не выдержать ему натиска этого непобѣдимаго человѣка. А падетъ Петръ, падетъ вся Россія...

Времена самозванцевъ на Руси были еще слишкомъ памятны. Что стало бы съ Россіей, если бы Карлъ одержалъ побѣду... А Карлъ похвалялся стереть съ лица земли, или точнѣе, съ лица географической карты Россію, раздѣлить ее на части и отдать части отдѣльнымъ лицамъ...

Мазепа любилъ Малороссію. Мазепа видѣлъ ее славною, единою и независимою. Мазепа любилъ и себя. И снилось ему, что онъ есть самодержавный гетманъ Малороссіи... А отъ чего бы ему и не породниться съ царскимъ родомъ Польши,—и не стать

владыкою Малороссіи... А произойдетъ ли это отъ руки Карла, или чьей другой,— не все ли равно!... Лишь бы Малороссія была свободна и онъ самодержавнымъ гетманомъ Малороссіи... Такой комбинаціи было легко достигнуть, ибо въ Россіи все расползалось. Съ сѣвера тѣснили шведы, съ востока неурядицы у башкиръ, — въ Астрахани бунтъ стрѣльцовъ, — на Дону тоже бунтъ,—Польша пошла противъ Россіи,—а тутъ и Карлъ не сегодня, завтра, будетъ въ Россіи... И загорѣлся пожаръ въ самомъ сердцѣ Россіи... Поднимутся озлобленные стрѣльцы. Поднимутся старообрядцы. Поднимутся всѣ недовольные новизной,—а имя имъ легіонъ... И дрогнетъ Петръ. Сокрушитъ его Карлъ. Не станетъ Россіи... А почему же ему не воспользоваться случаемъ...

Мазепа рѣшился воспользоваться случаемъ. За независимость Малороссіи онъ предложилъ Карлу свою помощь и содѣйствіе.

И вотъ въ то время, когда Петръ надѣялся на Мазепу, какъ на каменную гору,—Мазепа рылъ ему яму, въ которую онъ самъ попалъ... Петръ былъ слишкомъ геніаленъ и силенъ, чтобы пострадать отъ этого. Петръ былъ слишкомъ уменъ и находчивъ, чтобы погубить Мазепу и его планъ въ самомъ началѣ...

Готовясь отразить шведовъ, Петръ не оставлялъ безъ вниманія и государственныя дѣла. Умеръ патріархъ Адріанъ. Царь Петръ прекрасно понималъ, что духовная власть въ рукахъ одного лица можетъ при

нести обществу вредъ. Поэтому, во избѣжаніе всякихъ случайностей, Петръ рѣшилъ должность патріарха упразднить, вмѣсто того образовать высшее духовное учрежденіе—Святѣйшій Сунодъ, въ которомъ засѣдало бы нѣсколько архіепископовъ и вѣдали бы всѣ государственныя духовныя дѣла. Доходы съ церковныхъ имѣній велѣно было изъять отъ архіереевъ и начальниковъ обителей и передать въ вѣдѣніе монастырскаго приказа. Въ монастыряхъ заведены были богадѣльни для инвалидовъ. Инокамъ приказано было заниматься полезными ремеслами, обработкою садовъ и земель и строго запрещено проводить время праздно. Необыкновенно разумное распоряженіе... Академія кіевская и московская были расширены, причемъ повелѣно было тщательно стараться замѣщать мѣста священниковъ людьми, воспитанными въ сихъ училищахъ.

Изъ другихъ дѣлъ обращаютъ на себя вниманіе отмѣна смертной казни и замѣна ея ссылкою въ Сибирь,—смертная же казнь осталась только за преступленія государственныя и убійства, а также за дачу ложной присяги на судѣ. Царь не оставилъ безъ вниманія и народнаго здравія. Были вызваны изъ заграницы опытные врачи, заведены были аптеки и аптекарскіе склады,—установлена была правильная выписка лѣкарствъ изъ заграницы и введенъ былъ надлежащій надзоръ за врачебными учрежденіями, въ видѣ медицинской коллегіи въ Москвѣ.

На эту коллегію возложена была обя-

занность строго слѣдить за тѣмъ, чтобы знахари и обманщики не пользовались практикой. Устроена была на берегу Яузы больница для военныхъ людей. Царь усердно поощрялъ устройство фабрикъ и заводовъ, причемъ нерѣдко самъ заводилъ ихъ и затѣмъ передавалъ въ вѣдѣніе лицъ, умѣющихъ ихъ вести правильно и съ пользою. Царь обо всемъ думалъ, во все вникалъ, все зналъ и всюду могъ дать надлежащій порядокъ.

Заботясь о государствѣ, царь не забылъ и себя. Онъ женился вторично на дѣвушкѣ бѣдной, но бывшей впослѣдствіи вполнѣ достойной своего вѣнценоснаго супруга, императрицѣ Екатеринѣ.

Въ 1706 г. Карлъ двинулся на Россію. Дѣло было осенью, поэтому его не ожидали быстро. По всему было видно, что онъ движется на Москву черезъ Литву. Петръ принималъ мѣры, но дѣлалъ это относительно покойно, не ожидая слишкомъ скораго появленія Карла. Опять всѣ забыли, что имѣютъ дѣло съ Карломъ. Карлъ же, дѣйствительно, былъ вѣренъ себѣ. Проходя по дорогамъ, немыслимымъ для перехода арміи, по болотамъ, трясинамъ и въ бродъ по грудь, онъ внезапно выросъ передъ арміей Рѣпина при Головчинѣ. Первымъ же натискомъ русская армія была разбита, «многіе полки въ конфузію пришли въ томъ дѣлѣ, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатскимъ, а казацкимъ боемъ»... Результатомъ всего

этого было 350 убитыми, 700 ранеными и до 700 плѣнныхъ русскихъ; шведовъ выбыло несравненно меньше.

Карлъ страшно гордился этой побѣдой. Но и Петръ не потерялъ присутствія духа. Онъ писалъ: «Радуюсь, что мои русскіе до большей битвы обожглись на шведскомъ огнѣ»... Трудно, однако, согласиться, чтобы эта радость была искренняя. По поводу пораженія русскихъ царемъ было назначено разслѣдованіе, по окончаніи коего командующій Рѣпинъ былъ разжалованъ въ рядовые.

Вскорѣ, однако, русскіе отплатили шведамъ за Головчино при Добромъ. Самъ Карлъ присутствовалъ при боѣ. Тѣмъ не менѣе шведы потеряли убитыми до 2,000, 6 знаменъ и 3 пушки. Царь писалъ по сему поводу: «какъ началъ я служить, то такого порядочнаго огня и дѣйствія отъ своихъ солдатъ не видалъ, и король шведскій могъ видѣть, что мы, русскіе, уже не прежніе»...

Дѣйствительно, Карлъ убѣдился въ этомъ и воскликнулъ: «москвитяне насъ побѣждаютъ»!.. Это его привело въ такую ярость, что онъ забылъ о всѣхъ своихъ планахъ и разсчетахъ и бросился мстить и мстить. Месть, однако, плохой совѣтчикъ... Близь Смоленска Карлъ бросился на отрядъ русскихъ и едва не былъ убитъ. Рота солдатъ, окружившая короля, была изрублена и только немногіе изъ вѣрныхъ драбантовъ защитили короля. Подъ нимъ была убита лошадь, онъ дрался пѣшимъ и былъ спасенъ только подоспѣвшею по-

мощью. Это событіе, однако, не охладило короля. Онъ погнался за русскими. Они уходили на югъ, уничтожая все на пути и разрушая мосты и дороги. Положеніе арміи Карла было весьма неказисто. Ему пришлось гнаться за непріятелемъ осенью, по грязи, въ опустошенной мѣстности, безъ провіанта, безъ лошадей и безъ теплой одежды. Положеніе было не изъ пріятныхъ... Наконецъ, Карлъ усмотрѣлъ неудобства своего состоянія и началъ поджидать прибытія Левенгаупта съ подкрѣпленіями и обозами.

Однако, не въ интересахъ русскихъ было допустить это соединеніе шведскихъ армій. Были приняты мѣры разбить Левенгаупта до соединенія съ Карломъ. Петръ самъ повелъ свое войско. Дѣло предвидѣлось жаркое.

— Государь, сказалъ Петру Рѣпинъ, стоявшій въ рядахъ преображенцевъ, прикажи поставить сзади полковъ казаковъ и калмыкъ, и вели имъ колоть всякаго, кто побѣжитъ. Мы умремъ, а не отступимъ, но если бы кто и вздумалъ отступать, то по неволѣ предпочтетъ славную смерть безславной...

— Спасибо, Рѣпинъ,—я не забуду тебя... А за симъ добавилъ: косите каждаго бѣглеца,—не щадите даже и меня, если бы я побѣжалъ... Двое сутокъ длилась ожесточенная битва и преслѣдованіе шведовъ и дѣло подъ Лѣснымъ кончилось тѣмъ, что вмѣсто огромнаго обоза и свѣжей арміи Левенгауптъ привелъ къ Карлу остатки разбитаго войска безъ всякаго обоза. Убито

было шведодъ 8,000, взято въ плѣнъ 900, — русскимъ досталось 17 пушекъ, 44 знамени и до 7,000 повозокъ съѣстныхъ запасовъ.

Послѣ столь блестящей битвы, царь, цѣлуя отличившагося командующаго войсками Голицына, спросилъ его:

— Скажи, другъ мой, чѣмъ могу наградить тебя?

— Государь, прости Рѣпина!

Царь выразилъ удивленіе, зная, что Голицынъ не любитъ Рѣпина...

— Знаю, государь, что Рѣпинъ мнѣ непріятель, но онъ любитъ тебя, храбрый генералъ, надобенъ тебѣ и если согрѣшилъ, то пострадалъ за это довольно.

Царь немедленно возвратилъ Рѣпину все его прежнее положеніе, а Голицына пожаловалъ орденомъ Андрея.

Можно было себѣ представить бѣшенство Карла, при прибытіи разбитаго Левенгаупта въ его голодный и изморенный лагерь... Теперь все спасеніе было въ Мазепѣ.

Получилъ, однако, и Петръ жестокое огорченіе. Ему донесли, что вѣрный его любимецъ, властный гетманъ Иванъ Мазепа, измѣнилъ ему и перешелъ на сторону Карла. Правда, еще значительно раньше Петру доносили о ненадежности Мазепы, но Петръ слишкомъ ему вѣрилъ и слишкомъ его любилъ. За вѣрный доносъ жестоко пострадали полковники Кочубей и Искра, а ихъ друзья заселяли Сибирь... Теперь царь долженъ былъ повѣрить факту и жестоко скорбѣлъ.

Прежде всего въ лицѣ Мазепы Петръ

лишался вѣрнаго и любимаго слуги. Затѣмъ властный гетманъ Малороссіи дѣйствительно могъ ему сдѣлать много непріятностей, поднявъ противъ него Малороссію,—а Карлу онъ могъ оказать великую помощь... Нужно было спѣшить потушить пожаръ прежде, чѣмъ онъ разгорѣлся. Поэтому царь послалъ Меньшикова усмирить возставшіе полки, произвести новое избраніе гетмана и сдѣлать все возможное для удержанія Малороссіи на своей сторонѣ.

Вмѣстѣ съ огорченіемъ поступкомъ Мазепы страшнымъ гнѣвомъ Петръ распалился на своего прежняго любимца и весьма умно и жестоко отмстилъ и погубилъ его во мнѣніи родины почти на вѣчныя времена.

Прежде всего съ чрезвычайной быстротой по всей Малороссіи Мазепа былъ объявленъ измѣнникомъ родинѣ и измѣнникомъ царю. Съ такою же быстротою былъ избранъ новый гетманъ, который призывалъ казаковъ немедленно сомкнуться на помощь русскому царю противъ страшнаго врага и союзника измѣнника. Уже это всеобщее объявленіе гетмана измѣнникомъ крайне охлаждающе подѣйствовало на малороссовъ. И если бы между ними нашлись охотники стать на сторону Мазепы для защиты самостоятельности Малороссіи, то уже эта публичная охулка должна была бы ихъ удержать или, по меньшей мѣрѣ, поставить въ состояніе нерѣшительности.

Но Петръ смотрѣлъ на дѣло глубже. Онъ зналъ, что малороссы народъ сантиментальный, добрый и религіозный. Исторія

показала, какъ орлы Малороссіи за вѣру гибли на «Старомъ Мѣстѣ» въ Варшавѣ чуть не сотнями и какъ лучшихъ изъ вѣрныхъ дѣтей Малороссіи тамъ четвертовали и зажаривали опять таки за вѣру и вольность... Поэтому у Петра явилась мысль погубить Мазепу именно въ этомъ, самомъ чувствительномъ для малороссовъ, пунктѣ. Иванъ Мазепа объявленъ былъ отлученнымъ отъ церкви и преданъ анаоемѣ, при чемъ постановлено было объявить эту анаѳему во всѣхъ церквахъ православныхъ и повторять эту анаѳему изъ года въ годъ во всѣхъ церквахъ, пока церковь будетъ существовать, въ недѣлю православія. И вотъ, начиная отъ кіевскаго собора и кончая послѣднею полуразрушенною церковію Малороссіи, гетманъ Иванъ Мазепа объявленъ былъ отлученнымъ отъ православной церкви за измѣну отечеству и вѣрѣ православной и названъ публично и торжественно *анаѳемой*... Трудно себѣ представить тотъ религіозный и нравственный ужасъ, который былъ вызванъ этимъ чисто политическимъ пріемомъ... Прошли сотни лѣтъ послѣ смерти гетмана Мазепы, а слово Мазепа въ Малороссіи и по нынѣ осталось самымъ ужаснымъ позорнымъ прозвищемъ... Какъ 9,999 человѣкъ изъ 10,000 въ то время не знали, что такое «анаѳема» и тѣмъ не менѣе приходили въ страшный религіозный ужасъ и трепетъ при громогласномъ произношеніи этого слова протодіакономъ въ церкви,— такъ теперь 9,999 человѣкъ изъ 10,000 малороссовъ не знаютъ, что такое Мазепа... А тѣмъ не менѣе «мазепа», это самое ос-

корбительное прозвище для малоросса. Это теперь имя нарицательное и самое бранное. Вы можете, какъ угодно, бранить хохла, даже бить его и онъ будетъ хладнокровно молчать и только презрительно на васъ посматривать. А назовите его «Мазепой» и самый плохенькій полѣзетъ въ драку... «Якъ, я мазепа.!. Пидожды»... И хохликъ бросится на васъ съ кулаками... А кто такой Мазепа, или что такое «мазепа» это для него еще болѣе непонятно, чѣмъ для московской купчихи «жупелъ»... Таковы были послѣдствія политическаго пріема Петра. Ближайшимъ же послѣдствіемъ анаѳематства Мазепы было то, что вся Малороссія поднялась за новаго гетмана Скоропадскаго и стала въ защиту Россіи. Мало того, многіе сторонники Мазепы, какъ полковники Апостолъ и Галаганъ и др., опамятовались и явились съ повинною къ Петру. Самъ Мазепа скоро понялъ свою ошибку, но было поздно...

Ошибся и Карлъ. Онъ думалъ, что за Мазепою возстанетъ вся Малороссія на Россію. Но Малороссія не возстала. Мазепа привелъ очень небольшой отрядъ малороссійскихъ казаковъ и запорожцевъ; при входѣ въ Малороссію шведы и ихъ союзники были встрѣчены, какъ враги... Жестокое разочарованіе...

Положеніе арміи Карла въ Малороссіи было очень печальное, настолько печальное, что Карлъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ великодушію Петра. Карлъ послалъ просить Петра отпустить ему лѣкарствъ, въ которыхъ былъ большой недостатокъ въ арміи

шведовъ. Царь былъ радъ этому обращенію и приказалъ отпустить лѣкарствъ больше, чѣмъ просили.

Напрасно отговаривали Петра приближенные не дѣлать этого и не усиливать непріятеля. Петръ отвѣчалъ:

— Я воюю со шведами и изыскиваю всѣ средства ихъ погубить, но никогда не забуду чувства человѣколюбія.

— Я поступилъ бы иначе, отвѣчалъ говорившій царю.

— И я, можетъ быть, если бы не былъ царемъ.

Карлъ просилъ также о перемиріи и прекращеніи военныхъ дѣйствій въ зимнее время,—но въ этомъ Петръ ему рѣшительно отказалъ. Война продолжалась. Ни шведы, ни русскіе не щадили другъ друга.

Наступила весна. Видимо, приближалась развязка великой жизненной драмы. Карлъ почему то намѣтилъ Полтаву и захотѣлъ овладѣть ею во чтобы то ни стало. Осажденные защищались весьма упорно и ни за что не хотѣли сдаться живыми. Войска Петра начали стягиваться къ Полтавѣ, желая стать въ выгодную позицію при окончательномъ боѣ. Карлъ, всегда смѣлый до дерзости, оказался такимъ и на этотъ разъ. Однажды ночью, наѣхавъ на русскіе казацкіе аванпосты, онъ убилъ спавшаго казака. Остальные казаки дали залпъ и ранили короля въ колѣно. Это, однако, нисколько не смутило Карла. Онъ продолжалъ на носилкахъ появляться въ войскѣ, распоряжаться и руководить всѣмъ.

Въ ночь на 27 іюня Петру донесли, что

одинъ бѣглый полякъ изъ лагеря Карла говоритъ о приготовленіи шведовъ къ генеральному бою. Немедленно Петръ началъ готовить и свои войска. Главное командованіе онъ взялъ на себя.

Ведя войска на русскихъ, Карлъ былъ бодръ и веселъ. Его носили въ носилкахъ между рядами и онъ улыбаясь говорилъ:

— «Мы будемъ сегодня обѣдать у московскаго царя. Онъ много приготовитъ намъ кушанья. Друзья! Я съ вами,—идите куда ведетъ васъ слава!»...

Петръ былъ не менѣе самоувѣренъ, но только девизомъ своимъ онъ ставилъ не славу, а благо родины.

— Воины, не за меня, за отечество, за церковь сражаетесь вы! Помните Бога, поборающаго въ правдѣ!

Его просили не рисковать собою.

— Обо мнѣ не думайте. Мнѣ не дорога жизнь! Была бы счастлива и славна Россія! Впередъ!

Вотъ по истинѣ царскія слова...

Въ два часа по полуночи, съ приближеніемъ шведовъ, загремѣли русскія пушки на редутахъ. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили ихъ. Поражая штыками, бросались они на пушки и два редута уже были въ ихъ рукахъ, когда конница шведская сразилась съ русской конницей. Самъ король безстрашно присутствовалъ въ рядахъ своихъ воиновъ. Подъ его качалкой были убиты лошади. Подъ свистомъ пуль и грохотомъ разрыва ядеръ ихъ отпрягли и впрягли новыхъ.

Но не падали духомъ и русскіе. Часть

за частью храбро выступали они и сражались со шведами. Петръ былъ всюду, все видѣлъ и всѣмъ распоряжался.

Скоро пушки смолкли. Ряды сошлись съ рядами и настала рукопашная битва на штыкахъ и саблях. Битва была въ полномъ смыслѣ кровопролитная и убійственная. Около получаса бой былъ равный. Сначала дрогнули русскіе. Но явился Петръ и силы возобновились. Тогда шведы стали поддаваться. Теперь ихъ одушевляла не мысль о побѣдѣ, а мысль о самозащитѣ и отчаяніе. Наступилъ, однако, часъ расплаты за Нарву. Вскорѣ шведы представляли нестройную толпу, тѣснимую со всѣхъ сторонъ. Войска всѣхъ національностей и рода оружія смѣшались и бросились во всѣ стороны. Русскіе всюду ихъ преслѣдовали и поражали. Крики побѣжденныхъ и побѣдителей раздавались уже вдали отъ мѣста битвы и не скоро еще утихли. Казаки и калмыки долго преслѣдовали бѣгущихъ. Самъ Карлъ, окруженный горстью казаковъ подъ предводительствомъ Мазепы и Потоцкаго съ немногими поляками, едва спасся отъ плѣна, переѣхавъ за Днѣпръ. Обозъ и лагерь шведскій достались побѣдителямъ. Всѣ пушки и масса оружія также остались у русскихъ. Вся шведская армія, въ полномъ своемъ составѣ, была совершенно уничтожена. Убито было 9 тысячъ шведовъ. Въ плѣнъ попали первый министръ, фельдмаршалъ, 4 генерала, 4 полковника, 132 офицера, 2,277 солдатъ, не считая 2,874 человѣкъ нестроевыхъ. Русскимъ достались также королевская казна, гардеробъ короля, кан-

целярія его, докторъ и духовникъ короля и проч. Самыми важными трофеями были пушки, 137 штандартовъ и знаменъ и генералы Рейншильдъ и Гамильтонъ.

Невыразимо радъ и счастливъ былъ Петръ своей побѣдѣ. Это было послѣднее слово шведской войны. Кромѣ великихъ земельныхъ пріобрѣтеній, она дала русскимъ имя, честь и славу. Она дала имъ увѣренность и сознаніе въ своей силѣ и могуществѣ.

— Здравствуйте, дѣти, говорилъ онъ, обнимая и благодаря своихъ генераловъ и офицеровъ. Благодарю васъ за подвиги, за побѣду. Богъ видѣлъ трудъ вашъ и потомство не забудетъ васъ. Передъ рядами собравшихся войскъ была устроена церковь и вознесено благодарственное Господу Богу молебствіе, при пушечной стрѣльбѣ. Царь объѣзжалъ ряды воиновъ и благодарилъ ихъ. Угощеніе всѣхъ было на славу. Къ своему обѣду, кромѣ русскихъ генераловъ, главныхъ офицеровъ и чиновниковъ, царь пригласилъ шведовъ Пипера и Рейншильда и другихъ генераловъ, главныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Онъ ихъ встрѣтилъ привѣтливо безъ шляпы, возвратилъ шпаги и былъ необыкновенно любезенъ и дружелюбенъ.

При провозглашеніи тостовъ Петръ провозгласилъ таковой:

— Пью здоровье нашихъ учителей!

— Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ? спросилъ его Рейншильдъ.

— Васъ, господа, васъ шведовъ, вы научили насъ военному искусству.

— Плохо же вы заплатили за науку учителямъ вашимъ!

Карлъ былъ увезенъ насильно почти въ безсознательномъ состояніи. Пришедши въ себя, онъ спросилъ.

— Гдѣ Пиперъ?

— Въ плѣну.

— А Рейншильдъ?

— Въ плѣну.

— А принцъ Виртенбергскій?

— Въ плѣну.

— Куда мы ѣдемъ?

— Въ Турцію...

— Въ плѣну у русскихъ... въ Турцію... и Карлъ опять погрузился въ безпамятство.

Вскорѣ царь былъ въ Полтавѣ. Тамъ онъ благодарилъ Господа за побѣду и наградилъ храбраго защитника Полтавы Келина.

Вскорѣ и остальная горсточка шведовъ, прикрывавшихъ бѣгство Карла, была захвачена въ плѣнъ. При этомъ въ плѣну очутились Левенгауптъ, Крейцъ и Крузъ, два брата графы Дугласъ и графъ Банда, генералъ Штернъ, 10 полковниковъ, 12 подполковниковъ, 17 маіоровъ... словомъ всѣхъ плѣнныхъ послѣ Полтавской битвы шведовъ было болѣе 20,000...

Явилось и 2,700 казаковъ, измѣнившихъ царю, и царь простилъ ихъ. Карлъ былъ въ Турціи...

Полтавской битвой окончилась война съ Карломъ XII. Много она дала Россіи. Дала она ей устроенную, испытанную и крѣпкую армію,—дала положеніе въ Европѣ царю и царству,—дала славу и честь, дала и вели-

кія владѣнія: Финляндію, Ингерманландію, Эстляндію и Лифляндію. Царь достигъ моря и прорубилъ окно въ Европу, царь достигъ того, чего искалъ, и даже больше того. Онъ вполнѣ достигъ того, чего достоинъ его личный геній. Его сподвижники получили множество великихъ и богатыхъ милостей.

Карлъ погубилъ себя и погубилъ свое дѣло. Онъ застрялъ въ Турціи и покончилъ тамъ свою славу.

Вскорѣ погибъ и Мазепа, не достигнувъ поставленнаго имъ себѣ идеала... Принимая ядъ, онъ сжегъ свои бумаги, говоря:

«Нехай я одинъ буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги мои мабуть и не мыслили, або и мыслить не сміютъ!. Гибни все, коли злая доля все перепначила для невѣдомаго конца»!..

Sic transit gloria mundi...

Видя полный успѣхъ царя въ войнѣ съ шведами и рѣшительное пораженіе Карла, Польша, Пруссія, Саксонія и Данія, разумѣется, захотѣли воспользоваться плодами трудовъ Петра. Они немедленно предложили возобновленіе союза въ войнѣ со Швеціей. Петру ничего не оставалось, какъ согласиться на этотъ союзъ. Но начнутъ-ли, или не начнутъ, и когда начнутъ союзники войну съ Швеціей, а Петру нужно было воспользоваться плодами своихъ собственныхъ успѣховъ. Онъ хотѣлъ закрѣпить за собою Финляндію, Эстляндію и Лифляндію. Почему, устроивъ дѣла на югѣ, онъ двинулъ свою армію на сѣверъ. И, дѣйствительно, пока союзники собирались и высту-

пали, русскіе взяли Эльбингъ, Выборгъ, Ригу, Перновъ, Авенсбургъ, Кексгольмъ, Ревель и проч., при чемъ войска многихъ покоренныхъ городовъ поступали на царскую службу.

Швеція была истощена до крайнихъ предѣловъ. Шведы и ихъ правители пали духомъ. Король былъ гдѣ то далеко, далеко отъ своего королевства, но отъ власти своей не отказывался. Уныніе и отчаяніе овладѣли сердцами всѣхъ шведовъ. Войска не было, а набрать его было не изъ кого. Всюду былъ плачъ о потерѣ отцовъ, братьевъ и сыновей. Отъ царскихъ чертоговъ и до хижины бѣдняка не было дома, гдѣ-бы ангелъ смерти не коснулся своимъ крыломъ. У Швеціи не было войска, не было полководцевъ, не было средствъ къ существованію... Къ этому должно добавить жестокую эпидемію, поразившую всю Швецію...

Царь-же получилъ все, чего онъ желалъ.

Но, ведя войну, царь не забывалъ и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ.

Для болѣе успѣшнаго управленія государствами, царь раздѣлилъ его на восемь губерній. Въ числѣ этихъ губерній была и Ингерманландская съ губернскимъ городомъ С.-Петербургомъ и провинціями: Новгородомъ, Тверью, Ярославлемъ, Псковомъ, Дерптомъ, Нарвою и проч. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи. Столицею государства считалась Москва, первымъ же городомъ послѣ нея былъ Петербургъ, который царь уже считалъ своимъ раемъ.

Для управленія высшими государственными дѣлами, вмѣсто упраздненной бояр-

ской думы, царъ учредилъ Сенатъ. Особенное вниманіе обратилъ царь также на финансовую сторону государства. Онъ приказалъ точно опредѣлить цифру государственныхъ доходовъ и цифру расходовъ, а послѣдніе болѣе или менѣе точно опредѣлилъ по статьямъ. Вмѣстѣ съ этимъ учреждены были штаты на войско, флотъ, дипломатическую часть и дворъ. Была учреждена оружейная канцелярія, которая вѣдала оружейными заводами и заготовленіемъ оружія. Кораблестроеніе продолжало развиваться не только въ Воронежѣ и Архангельскѣ, но и на Балтійскомъ, на Черномъ и на Каспійскомъ моряхъ. Каспійское море царь имѣлъ въ виду для коммерческихъ оборотовъ. Такъ уже теперь онъ далъ кое-какія привиллегіи армянской компаніи, закупившей весь шелкъ въ Персіи. Обращено было вниманіе и на духовное сословіе. Имъ повелѣно было учиться въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ,—въ противномъ-же случаѣ они должны были поступать въ солдаты. Царь обращалъ личное вниманіе на самыя мелкія и ничтожныя дѣла; такъ, приказывалъ садить дубы въ Таганрогѣ и Петербургѣ, искалъ торфа у Азовскаго моря, училъ чухонцевъ плести русскія лапти и проч.

Свободныя минуты царь отдавалъ своему парадизу, Петербургу. Здѣсь онъ жилъ въ своемъ домикѣ, гдѣ привѣтливою хозяйкою являлась его супруга. Въ этомъ простомъ мѣстечкѣ онъ принималъ и императорскихъ пословъ, и генералитетъ, и сановниковъ и угощалъ аладьями и пивомъ гол-

ландскихъ корабельщиковъ. Вблизи своего домика въ 1710 г. онъ заложилъ церковь Св. Троицы, а когда она была готова, часто посѣщалъ ее, читалъ Апостола и пѣлъ на клиросѣ. Лѣтомъ нѣсколько разъ посѣщалъ Кронштадтъ и слѣдилъ за устройствомъ крѣпости. Теперь-же онъ сдѣлалъ просѣку отъ адмиралтейства до Александро-Невской лавры, назначилъ мѣсто для лавры, а на мѣстѣ просѣки основалъ знаменитый Невскій проспектъ.

XI.

Пока Петръ устраивалъ дѣла на сѣверѣ, югъ готовилъ ему новый сюрпризъ, все съ тѣмъ же злополучнымъ Карломъ. Побѣжденный король шведскій былъ еще, однако, живъ. Бѣжавъ отъ Полтавы, Карлъ, съ разрѣшенія султана, поселился въ Бендерахъ. Чудесные разсказы о дѣяніяхъ сѣвернаго льва достигли Константинополя чрезвычайно окрашенные и дополненные восточной фантазіей. Проникли они и въ гаремъ султана и нашли страстную поклонницу желѣзноголовому Королусу въ лицѣ матери султана. Султанъ Ахметъ III былъ всецѣло подъ вліяніемъ своей матери. И вотъ она напустилась на него, чтобы онъ во что бы то ни стало помогъ «сѣверному льву отмстить русскимъ псамъ за обиду» Мало по малу это непрерывное точеніе женщины достигло того, что Ахметъ позволилъ себѣ выразиться такъ Понятовскоум: «Въ одну руку возьму я мечъ мой, другую подамъ шведскому королю, поведу его

на москвитянъ и 200,000 воиновъ пойдутъ за нами»!

Между тѣмъ, Карлъ въ Бендерахъ жилъ совершенно по царски. Ему велѣно было воздавать всѣ почести, были посланы богатые подарки, деньги отпускались вдоволь какъ ему, такъ и его свитѣ. Карлъ устроилъ себѣ лагерь, гдѣ жилъ съ своими генералами, офицерами и солдатами, успѣвшими бѣжать къ нему изъ Россіи и Польши. Съ нимъ было до 1,800 человѣкъ.

Налаживавшееся дѣло Карла было, однако, испорчено умѣлыми пріемами русскаго посла, П. А. Толстого. Султанъ подтвердилъ миръ съ Россіей и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая нарушать дружественныхъ отношеній къ царю Петру, онъ рекомендовалъ Карлу убраться во свояси, ручаясь за безопасный проѣздъ его и принимая всѣ издержки путешествія на себя. Султанъ обѣщалъ даже Карлу турецкій отрядъ при проѣздѣ его черезъ Польшу.

На все это Карлъ отвѣчалъ: «Скажите своему государю, что я не поѣду изъ Турціи»... Изумленный паша не зналъ, что даже ему отвѣтить на это. Всѣ окружающіе приходили въ отчаяніе отъ наступающаго положенія, — одинъ Карлъ былъ веселѣе обыкновеннаго. Иногда онъ шутилъ и игралъ въ шахматы, хотя всегда проигрывалъ, потому что, забывая другія шашки, двигалъ впередъ одного короля.

На бѣду перемѣнился визирь. Подкупленный противуположной стороной, визирь настойчиво совѣтовалъ султану начать войну съ Россіей. Война была рѣшена. Крым-

скіе татары получили приказаніе вторгнуться въ Россію, что они и исполнили.

Петръ двинулъ войска на Прутъ. Онъ былъ обманутъ дважды. Господари Молдавіи и Валахіи Кантемиръ и Контакузинъ предложили себя къ услугамъ царя войскомъ и провіантомъ, причемъ Кантемиръ говорилъ искренно, тогда какъ Контакузинъ дѣйствовалъ лукаво. Петръ довѣрился тому и другому. Во-вторыхъ, Петръ расчитывалъ, что даже при небольшомъ войскѣ, но при быстромъ натискѣ, онъ скоро покончитъ съ нерегулярнымъ и неподготовленнымъ войскомъ турокъ. Это была ошибка и великая ошибка. Петръ двинулъ войска отъ 60 до 80 т. Скоро онъ прибылъ на Прутъ, но въ очень печальномъ видѣ. Войско было утомлено. Плохо одѣто, плохо прокормлено. Появились болѣзни, а лѣкарствъ не было. Требованія изъ Россіи исполнялись медленно и неудовлетворительно. Оказались хищенія и мошенничества. Петръ страшно сердился и подъ конецъ заболѣлъ. А между тѣмъ турки надвигались и надвигались въ страшномъ количествѣ, до 400,000.

Въ концѣ концовъ русскіе были окружены, лишены провіанта, безъ достаточнаго количества боевыхъ снарядовъ, утомленные и голодающіе. Положеніе было абсолютно безвыходное. Если бы даже русскимъ удалось пробиться сквозь турецкое кольцо, то и тогда они должны были бы погибнуть съ голода, помимо того, что ихъ истребили бы въ одиночку крымскіе татары. Что касается помощи Кантемира, то

таковая оказалась только на словахъ, ибо войска у него отсутствовали, а земля оголена саранчою. Контакузинъ же и не думалъ прійти на помощь.

Собранъ былъ совѣтъ. Но военный совѣтъ ничего не могъ придумать. Волей не волей пришлось вступить въ бой. Горячо бросились турки на русскую армію, но быстро были охлаждены картечью перекрестныхъ выстрѣловъ. Однако, турки пошли вновь и уже не обращали вниманія на картечь. Пустили въ ходъ бѣглый ружейный огонь. Турецкая конница летала кругомъ и рвалась въ русскій станъ. Но царь былъ на мѣстѣ. Онъ руководилъ боемъ. Защита была стройная, стойкая и неустрашимая. Такъ нападенія продолжались до самаго вечера и послѣ послѣдняго нападенія турки опять побѣжали. Тогда русскіе въ свою очередь бросились за турками и произвели въ турецкомъ лагерѣ страшное замѣшательство. Возможно, что при дальнѣйшемъ преслѣдованіи русскіе остались бы и побѣдителями: но русскіе были страшно утомлены, а кромѣ того лагерь оставался незащищеннымъ.

Наступившая ночь была ужасна. Зажженные турецкіе костры показывали безконечное число таборовъ, кольцеобразно обхватившихъ русскій лагерь. Царь былъ мраченъ, безмолвенъ и угрюмъ. Впослѣдствіи онъ самъ сознавалъ, что ни до, ни послѣ онъ не переживалъ столь тяжкихъ минутъ. Русскіе были обречены на голодъ и погибель, ибо провіанта могло хватить только на нѣсколько дней. Оставалось

умереть, но умереть съ честью, сражаясь. Царь такъ и рѣшилъ сдѣлать.

При царѣ въ лагерѣ находилась и царица Екатерина. Она дала нѣсколько другой оборотъ дѣлу, который, какъ оказалось, далъ вполнѣ благопріятный исходъ. Екатерина предложила послать богатые подарки секретарю визиря и самому визирю и предложить переговоры о мирѣ. Было сказано, было сдѣлано. Всѣ драгоцѣнности Екатерины были посланы въ подарокъ визирю. Пока ждали отвѣта, Петръ рѣшилъ еще одинъ важный вопросъ на тотъ случай, если, по волѣ судьбы, ему придется попасть въ плѣнъ. Въ виду этого онъ немедленно написалъ Сенату слѣдующій рескриптъ:

«Господа Сенаторы: увѣдомляю васъ черезъ сіе, что я со всѣмъ моимъ войскомъ, безъ нашей вины и ошибки, но только чрезъ ложно полученное извѣстіе окруженъ вчетверо сильнѣйшимъ турецкимъ войскомъ, такимъ образомъ и столько, что всѣ дороги къ провозу провіанта пересѣчены, и я безъ особенной Божеской помощи ничего, какъ совершенное наше истребленіе или турецкій плѣнъ, предусматриваю. Если случится послѣднее, то не должны вы меня почитать царемъ, вашимъ государемъ и ничего исполнять, чтобы до вашихъ рукъ не дошло, хотя бы то было своеручное мое повелѣніе, покамѣстъ не увидите меня самолично. Если я погибну и вы получите вѣрное извѣстіе о моей смерти, то изберите между собою достойнѣйшаго моимъ преемникомъ.

Петръ».

Послѣ этого царь позвалъ отличнаго офицера и поручилъ ему доставить сіе посланіе Сенату.

Наступилъ разсвѣтъ, а отвѣта отъ визиря нѣтъ. Турецкая армія пришла въ движеніе. Пушки вновь загремѣли какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Царь послалъ другого гонца. Отвѣта все не было. Царь приказалъ русскимъ войскамъ строиться въ бой. Въ этотъ моментъ прискакалъ турецкій чиновникъ съ заявленіемъ, что визирь согласенъ на миръ и ждетъ русскихъ пословъ для переговоровъ.

Съ этою цѣлью были посланы молодой Шереметевъ и Шафировъ съ самыми широкими полномочіями.

Визирь предложилъ такія условія: всѣ русскіе и царь должны сдаться въ плѣнъ, отдать оружіе и заплатить выкупъ. Русскій посолъ не захотѣлъ даже отвѣчать на такое предложеніе. Визирь смягчился. Мало по малу кончили, однако, тѣмъ, что царь отказывается отъ Львова, Таганрога, Богородицка и Каменнаго Затона. Условія самыя мягкія и совершенно ничтожныя. Видимо, взятка имѣла одинаковое значеніе, какъ теперь, такъ и 200 лѣтъ назадъ.

Попался, однако, пунктъ, который едва не испортилъ всего дѣла. Визирь требовалъ выдачи Кантемира. Царь не соглашался на это ни подъ какимъ видомъ.

— Я далъ слово сберечь его и неизмѣню... У насъ нѣтъ ничего собственнаго, кромѣ чести,—потерять ее, значитъ, перестать быть государемъ...

Пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Кантемиръ бѣжалъ, спрятанный въ каретѣ Екатерины, и тѣмъ спасся отъ смерти.

Такъ заключенъ былъ миръ.

Относительно Карла въ мирномъ договорѣ говорилось слѣдующее: «Прибѣгнувшій подъ покровительство и милость нашу, да идетъ онъ во свояси безопасно, и царь да не препятствуетъ тому, а если можно, то пусть примирится съ нимъ».

Вскорѣ появился самъ Карлъ.

Узнавъ о заключеніи мира съ русскими, Карлъ пришелъ въ ярость. Въ бѣшенствѣ онъ вбѣжалъ въ палатку визиря, встрѣтившаго его съ почестью.

— Ты забылъ, что султанъ за меня началъ войну! —вскричалъ гнѣвный король.

— Я не зналъ, что за тебя, я думалъ, что сражаюсь за интересы моего государя. Я не забылъ однакожъ и твоихъ интересовъ: тебѣ дозволяется свободный путь домой.

— Дай мнѣ войско и я разобью царя.

— Не думаю, хладнокровно отвѣчалъ визирь. Ты испыталъ уже русскихъ и я ихъ видѣлъ. Если есть у тебя свое войско, сражайся!

— Обѣщаю сегодня же поставить предъ тобою царя плѣнникомъ!

— А кто же безъ него будетъ править Москвою?

Карлъ безмолвно сѣлъ на диванъ, положивъ нога на ногу, и долго сидѣлъ, не говоря ни слова. Затѣмъ гнѣвно вскочилъ съ дивана, зацѣпивши шпорою за великолѣпный кафтанъ визиря, разорвалъ его и поспѣшно вышелъ изъ палатки...

Интимный разговоръ визиря съ Шафировымъ, по поводу Карла, былъ такой: «Только не троньте провожатыхъ, а его можно взять. Пусть онъ пропадетъ, песъ окаянный. Надоѣлъ онъ намъ»!...

Русскіе ушли. Въ ограждені отъ блуждающихъ ордъ, ихъ сопровождали трое пашей.

Самъ Петръ выражался объ этомъ походѣ, что онъ «зѣло отчаянно учиненъ, въ надеждѣ на слова измѣнника, обнадежившаго союзомъ народовъ, подданныхъ Турціи, что оказалось впослѣдствіи лобзаніемъ Іуды, ибо все чинено было на палубу и туркамъ передаваемы были всѣ вѣсти».

Одинъ изъ очевидцевъ иноземцевъ пишетъ о Петрѣ въ этомъ походѣ, «что царь берегъ себя не болѣе, какъ послѣдній изъ его отважныхъ воиновъ. Онъ былъ въ ладу, говорилъ со всѣми по дружески, съ генералами, офицерами и солдатами, наблюдая за всѣмъ, что въ битвѣ происходило. Его храбрость увлекала воина и никто не щадилъ себя».

XII.

Непосильные труды всей жизни, цѣлый рядъ нравственныхъ потрясеній, особенно же походъ на Прутъ, приступы болѣзни,— все это разстроило даже гигантское здоровье царя. Ему нужно было отдохнуть, ему нужно было полечиться. И вотъ царь ѣдетъ въ Карлсбадъ. Выдержавъ тамъ трехнедѣльный курсъ, царь отправился въ Дрезденъ. Въ это время сынъ его женился

на герцогинѣ брауншвейгъ-вольфенбиттельской. Царь отправился на свадьбу. Невѣстѣ царской позволено было сохранить свободное исповѣданіе лютеранской вѣры. На просьбу герцога продолжить любовь къ невѣстѣ и милость къ людямъ, которые будутъ при ней,—царь отвѣчалъ:

«Принимаю ее, какъ родную дочь мою, и надѣюсь, что она жаловаться не будетъ, а также и тѣ, кто будетъ при ней, только бы держали себя безъ высокомнѣнія, *какъ многіе пріѣзжіе къ намъ въ Россію обыкли дѣлать*»...

Царь отсюда выѣхалъ въ свой парадизъ, Петербургъ. По пути Петръ видѣлся съ своими союзниками, которые требовали отъ него помощи и заговаривали о дѣлежѣ шведской добычи. И то и другое Петру было не особенно по сердцу, ибо воевалъ онъ и одинъ со шведами удачно, а добытою имъ добычею едва ли склоненъ былъ подѣлиться. Въ Кенигсбергѣ Петру показывали экземпляръ лѣтописи Нестора и онъ приказалъ съ нея сдѣлать точный снимокъ. Заѣхалъ онъ въ Ригу. Здѣсь встрѣтили его, какъ законнаго государя, съ великими почестями и рѣчами. Записался членомъ въ клубъ Черноголовыхъ и подарилъ этому обществу свой портретъ. Увидя тамъ портретъ Карла XII, онъ приказалъ его не выносить.

«Я не сержусь на моего брата, Карла,—онъ выучилъ меня воевать».

Возвратившись въ Петербургъ, Петръ занялся его благоустройствомъ. Рядомъ съ этимъ шли приготовленія къ продолженію

войны на морѣ и сушѣ. Между тѣмъ съ Турціей опять дѣло не ладилось и потребовались большія усилія, чтобы миръ былъ окончательно заключенъ.

Война союзниковъ со шведами въ началѣ шла не особенно удачно. Пришлось Петру самому взяться за руководство военными дѣйствіями датчанъ и саксонцевъ и побѣды перешли на сторону союзниковъ.

Между тѣмъ, царь не оставлялъ безъ вниманія и внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Такъ, онъ приказалъ собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ, дабы можно было видѣть, какія еще слѣдуетъ заводить; издалъ повелѣнія: объ учрежденіи русскихъ обществъ для торговыхъ предпріятій, — объ устройствѣ Вышневолоцкихъ шлюзъ, — объ очищеніи Боровицкихъ пороговъ и объ осмотрѣ воднаго пути между Вологдою по Щекснѣ и Витегрѣ. Имѣя въ виду измѣнить и дополнить Уложеніе, Петръ велѣлъ перевести на русскій языкъ прусское и шведское право. Отправлялись сотнями ученики заграницу для обученія, а возвращающимся царь производилъ экзаменъ. Царь слѣдилъ за составленіемъ воинскаго устава,—не забывалъ заводить голландскихъ коровъ въ Холмогорахъ и голштинскихъ лошадей въ Казани,—садилъ дубы близъ Петербурга и проч.

Не оставлялъ онъ безъ вниманія и Сенатъ и однажды, по поводу неправильно рѣшеннаго дѣла, писалъ:

«Что было причиною вашего распоряженія? Взятку вы взяли, или на смѣхъ дѣлаете,

или всѣ отъ старости поглупѣли? Но помните, что я спрошу у васъ обо всемъ отчетъ не шутя!»

Въ 1712 году царь ведетъ переговоры о свободной торговлѣ на Средиземномъ морѣ съ алжирскимъ деемъ, а также съ императоромъ о войнѣ съ Турціей. Желая дать возможность русскимъ солдатамъ лучше обучиться военнымъ пріемамъ, царь позволяетъ поступить тремъ полкамъ на голландскую службу для войны съ Франціей. Наконецъ, русскіе проникаютъ въ Курляндію и хозяйничаютъ тамъ по своему усмотрѣнію, несмотря на протесты противъ этого со стороны польскаго короля Августа.

Между тѣмъ, въ Турціи въ третій разъ была поднята противъ насъ интрига. Произошла смѣна визиря. Пошли приготовленія къ войнѣ съ Россіей. Русскій посолъ опять попалъ въ семибашенную тюрьму. Крымцы произвели жестокое опустошеніе въ южной Россіи. Но прежде, чѣмъ выступать въ Россію, султанъ захотѣлъ быть справедливымъ и потребовалъ немедленнаго удаленія Карла изъ Турціи. Довели о семъ до свѣдѣнія Карла. Карлъ разсердился и объявилъ, что онъ не уйдетъ.

«Тогда я употреблю силу, отвѣчалъ паша. Я долженъ исполнить волю повелителя».

— Ну, и исполняй, а пока исполнишь, убирайся къ чорту.

Что тутъ подѣлаешь? И паша, и приближенные короля теряли голову.

«Вашъ королъ сошелъ съ ума, а съ безумными поступаютъ такъ, какъ они того достойны».

Собрали 25 тыс. турецкаго войска, чтобы силою удалить шведскаго короля съ его шайкою изъ предѣловъ Турціи, такъ какъ онъ вознамѣрился защищаться.

Произошла свалка, въ которой, разумѣется, шведы проиграли и плѣннаго шведскаго короля на повозкѣ, подъ конвоемъ отвезли въ Адріанополь къ султану.

Начались новыя интриги при дворѣ. Визирь былъ смѣненъ. Война съ Россіей отложена. Русскій посолъ выпущенъ изъ семибашенной тюрьмы. Карлъ также остался въ Турціи. Султанъ велѣлъ ему отпускать содержаніе, но прекратить выдачу денегъ и даже запретилъ говорить о немъ.

«Пусть онъ ѣдетъ, или останется,—его воля, но не напоминайте мнѣ о немъ. Я согласенъ кормить его, пока онъ у меня пробудетъ, и велю проводить его, когда онъ поѣдетъ, но воевать и ссориться изъ-за него не стану».

Въ это время Петръ добивалъ Финляндію. Онъ взялъ Або, Гельсингфорсъ и другіе города и такимъ образомъ почти вся Финляндія уже попала въ русскія руки. Шведскій флотъ или избѣгалъ встрѣчи съ русскимъ, или же терпѣлъ пораженія. Особенно сильнымъ было пораженіе въ гангудской битвѣ. Въ честь этой битвы заложена была Петромъ на берегу Фонтанки церковь св. Пантелеймона.

Между тѣмъ отягченный заботами, дѣлами и непріятностями, царь чаще подвергался припадкамъ своей болѣзни, что повліяло на него тяжело не только физически, но и нравственно.

Къ концу 1714 года на сѣверѣ событія начали принимать нѣсколько иной оборотъ. Въ Швецію вернулся Карлъ XII.

Оставленный султаномъ въ покоѣ въ Делютинѣ, Карлъ не только не принималъ ничего активнаго, а иногда по нѣсколько дней не оставлялъ постели. Онъ ничего не дѣлалъ и ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ. Иногда онъ цѣлыми сутками спалъ,—иногда страдалъ продолжительными безсонницами. Никто не осмѣливался съ нимъ заговаривать. А другой разъ Карлъ начиналъ шутить и бесѣдовать. Потомъ опять безъ всякаго повода ложился въ постель и погружался въ молчаніе. Естественно и невольно возникалъ вопросъ о ненормальности его умственныхъ способностей.

Между тѣмъ, положеніе Швеціи было болѣе, чѣмъ ужасно. Королевство безъ короля, полуистребленное войною, опустошенное и уничтоженное, день за днемъ теряющее въ своихъ предѣлахъ, раззоренное четырьмя сосѣдями,—страдало безконечно. Оно имѣло короля, но король почивалъ въ турецкой постели...

Осенью 1714 года къ Карлу явился изъ Швеціи графъ Ливенъ. Онъ сообщилъ королю-затворнику объ ужасномъ положеніи Швеціи. Король встрепенулся. Всталъ съ постели, зашагалъ по комнатѣ и рѣшилъ отправиться въ Швецію. Шведы направились черезъ императорскія земли и Померанію и скоро были въ Швеціи.

Вступивъ въ фактическое управленіе Швеціей, Карлъ послалъ своимъ противникамъ такіе гордые и задорные протесты,

какъ бы онъ только вчера выѣхалъ изъ Швеціи.

Началась война вновь, или, точнѣе, ожесточилась текущая.

Заканчивая свои дѣла въ Европѣ въ предначертанныхъ имъ предѣлахъ, Петръ все внимательнѣе и внимательнѣе, сталъ относиться къ Азіи. Онъ приказалъ болѣе обстоятельно укрѣплять русскія границы, посылалъ военный отрядъ въ Хиву, предпринималъ усмирительныя экскурсіи къ ногайцамъ и очень одобрилъ расширеніе золотыхъ пріисковъ въ предѣлахъ Сибири.

Въ это же время Петръ оказалъ помощь черногорцамъ,ославъ въ Черногорію нѣкоторое количество денегъ и припасовъ.

У цесаревича наслѣдника родился сынъ; но въ то же время скончалась его супруга; Царь очень радовался тому, что Богъ далъ ему рекрута и печалился о преждевременной смерти невѣстки, которую онъ очень любилъ и уважалъ.

Особенное вниманіе Петра въ это время было обращено на искорененіе лихоимства, взяточничества, мошенничества и другихъ злоупотребленій. Царь устроилъ по сему поводу особую коммиссію, которая не пощадила никого и ничего. Попали въ дѣло Меньшиковъ, Брюсъ, Апраксинъ, Долгорукій и др. Царь былъ страшно раздраженъ и только прежнія заслуги и нужда въ людяхъ спасли виновныхъ отъ жестокой кары. Но виновные обязаны были вернуть въ казну все похищенное и присвоенное. Желая устранить поводъ къ лихоимству, царь увеличилъ жалованье всѣмъ чиновникамъ, въ виду

чего положено строжайшее наказаніе тѣмъ, кто преступитъ границы и послѣ сего...

Строго присматриваясь къ жизни, характеру и дѣятельности раскольниковъ, царь увидѣлъ въ нихъ много такого, противъ чего нужно было выступать не съ карательными и строгими мѣрами, а съ мѣрами человѣколюбія, доброты, просвѣщенія и разума. Почему онъ приказалъ дѣйствовать противъ нихъ духомъ кротости и поощрять обращеніе заблудшихся убѣжденіями.

За то строгія мѣры были приняты противъ помѣщиковъ, не желавшихъ знакомиться съ просвѣщеніемъ и уклонявшихся отъ государственной службы. У такихъ лицъ повелѣно было отнимать помѣстья и отдавать ихъ тѣмъ, кто донесетъ о семъ. Кромѣ того, неграмотнымъ помѣщикамъ запрещено было жениться.

Въ 1714 году 24 ноября, въ честь императрицы, царь учредилъ особый орденъ во имя мученицы Екатерины. Какъ гроссмейстеръ ордена, императрица награждала имъ подвиги и особыя заслуги особъ женскаго пола. Въ указѣ по сему поводу царь выражалъ царицѣ благодарность за заслуги передъ отечествомъ, оказанныя ею на Прутѣ.

Не оставлялъ царь безъ вниманія и мелкихъ событій государства. Такъ, царь запрещалъ строеніе неуклюжихъ судовъ по старому образцу и далъ для этого новые образцы. Издано было повелѣніе объ усиленіи посѣвовъ и производства льна и пеньки. Запрещены были поминки и вытье по покойникамъ. Не позволено было подбивать простолюдинамъ сапоги острыми гвоздями,

дабы не портить половъ. Писанную бумагу, лоскутья бумажные, поношенное бѣлье велѣно было собирать и отправлять на бумажныя фабрики. И много, много другихъ мелочей шло черезъ голову Петра Великаго.

XIII.

Съ появленіемъ на горизонтѣ Швеціи Карла, Петру пришлось быть очень внимательнымъ ко всему, что дѣлается союзниками. Поэтому онъ отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій внѣ Россіи, дабы самому лично все видѣть и знать. И дѣйствительно, многое ему пришлось подтянуть, исправить и поставить на надлежащую позицію. Прежде всего, царь выразилъ свое негодованіе правителямъ Данцига, которые, вопреки его приказанію, не прекратили сношеній съ Швеціей, и потребовалъ контрибуціи, въ противномъ случаѣ грозилъ угостить «желѣзными пилюлями».

Изъ Данцига Петръ отправился въ Штеттинъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ. Зная страсть послѣдняго къ рослымъ солдатамъ, Петръ подарилъ королю сотню отборныхъ великановъ, которые положили основу русскому поселенію, и донынѣ существующему около Берлина.

По дорогѣ царь имѣлъ свиданіе и съ датскимъ королемъ, побуждая его къ высадкѣ въ Швеціи. При этомъ Петръ принималъ начальство и надъ соединеннымъ флотомъ и надъ всѣми войсками. Такая высадка въ Швецію имѣла тѣмъ большій интересъ, что дѣла Карла въ Швеціи были

слишкомъ плохи и такимъ случаемъ нужно было пользоваться, чтобы прекратить уже слишкомъ продолжительную и слишкомъ кровопролитную войну.

Находясь за границей въ настоящій разъ, Петръ также не упускалъ случая чѣмъ-нибудь воспользоваться для Россіи. Теперь онъ обратилъ вниманіе на науки и искусства. Онъ очень радъ былъ познакомиться съ Лейбницемъ и много бесѣдовалъ съ нимъ по научнымъ предметамъ. Въ Парижѣ царь нанялъ для Россіи архитектора, ваятеля и литейщика, графа Растрелли, а также знаменитаго архитектора Леблона. Трудамъ Растрелли Петербургъ обязанъ постройкой Зимняго дворца, Царскосельскаго, Петергофскаго и Стрѣльнинскаго дворцовъ.

Между тѣмъ, обстоятельства опять звали царя на поле битвы. Пріѣхавъ къ флоту, которымъ теперь командовалъ царь, онъ замѣтилъ, что датчане очень неохотно поддерживаютъ войну и нужно было большія употребить усилія, чтобы заставить ихъ выполнить то одно, то другое требованіе.

Занимаясь военными дѣлами, царь не забывалъ и мирныхъ. Будучи въ Голландіи, онъ не упускалъ случая нанять для Россіи офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ и отправлялъ ихъ въ Россію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ закупалъ предметы художествъ и ремеслъ, модели, машины и проч. нужные предметы. И въ настоящій разъ царь держался больше простого люда, изучая его нравы и обычаи и пользуясь всѣмъ, что можно было позаимствовать. Онъ снова работалъ на верфяхъ Остъ-Индской компа-

ніи и очень былъ радъ повидаться со своими прежними друзьями. Побывавъ у старика профессора Рюйма Петръ купилъ у него анатомическій кабинетъ за 30,000 гульденовъ. Кромѣ того, царь пріобрѣлъ минцъ-кабинетъ, кабинетъ по отдѣлу естествознанія, много картинъ и проч.

Изъ Голландіи царь отправился во Францію. Здѣсь онъ обратилъ особое вниманіе на строй и обученіе войскъ. Вообще ко всѣму французскому царь относился довольно подозрительно и не съ особеннымъ расположеніемъ. Это ему, однако, не помѣшало изучить Парижъ и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ можно было, для Россіи. Французовъ поражали простота, пытливый умъ и мѣткія замѣчанія русскаго царя. Людовикъ XV былъ въ то время еще семи лѣтъ и Франція управлялась регентомъ. При обмѣнѣ визитами, по обычаю, Петра встрѣтилъ у кареты король. Петръ взялъ его на руки, поцѣловалъ и на рукахъ внесъ во дворецъ.

— Теперь у меня на рукахъ вся Франція, смѣясь, замѣтилъ Петръ, неся малолѣтняго короля.

Король произнесъ заученную рѣчь.

— Дай вамъ Богъ, государь, счастливаго и славнаго царствованія...

— Быть можетъ, мы будемъ нѣкогда полезны другъ другу,—отвѣтилъ царь.

Въ Парижѣ царь посѣтилъ домъ инвалидовъ, арсеналъ, литейный дворъ, фабрику гобеленовъ, зеркальный заводъ, ботаническій садъ, коллегіумъ Мозарини, ученыя, благотворительныя и военныя учрежденія. Въ домѣ инвалидовъ, заставъ ихъ за обѣ-

домъ, Петръ выпилъ за ихъ здоровье стаканъ вина. Посѣтилъ царь также Версаль Фонтенебло, Сенъ-Дени, Тріанонъ и проч. Усердно царь изучалъ механизмъ и устройство водопроводовъ и по образцу Марселя устроилъ у себя фонтанъ въ Петергофѣ. Когда ему предложили въ Сорбонѣ принять на себя иниціативу великаго дѣла возсоединенія восточной и западной церквей, то Петръ заявилъ что, онъ въ духовныя дѣла не вмѣшивается; будетъ же лучше, если члены Сорбоны обратятся по этому поводу къ русскому духовенству. Совѣтъ Петра былъ немедленно исполненъ и получили отвѣтъ, что русское духовенство усердно желаетъ соединенія, но не можетъ рѣшиться на перевороты: сіе великое дѣло слѣдуетъ предоставить волѣ Божіей, ведущей ко благу человѣковъ и матерь всѣхъ христіанъ церковь.

Царь много бесѣдовалъ съ математикомъ Варинвономъ и астрономомъ Пиже и присутствовалъ при глазной операціи Вольгуза. Въ академіи наукъ Петръ собственноручно исправилъ карту Каспійскаго моря. Предварительно царь привѣтствованъ былъ торжественной рѣчью и избранъ почетнымъ членомъ академіи.

Смотря на бюстъ Ришелье царь сказалъ: «Если бы Ришелье былъ живъ, то я отдалъ бы ему полъ царства за то, чтобы онъ научилъ меня управлять другою»,—при чемъ французы добавляютъ, «съ тѣмъ, чтобы, выучившись, отнять у него отданную половину». Будучи въ Парижѣ, Петръ пользо-

вался каждой минутой побольше осмотрѣть и чему нибудь научиться.

Отсюда онъ уѣхалъ въ Спа, гдѣ нѣкоторое время лечился, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучилъ и бальнеологическое дѣло; съ этою цѣлью онъ осмотрѣлъ и Аахенъ,—а пріѣхавши домой, онъ положилъ основу нашимъ бальнеологическимъ курортамъ...

Находясь внѣ Россіи, Петръ вмѣшался въ дѣла Польши и сталъ посредникомъ между королемъ и народомъ. Было много недовольныхъ королемъ и были поводы къ неудовольствію. Для улаженія дѣла созванъ былъ сеймъ. Этому сейму предложены были условія, составленныя царемъ. Всѣ условія были приняты безпрекословно. Сеймъ продолжался всего только семь часовъ и за свое полное согласіе былъ названъ *нѣмымъ* сеймомъ.

Покончивъ съ внѣшними дѣлами, Петръ возвратился съ свой парадизъ, къ своему народу и къ своей семьѣ. Здѣсь предстояли Петру новыя заботы,—заботы о мирѣ выгодномъ, почетномъ и прочномъ. А миръ этотъ предлагалъ никто иной, какъ король шведскій Карлъ XII. Составлялась новая комбинація. Король предлагалъ Петру не только миръ, но и союзъ противъ его враговъ. Предстояли переговоры, весьма важные и щепетильные. Договаривающіяся стороны слишкомъ расходились въ предлагаемыхъ условіяхъ мира, Россія требовала оставленія за собою всего завоеваннаго ею до послѣдняго момента войны, а равно и занятаго союзниками. Швеція требовала возврата всѣхъ занятыхъ земель и, кромѣ

того, союза противъ прежнихъ царскихъ союзниковъ. Какъ видите, исходныя точки мира чрезвычайно далеко отстояли одна отъ другой. Представителемъ Россіи былъ знаменитый впослѣдствіи Остерманъ, представителемъ Швеціи—Герцъ. Наконецъ, сговорились. Швеція сдѣлала маленькую уступку: она отдавала Россіи всѣ остзейскія земли и весь Балтійскій берегъ отъ Курляндіи до Выборга, Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и въ Финляндіи Кексгольмъ. Россія за это прекращала войну, возвращала Швеціи плѣнныхъ и обѣщала различныя торговыя льготы. Такимъ образомъ Петръ взялъ не только все то, что намѣтилъ въ своемъ умѣ, приступая къ войнѣ, но и больше того...

Карлъ и Петръ обмѣнялись любезностями; Петръ отпустилъ къ Карлу Рейншильда,—Карлъ отпустилъ къ Петру Головина и Трубецкого.

Видя свободу дѣйствій со стороны русскихъ, Карлъ со всей энергіей кинулся на Норвегію. Онъ осадилъ Фридрихсгалмъ и Фридрихсгафенъ. Дѣла его начали вновь идти недурно. Но это была улыбка счастья передъ смертью. Подъ Фридрихсгафеномъ Карлъ XII былъ убитъ картечью. Такъ скончался великій воинъ, на 37 г. жизни. Узнавъ о смерти противника, Петръ невольно произнесъ:

«Братъ мой Карлъ! какъ мнѣ жаль тебя»!

Такъ скончался геній, но только *военный геній.*

XIV.

Мы приступаемъ къ одному изъ мрачныхъ моментовъ въ исторіи Россіи и самому тяжелому въ жизни Великаго Петра. Мы приступаемъ къ исторіи суда царя надъ намѣстникомъ престола, отца надъ сыномъ. Какъ каждый изъ насъ желалъ бы, чтобы этого момента не было!... Но онъ былъ. Въ этой коротенькой исторіи отца съ сыномъ воплотилась исторія борьбы стараго съ новымъ, Россіи древней и Россіи новой...

Царь Петръ I названъ Великимъ. Однако, гдѣ тѣ великія дѣянія, гдѣ тѣ великія произведенія ума, творчества, искусства, фантазіи и рукъ... кои дали право назвать его Великимъ?... Былъ ли это инженеръ, поэтъ, математикъ, теологъ, медикъ, натуралистъ, коммерсантъ, архитекторъ, художникъ? Оставилъ онъ намъ свои печатныя книги, произведенія пера, кисти, рѣзца?... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Чѣмъ же онъ великъ? Что онъ создалъ и что оставилъ послѣ себя? Только Россію... Россіи не было и Россія стала. Была Московія и не стало Московіи. На ея мѣсто зародилась и выросла Россія... Петръ сказалъ, да будетъ! И бысть...

Въ самомъ дѣлѣ, что такое была Россія до Петра? Страна, на счетъ которой пробавлялись всѣ сосѣдніе народы. Это была сила, но сила скрытая, Это былъ, такъ сказать, лятентный потенціалъ... Явился Петръ и вызвалъ къ жизни сокровенное.

Пробудилъ сонное, вдохнулъ дыханіе жизни и далъ душу живую мощному, но сонному колоссу... Нѣтъ слова, подвигъ великій. Подвигъ титана. Подвигъ великаго генія. Таковымъ Петръ и былъ.

Но создавая новое, ему пришлось разрушать, исправлять, передѣлывать, перестраивать старое. И при томъ все, все старое отъ верхну до низу, отъ великаго до малаго, отъ царя до пастуха...

Мы могли бы безконечно восторгаться величіемъ дѣяній Петра и все таки не изобразили бы во всей полнотѣ, блескѣ, достоинствѣ всего того, что онъ совершилъ. Петръ, однако, совершилъ все то, что задумалъ, и совершилъ одинъ...

Но, созидая, онъ разрушалъ. А разрушая, онъ нарушалъ цѣлость прежняго... Онъ дѣлалъ больно всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ соприкасался. Онъ нарушалъ неприкосновенность, покой, благополучіе, интересы, силы, благосостояніе, права и достоинство всѣхъ, къ кому онъ прикасался... Онъ дѣлалъ всѣмъ непріятное. Онъ дѣлалъ всѣмъ ущербъ. Онъ дѣлалъ всѣмъ зло. Онъ касался интересовъ умственныхъ, политическихъ, общественныхъ, финансовыхъ, семейныхъ, нравственныхъ и духовныхъ... и всюду дѣлалъ людямъ все больно и больно... Могутъ ли такого дѣятеля любить! Никоимъ образомъ. Такихъ людей ненавидятъ...

Въ самомъ дѣлѣ, кого только не затронулъ Петръ?... Онъ требовалъ, чтобы царскій сынъ былъ первымъ работникомъ въ государствѣ и на пользу государства. Онъ тре-

бовалъ, чтобы царская семья была первою семьею въ государствѣ и принадлежала государству. Онъ ограничилъ права высшаго духовенства и потребовалъ, чтобы остальное духовенство состояло изъ людей, образованныхъ, нравственныхъ и примѣрныхъ. Онъ наложилъ на людей, составлявшихъ первые чины государства, наиболѣе тяжелые труды. Онъ жестоко преслѣдовалъ лихоимство, мздоимство, казнокрадство и проч. подобныя дѣянія...

Петръ отнималъ дѣтей отъ благородныхъ семействъ и посылалъ ихъ къ басурманамъ на обученіе. Петръ потребовалъ вывоза въ общество женъ и дочерей. Петръ заставлялъ всѣхъ помѣщиковъ служить и учиться подъ опасеніемъ лишенія состоянія. Петръ уничтожилъ и разсѣялъ стрѣлецкіе полки, лишивъ ихъ правъ и привилегій. Петръ создалъ новые полки, заставляя ихъ учиться и быть въ постоянномъ движеніи. Петръ велъ безконечныя войны, отнимая молодыхъ людей для войска, а средства для содержанія флота и войска бралъ у того же общества. Петръ рѣзко и неожиданно нарушилъ русскую старину и лишилъ образа Божія, отрѣзавъ бороды и лишивъ исконнаго русскаго наряда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Петръ заставлялъ дружиться съ иновѣрцами, еретиками и басурманами... Словомъ, мы спросимъ себя: гдѣ были довольные Петромъ и гдѣ недовольные? Довольными могли быть только сподвижники Петра и очень очень небольшая группа мыслящихъ людей,—недовольными—всѣ остальные. Это внутреннее

недовольство, распространяясь потокомъ во всемъ старомъ и невѣжественномъ, но потерпѣвшемъ, обществѣ, должно было искать себѣ защиту и охрану въ силѣ и представительствѣ. Охраною и поддержкою являлась сила стрѣлецкая, а затѣмъ и донская,—а представительство свило себѣ гнѣздо въ самой царской семьѣ, въ лицѣ царевны Софіи, царицы Евдокіи и проч. Но со всѣмъ этимъ Петръ успѣлъ управиться. Онъ сломилъ силу и развѣнчалъ представительство. Невѣжество и старинные предразсудки смирились. Смирились и затихли, но не замерли. Не имѣя возможности совладать съ Петромъ, старина рѣшила воспитать его сына, наслѣдника и преемника престола въ духѣ старины, съ любовью и преданностью всему старому и съ ненавистью и озлобленіемъ ко всему новому. А не станетъ Петра, взойдетъ Алексѣй и царству новшествъ будетъ конецъ. Задумано было хитро и приводилось въ исполненіе задуманное твердо, настойчиво и послѣдовательно. Какъ увидимъ, старина достигла своего и воспитала себѣ достойнаго наслѣдника...

Царь Петръ женился на Евдокіи Лопухиной 17 лѣтъ. Въ 18 лѣтъ у него родился сынъ Алексѣй. Занятому выше головы различными дѣлами, Петру было не до семьи и не до сына. На то была мать и воспитатели. Первые годы жизни царевичъ Алексѣй провелъ подъ особеннымъ надзоромъ сперва своей бабки, царицы Натальи, а затѣмъ своей матери, царицы Евдокіи. И та и другая обожали мальчика и

страшно баловали. Но мы знаемъ, что все семейство царское было окружено стрѣльцами, старовѣрами и ханжами, непріязненно смотрѣвшими на дѣла царя и его нововведенія. Во всѣхъ его дѣяніяхъ усматривали потворство басурманству, разрушеніе православія и введеніе нѣмецкихъ нравовъ и обычаевъ. Изъ этого источника развивались и разростались возстанія и здѣсь таились ростки бунта и попытокъ къ государственнымъ переворотамъ. Многіе изъ приближенныхъ явно не осмѣливались приставать къ бунту, они на видъ повиновались велѣніямъ царя, но рядомъ съ этимъ они тайно осуждали царя, говорили о гибели, которую онъ готовитъ Россіи, роптали и оправдывали бунты и буйство. Царевичъ Алексѣй первыя восемь лѣтъ провелъ именно въ такой средѣ. Въ его юной головкѣ съ первыхъ дней сознательной жизни укладывались рѣчи порицанія и жалобы на дѣянія отца. А воспитаніе царевича шло въ нѣгѣ, потворствѣ, бездѣльи и среди предразсудковъ, освѣщаемыхъ безразсудною любовію матери.

Царевичъ Алексѣй былъ мальчикъ не большихъ дарованій, лѣнивый, безпечный, не терпѣвшій ученія и воинскихъ занятій, ненавидѣвшій нѣмцевъ—друзей отца и бывшихъ виновниками всѣхъ несчастій въ государствѣ.

Напрасно царь бралъ съ собою сына въ лагерь, путешествія, походы и пріучалъ къ воинскимъ и огненнымъ потѣхамъ. Это нисколько его не занимало и не привлекало. Всѣ полученныя впечатлѣнія быстро сгла-

живались изъ ума царевича, какъ только онъ возвращался къ матери и ея приближеннымъ. Царь приказалъ начать обученіе сына. Начали, но ученье шло неудачно. Царевичъ былъ слабъ. И за этою слабостью хоронили и его лѣнь, и его не охоту къ ученью, и ого неуспѣхи.

Послѣ возвращенія изъ перваго путешествія за границу, царь увидѣлъ, что кромѣ дурного вліянія матери на сына въ дѣлѣ обученія, оно отразилось и въ нравственномъ вліяніи на него. Петръ надѣялся все это уничтожить и искоренить. Но время было потеряно. Сѣмя пало на почву добрую, пустило крѣпкіе корни и начало давать должные ростки. Первыя впечатлѣнія, первыя представленія и первыя понятія рѣзко и глубоко отпечатались въ душѣ ребенка. Алексѣю было тогда 10 лѣтъ. Удаленіе матери запечатлѣло въ немъ сильное негодованіе.

Въ замѣнъ крѣпкаго и сильнаго ума, въ мальчикѣ вспыхнули сильныя страсти. У него возгорѣлась ненависть не только ко всѣмъ дѣяніемъ отца, но и къ виновнику ихъ—отцу. Воспитанный женщинами и не имѣвшій личныхъ способностей настолько, чтобы своими силами освободиться отъ всего, ими навѣяннаго, Алексѣй усвоилъ отъ нихъ скрытность и притворство. Рядомъ съ этимъ противники царя и приближенные его матери и тетокъ успѣли въ царевичѣ вселить идею, что Богъ налагаетъ на него долгъ и назначеніе разрушить всѣ бусурманскія нововведенія отца и возвратить Россіи православіе, отомстить за мать и искоренить

окаянныхъ нѣмцевъ. Всѣ эти совѣтники всѣми силами старались заглушить и искоренить въ царевичѣ всякія мысли, могущія когда либо и въ чемъ либо оправдать отца.

Напрасно царь удалилъ отъ царевича прежнихъ его приближенныхъ. Было уже поздно. Да и вѣрныхъ, пригодныхъ людей было найти трудно. Приставленный къ царевичу нѣмецъ Нейгебауеръ оказался бездѣльникомъ, котораго пришлось выслать изъ предѣловъ государства. Назначенъ былъ Гизенъ. Самъ царь слѣдилъ за воспитаніемъ сына. Вмѣстѣ съ образованіемъ онъ хотѣлъ пріохотитъ его къ военной, морской и государственной дѣятельности. Бралъ царь сына часто и на войну. Поручалъ ему разныя дѣла, присутствіе въ боярской думѣ и въ засѣданіяхъ разныхъ коммиссій.

Но всѣ старанія отца были напрасны. Зло овладѣло имъ вполнѣ и всецѣло. Всѣ пріемы отца имѣли отрицательное воздѣйствіе. Вскорѣ Гизенъ былъ назначенъ къ другому дѣлу, а царевича окружили сообщники матери, приверженцы старины, враги новшествъ и суевѣры. Царевичъ пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія, говорилъ по нѣмецки,— но ученія терпѣть не могъ и просвѣщенію не сочувствовалъ.

Къ обычной подозрительности, недовѣрію и озлобленію противъ царя присоединился новый поводъ—женитьба царя на Екатеринѣ. Между царемъ и его сыномъ лежала непроходимая пропасть, мостъ черезъ которую составляли, съ одной стороны, снисходительность, терпѣніе, желаніе добра и ожиданіе исправленія,—а съ другой—

притворство, хитрость, лицемѣріе и внѣшнее смиреніе.

Неровный характеръ Петра, его вспыльчивость, иногда страшный гнѣвъ еще болѣе ожесточали сына, отдаляли отъ отца и заставляли въ тиши хитрѣе и крѣпче ковать ковы. Будучи нерѣдко неумѣренъ въ винѣ, царевичъ иногда не сдерживалъ себя и просказывалъ свои сокровенныи мысли по отношенію къ отцу; а мысли эти были далеко не невиннаго свойства. Часто онъ просказывалъ намѣренія, нарушавшія долгъ сына и обязанности вѣрноподданнаго.

Послѣ полтавской битвы, казалось, между отцомъ и сыномъ состоялось примиреніе. По крайней мѣрѣ, отецъ искренно тому радовался и предложилъ сыну заграничное путешествіе, какъ съ цѣлью образовательною, такъ и для розыска невѣсты. Невѣста была найдена. Бракъ заключенъ. Царь надѣялся, что царевичъ исправится. Ему порученъ былъ надзоръ за войсками, стоявшими въ Помераніи. Ожиданія царя не оправдались. Царевичъ кутилъ, велъ несдержанную жизнь, а по отношенію къ супругѣ проявлялъ видимое нерасположеніе и презрѣніе. Пріѣхалъ Петръ. Сильно онъ разгнѣвался на сына, но гнѣвъ дѣлу не помогъ. Правда, наружное смиреніе и внѣшнее примиреніе между супругами состоялось, но внутренняя вражда, озлобленіе и ненависть тѣмъ болѣе усилились.

По возвращеніи на родину, царевичъ увлекся какою то чухонкою и жилъ съ нею не скрываясь. Прежній образъ жизни не прерывался. Не желая производить явнаго

скандала, супруга наслѣдника русскаго престола продолжала жить при немъ, хотя жизнь ея тянулась не долго. Черезъ четыре года послѣ замужества ея не стало.

Царь явно видѣлъ, что въ царевичѣ онъ не найдетъ себѣ достойнаго продолжателя всѣхъ своихъ начинаній, а напротивъ, явнаго и открытаго врага и противника. Мало того, въ немъ оскорбляли царя пріемы, недостойные прямого человѣка.

Потерявъ вѣру въ исправленіе, царь запретилъ сыну являться къ нему на глаза. Царевичъ поселился на дачѣ въ Ижорѣ, въ Петербургъ не показывался, а проводилъ дни и ночи въ кутежахъ, и въ буйныхъ оргіяхъ со служителями и простолюдинами, ибо никто изъ порядочныхъ людей не хотѣлъ посѣщать его. Только изрѣдка тайкомъ враги Петра проникали къ царевичу и поддерживали его въ идеяхъ мести отцу и гибели всему имъ содѣянному.

Похоронивъ невѣстку, Петръ между прочимъ, написалъ сыну письмо, въ которомъ онъ прежде всего говоритъ о тѣхъ результатахъ, которые дала шведская война, и о той славѣ и величіи, которыми вознесена была черезъ это Россія, а затѣмъ продолжаетъ:

— Но если я смотрю на то, что должно послѣ меня быть, то не столько радости въ настоящемъ, сколько печали и скорби въ будущемъ чувствую, ибо ты, сынъ мой, отвергаешь все, что можетъ учинить тебя царемъ достойнымъ. Не можешь ты извинить себя недостаткомъ ума и слабостью тѣла. Упрямая воля твоя отвергаетъ даръ

Божій. Ты не хочешь изучить науки военной, но можно ли быть царю не воину? Воины безъ причины вести не должно, но и царствовать нельзя безъ познаній воинскихъ, ибо они суть охраненіе и защита государствъ. Не довольно царю имѣть искусныхъ полководцевъ, но ему самому надобно руководить ими. Царь примѣръ подданнымъ. Какъ, не зная основаній какого либо дѣла, можешь ты указывать другимъ? А для всякаго познанія воля и охота потребны паче силъ... Обрати вниманіе на мои слова и разсуди о нихъ. Я человѣкъ и подлежу смерти. Кому же оставлю насажденіе мое, уже отчасти, при помощи Божіей, возрастающее? Тебѣ, когда ты рабъ лѣнивый, закопавшій талантъ свой въ землю? Знаю злой и упрямый твой нравъ. Сколько разъ я тебя бранивалъ, и даже бивалъ, и вотъ уже сколько лѣтъ почти не говорю съ тобою, но все безполезно. Ты ведешь жизнь безпечную, не думая о томъ, что изъ того будетъ... Пишу тебѣ послѣдній разъ, внимай мою послѣднюю волю: хочу еще не много ждать, не обратишься ли ты на добро, но мое рѣшеніе уже принято и при дальнѣйшемъ упорствѣ твоемъ я отрѣжу тебя, какъ членъ, антоновымъ огнемъ пораженный, и лишу тебя наслѣдства. Не думай, что ты у меня одинъ сынъ и что я только стращаю тебя. Клянусь тебѣ Богомъ, что слово мое исполню. За мое отечество и людей моихъ я не жалѣлъ и не жалѣю живота моего, то могу ли тебя, непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный.

Царевичъ отвѣчалъ на это слѣдующее.

«На письмо ваше, родитель мой, ничего донести не могу, кромѣ того, что если вамъ угодно лишить меня наслѣдства, будь воля ваша. Даже прошу тебя о томъ, ибо вижу себя непотребнымъ, лишеннымъ памяти и отъ разврата ослабѣвшимъ душевными и тѣлесными силами. Для правленія царствомъ потребенъ не такой, какъ я, гнилой человѣкъ. Дай Богъ вамъ здоровья, по кончинѣ вашей я престола искать не буду, въ чемъ я даю вамъ Бога порукою».

Въ дальнѣйшемъ письмѣ своемъ царевичъ Алексѣй изъявляетъ желаніе принять монашескій чинъ.

Царь Петръ давалъ царевичу полгода на размышленіе; но Алексѣй продолжалъ прежній образъ жизни. Въ это время Петръ находился въ Копенгагенѣ. Царевичъ написалъ, что онъ ѣдетъ къ царю въ Копенгагенъ. Однако, вмѣсто Копенгагена, царевичъ очутился въ Вѣнѣ, гдѣ просилъ императора принять его подъ свою защиту и покровительство отъ отца, который желаетъ лишить его престола, засадить въ монастырь и даже лишить жизни. Императоръ пріютилъ царевича и скрылъ его въ Тиролѣ; царю же Петру отвѣчалъ, что царевича въ предѣлахъ его имперіи нѣтъ.

Однако, агенты Петра выслѣдили царевича. Тогда императоръ перевелъ царевича въ Неаполь, въ замокъ св. Эльма, гдѣ его русскіе агенты тоже выслѣдили. Тогда царь рѣшительно потребовалъ отъ императора выдачи сына,—царевичу же писалъ, что проститъ его, если тотъ возвратится съ покор-

ностію. Царевичъ рѣшилъ ѣхать на родину, при чемъ не захотѣлъ даже заѣхать къ императору поблагодарить его за пріютъ.

Царевича привезли въ Москву, гдѣ царь рѣшилъ судить его за послѣдній поступокъ. Въ кремлевскій дворецъ собрались духовенство, чиновники и почетные люди. Среди нихъ былъ самъ царь. Ввели царевича. Онъ упалъ на колѣни предъ отцомъ, подалъ повинную и умолялъ о помилованіи. Царь спокойно заявилъ, что сдержитъ свое слово и жизнь ему сохранитъ,—но помилованіе можетъ быть искуплено только чистосердечнымъ признаніемъ, открытіемъ всѣхъ своихъ замысловъ и участниковъ въ его позорномъ бѣгствѣ.

«Милуя тебя, мы объявляемъ тебя уже недостойнымъ престола и, какъ ты самъ уже отрекался отъ него, лишаемъ тебя наслѣдія властью царскою и отцовскою и передаемъ наслѣдство престола брату твоему, царевичу Петру».

Алексѣй отвѣчалъ, что онъ покоряется волѣ своего родителя и государя, признавая вполнѣ его правосудіе и свое недостоинство. Послѣ этого Алексѣй подтвердилъ свое отреченіе публичною присягою.

За симъ изданъ былъ особый манифестъ объ отреченіи отъ наслѣдія престоломъ царевича Алексѣя и о назначеніи наслѣдникомъ царевича Петра.

Назначена была особая коммиссія для разслѣдованія дѣла. Отецъ при этомъ писалъ сыну:

«Говори сущую правду, какъ на исповѣди. Всякая ложь и укрывательство со-

ставляетъ вину твою и тогда обѣщаемое тебѣ прощеніе будетъ не въ прощеніе».

При первыхъ же вопросахъ царевичъ выдалъ нѣкоторыхъ участниковъ и при этомъ заявилъ, что причиною побѣга былъ страхъ отцовскаго наказанія; но никогда не мыслилъ онъ возставать противъ отца и возмущать царство, располагая только прожить въ чужихъ земляхъ до кончины отцовской. У императора онъ просилъ только убѣжища, хотя его и принудили въ Вѣнѣ написать письма къ сенаторамъ и духовенству, которыя писалъ онъ прямо на бѣло, и, насколько помнитъ содержаніе ихъ, письма сіи заключали въ себѣ извѣстіе о немъ, безъ всякаго возмутительнаго предлога. Кромѣ того, царевичъ заявилъ, что онъ не зналъ ни о чьихъ замыслахъ противъ царя и что его никто не подготовлялъ къ злоумышленію и побѣгу.

Слѣдствіе, однако, показало, что были подговорщики, были и злые совѣтники. Ему говорили, что если его постригутъ въ монахи, то это постриженіе будетъ не по доброй волѣ и потому не дѣйствительнымъ, почему въ послѣдствіи онъ можетъ сложить съ себя клобукъ и уничтожить всѣ сдѣланныя отцомъ распоряженія. Его уговорили бѣжать къ германскому императору, просить его помощи, вернуться съ войсками въ Россію и тогда возстанутъ и пристанутъ къ нему многіе и окажутъ помощь. Наконецъ, многіе изъ духовенства утверждали его въ упорствѣ противъ воли отца и въ ненависти къ отцу, даже на исповѣди внушая ему богопротивныя мысли, при

чемъ царевичъ былъ намѣренъ по вступленіи на престолъ, при жизни, или по смерти отцовской, погубить казнью главныхъ его сподвижниковъ и возстановить въ Россіи прежніе обычаи.

Спустя нѣкоторое время, послѣ раскрытія всего сказаннаго, царевичъ сознался, что онъ писалъ изъ-за границы возмутительныя письма сенату и духовенству и дѣлалъ это по собственному почину и побужденію.

Въ дальнѣйшемъ открылось, что предпріятія и замыслы царевича знала и поощряла мать его, бывшая царица Евдокія и тетка, царевна Марія Алексѣевна. Всѣ эти дѣла поддерживались и подкрѣплялись ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ и другими лицами.

По открытіи дѣла участники были казнены, царевичъ же былъ перевезенъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ преданъ суду духовенства и чиновъ государственныхъ.

Оба суда приговорили виновнаго къ смертной казни. Царевича посадили въ крѣпость. Здѣсь царевичъ умеръ въ тотъ же день, повидимому, отъ принятаго имъ яда на 28 году жизни...

Безпредѣльно грустно и тяжело приниматься за анализъ этого въ высокой степени мрачнаго факта, являющагося единственнымъ пятномъ въ жизни великаго человѣка.

Отецъ подымаетъ руку на сына. Царь подымаетъ руку на наслѣдника престола... Явленіе необыкновенное и выходящее изъ обычныхъ свойствъ, присущихъ человѣче-

скимъ существамъ. Требуются слишкомъ сильные и чрезвычайные мотивы для столь выходящаго изъ ряда вонъ факта.

Мнѣ, какъ человѣку, весьма пріятно, что въ числѣ мотивовъ, побудившихъ Петра наложить руку на сына, нѣтъ ни одного личнаго и эгостическаго. Единственнымъ личнымъ мотивомъ къ лишенію наслѣдія престоломъ Алексѣя со стороны Петра— было бы желаніе передать это наслѣдіе второму своему сыну, отъ любимой жены, Петру. Но это предположеніе совершенно не выдерживаетъ критики. Находясь подъ Прутомъ въ безвыходномъ положеніи, Петръ предписываетъ Сенату избрать себѣ царя достойнѣйшаго изъ себя. Уже въ то время царь считалъ Алексѣя негоднымъ для царствованія. Онъ не дѣлаетъ завѣщанія сыну наслѣднику, ибо онъ не считаетъ его наслѣдникомъ. Второго же сына у Петра тогда не было. Не могъ онъ имѣть въ виду передачу престола Екатеринѣ, ибо въ то время она была вмѣстѣ съ Петромъ и, слѣдовательно, подвергалась съ нимъ одинаковой участи. Такимъ образомъ, въ дѣяніяхъ Петра по отношенію къ Алексѣю личный элементъ совершенно устраняется. Петръ дѣйствовалъ по отношенію къ Алексѣю не какъ отецъ по отношенію къ сыну, а какъ царь по отношенію къ наслѣднику престола. Тѣмъ сильнѣе преклоняешься предъ величіемъ души человѣка, заставляющаго заглохнуть чувства отца предъ величіемъ чувства любви къ созданной имъ монархіи.

Въ лицахъ Петра и Алексѣя представлялось олицетвореніе молодого и стараго,

возрожденной Россіи и старой Руси, просвѣщенія и невѣжества, мощи и немощи, добра и зла.

Отдавъ всю свою геніальную жизнь на пересозданіе государства, сознавая всю мощь самодержавія, полную возможность пересоздать не только къ худшему, но и къ лучшему въ возвышенномъ смыслѣ слова, Петру предстояла дилемма: сынъ или царство. Ему предстояло выбрать или лишиться сына и сохранить величіе, силу и мощь Россіи,—или оставить престолъ сыну и погубить обновленную и возсозданную Россію. Обыкновенный человѣкъ едва ли бы колебался въ выборѣ. Чувства отца слишкомъ велики въ человѣкѣ. Но душевныя движенія генія иныя, чѣмъ обычнаго человѣка. Любовь генія къ своему созданію превышаетъ любовь общечеловѣческую, и потому Петръ предпочелъ любовь къ созданной имъ Россіи любви къ наслѣдному сыну, могущему разрушить его созданіе. Разумѣется, этотъ перевѣсъ дается не безъ борьбы, и тѣмъ большая цѣна и дань уваженія и преклоненія отдается человѣку, умѣвшему заглушить въ себѣ чувства отца передъ долгомъ къ отечеству и человѣчеству.

XV.

Со смертью Карла XII и съ восшествіемъ на престолъ слабой Ульрихи Элеоноры можно было ожидать, что проектированный миръ со Швеціей будетъ немедленно заключенъ, такъ какъ Швеція была исто-

шена до крайнихъ предѣловъ и вести войну далѣе была совершенно не въ силахъ. Такъ могъ разсуждать каждый недальновидный человѣкъ,—но не такъ разсуждалъ Петръ. Царь, напротивъ, съ этого момента сталъ усиленнѣе готовиться къ войнѣ со Швеціей и былъ совершенно правъ. Какъ вездѣ и всегда, въ Швеціи было двѣ партіи: партія Карла и партія его противниковъ. Карлъ умеръ, верхъ одерживала партіе его противниковъ. Карлъ желалъ съ Россіей мира, его противники объявили войну. Но этого было мало. Всѣ союзники Петра, а равно и враждебныя государства увидѣли, что Петръ своею сѣверною войною пріобрѣлъ отъ Швеціи столько, сколько никто не могъ и воображать. Мало того. Съ этого момента Россія становилась державой сильной и могущественной, съ нею приходилось считаться и было бы очень недурно сдѣлать ей, тѣмъ или другимъ способомъ, нѣкоторое кровопусканіе. И вотъ всѣ друзья и враги Швеціи, разумѣется, за извѣстный гонораръ, предложили ей свою помощь и услуги. Такъ какъ Швеція, при всемъ требуемомъ новыми союзниками возмездіи, теряла все таки меньше, чѣмъ отдавала одной Россіи, то воинствующая Швеція склонилась къ поддержанію новыхъ союзовъ и въ пользу войны съ Россіей. А такихъ союзниковъ было не мало: Англія, Франція, Германія, Пруссія, Ганноверъ, Данія, Польша и т. д.

По истинѣ понятна иронія, высказанная въ это время однимъ изъ шведскихъ сенаторовъ, Горномъ: «Бѣдный царь, посмотри-

те, сколько государей противъ него вооружилось! Съѣдятъ они его»!... Однако, благодаря Бога, у всѣхъ этихъ акулъ зубы были слишкомъ тупы. Напротивъ, и на морѣ, и на сушѣ Россія приносила Швеціи жестокій уронъ, а союзники ограничивались одними только прогулками и не рѣшались вступать въ болѣе реальныя столкновенія съ русскимъ колоссомъ...

Ведя опустошительную для Швеціи войну, Петръ не забывалъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ это время онъ старался утвердить союзъ съ Франціей и вполнѣ правильно понималъ, что этотъ союзъ выгоденъ одинаково, какъ для Франціи, такъ и для Россіи.—Разстроивъ жестоко свое здоровье, царь сознавалъ существенную необходимость въ леченіи минеральными водами. Но, въ виду военныхъ дѣйствій, онъ не хотѣлъ ѣхать ни въ Карлсбадъ, ни въ Спа, а поѣхалъ на свои олонецкія желѣзныя воды. Пробывши тамъ шесть недѣль, царь получилъ значительное облегченіе и приказалъ опубликовать по всей имперіи о пользѣ, получаемой отъ леченія олонецкими желѣзными водами предпочтительно передъ подобными же заграничными водами. Въ первый разъ Петръ лечился на этихъ водахъ въ 1719 г. и,—получивъ отъ нихъ облегченіе, онъ повторилъ курсъ леченія въ 1724 г. и съ такою же пользою.

Но, въ то время, какъ союзъ съ Франціей шелъ на ладъ, разстраивались отношенія съ Германіей. Петръ былъ недоволенъ императоромъ по дѣламъ Турціи и дѣломъ съ царевичемъ,—императоръ въ свою очередь

проявлялъ неприличныя отношенія къ русскому царю и дошелъ до того, что выслалъ русскаго посла. Противъ этого царь протестовалъ и въ возмездіе выслалъ изъ Россіи іезуитовъ, покровительствуемыхъ императоромъ.—За то отношенія къ Польшѣ стали значительно лучше, при чемъ Петръ старался возможно больше обласкать посланныхъ гостей изъ Польши.

Воевода Хоментовскій, стоявшій во главѣ посольства, былъ очень доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и въ отпускной аудіенціи разразился слѣдующей рѣчью: «Потомки не повѣрятъ тому, что мы видимъ. Не повѣрятъ они, когда мы передадимъ имъ повѣсть о великихъ дѣлахъ, коими прославилъ себя русскій царь! Чему удивляться въ тебѣ болѣе, государь: полководцу непобѣдимому, или устроителю городовъ, или законодателю мудрому»?...

Какъ ни желала Швеція вернуть отъ Россіи хотя часть забраннаго добра, однако, она только теряла и теряла; а новые союзники отдѣлывались милыми улыбками и похвальбою, за которыя, однако, каждый изъ нихъ что нибудь да тянулъ отъ Швеціи... Поэтому Швеція заключила, наконецъ, съ Россіей миръ на тѣхъ условіяхъ, коп предложилъ еще ранѣе Петръ. Этотъ миръ былъ заключенъ 30 апрѣля 1721 г.

Великую радость доставилъ этотъ миръ и Петру, и Петербургу, и всей Россіи. На церковное торжество по этому поводу къ Троицкому собору собралось несмѣтное число народа. Митрополитъ Стефанъ встрѣтилъ, входящаго во храмъ Петра словами:

«Вниди, побѣдитель и миротворецъ».

По совершеніи молебствія, при громѣ пушекъ и тысячныхъ кликахъ народа, Петръ вышелъ изъ церкви къ народу.

«Здравствуйте и благодарите Бога, православные! Богъ прекратилъ войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, и даровалъ намъ счастливый миръ»!

Поднялись новые клики народа, ружейные выстрѣлы и пушечный грохотъ. Народъ угощенъ былъ на славу,—угощены были и сановники.

Сподвижники Петра получили многія награды и великія царскія милости. Но не осталась, даже и современная, Россія неблагодарною Петру. Сознавая величіе подвиговъ царя, духовенство и чины государственные единодушно положили поднести ему отъ лица всей Россіи *титулъ императора* и имена *Великаго и отца отечества*. Долго царь не соглашался, говоря, что только потомство утверждаетъ царямъ имена *великихъ*, но онъ долженъ былъ сдаться на дѣйствительно искреннюю всеобщую мольбу. Все это было совершено торжественно въ Троицкомъ соборѣ. Въ назначенный день собрались въ соборъ всѣ знатные люди и все высшее духовенство. Когда явился царь, всѣ эти заслуженные люди окружили своего царя и отца. Во главѣ всѣхъ быть канцлеръ Головкинъ, который приблизился къ царю и просилъ его отъ имени всего русскаго государства принять подносимыя народомъ наименованія: *императора, Великаго и отца отечества*.

«Тобой возведены мы изъ небытія въ

бытіе,—твоя отъ твоихъ, достойному—достойное воздаемъ мы», произнесъ Головкинъ. Своды храма огласились кликами: «Да здравствуетъ Петръ Великій, Императоръ всероссійскій, отецъ отечества»!

Эти крики были подхвачены толпою народа, покрывающаго площадь, крѣпость и оба берега Невы, и выстрѣлами изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ, со 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, бѣглымъ огнемъ 29 полковъ, звонъ колоколовъ и звуками литавръ, трубъ и барабановъ...

«Друзья мои, произнесъ растроганный императоръ, убѣдитесь въ томъ, что не я моими слабыми силами, но Богъ все сотворилъ для насъ. Помните, что и теперь ослабѣвать въ средствахъ войны не должно и пользу общую надобно предпочитать свему».

При выходѣ изъ церкви императоръ былъ встрѣченъ привѣтствіемъ и искреннимъ радостнымъ крикомъ народа, сознававшаго счастье, что и онъ можетъ доставить своему царю хотя малѣйшее удовольствіе...

Прошли вѣка съ тѣхъ поръ. Петра не стало. Мы очень далеки отъ него по времени, и только преклоняемся предъ величіемъ его духа и ума. И скажемъ мы теперь совершенно безпристрастно: а развѣ Петръ не заслужилъ всего этого! И думается намъ, что эти подношенія народа русскому своему царю дѣлались тогда не лести ради, а искренно, сознательно и вполнѣ не лицепріятно.

Петербургскія торжества вмѣстѣ съ Петромъ перешли и въ Москву. Но, пируя по-

бѣду, царь обдумывалъ уже новое дѣло. Правда продолжительная война дала Россіи славный почетный миръ и большія пріобрѣтенія. Но Россія была утомлена. Ей нужно было отдохнуть, собраться съ силами и воспользоваться плодами мира. Поэтому царь рѣшилъ заключить и подтвердить мировые союзы со всѣми ейропейскими государями, что ему и удалось.

Теперь очи Петра были обращены на востокъ,—на Азію...

«Помышляя о благѣ народа и земскомъ справедливомъ управленіи, учиняемъ мы коллегіи, т. е. собранія, въ коихъ отымается прежнее самовластіе судей и все производится общимъ сужденіемъ членовъ», — писалъ Петръ. Коллегіи это суть: военная, адмиралтейская, иностранныхъ дѣлъ, коммерческая, восточная, юстицкая, бергъ и мануфактуръ, камеральная, вотчинная и ревизіонная.—Учрежденъ былъ также магистратъ, коему поручались въ хозяйственный надзоръ купечество, торговля, правильное учрежденіе цеховъ и ремеслъ, судъ купеческихъ людей и дѣла ихъ. Въ сенатѣ опредѣленъ генералъ-прокуроръ, «око государево». Учрежденъ былъ чинъ генералъ-ракетмейстера, которому поручалось наблюденіе за производствомъ судебныхъ дѣлъ.

Въ 1722 г. изданъ былъ указъ, по коему избраніе наслѣдника престола зависило отъ воли царствующаго государя, «которому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство и опредѣленнаго можетъ паки отмѣнить». Этотъ указъ былъ тѣмъ болѣе

необходимъ, что и царевичъ Петръ также скончался.

Изданъ былъ «табель о рангахъ», коимъ опредѣлялись всѣ гражданскіе и военные чины, раздѣляясь на 14 классовъ. Слово «знатное дворянство» въ этомъ табелѣ опредѣлялось такъ: «знатнымъ считается тотъ, кто болѣе другихъ въ службу годенъ». Отличіе людей опредѣлялось трудомъ и личными заслугами людей. Несомнѣнно точка зрѣнія совершенно правильная и, при свободѣ печати, сдерживающей личныя злоупотребленія, наиболѣе пригодная и для нашего времени. Форма и выслуга лѣтъ совершенно обезличиваютъ людей, дѣлаютъ ихъ шаблонными и угнетаютъ дарованія и таланты. Весьма печально будущее того общества, гдѣ будетъ царить форма, шаблонъ и выслуга лѣтъ. Его будущее или разложеніе, или взрывъ...

Даны были уставы Святѣйшему Правительствующему Синоду, коллегіямъ, магистрату, военному и морскому вѣдомствамъ. Всѣ уставы Петра отличались простотой, ясностью, подробностями, стараніемъ возвысить умъ новыми идеями, изъяснить каждому его долгъ и предупредить злоупотребленія. Особенное же вниманіе было обращено Петромъ на составленіе военнаго устава. Великій знатокъ военнаго права, генералъ П. О. Бобровскій, *) по этому поводу говоритъ слѣдующее:

«Въ законахъ Петра Великаго поднято

.....

*) *П. О. Бобровскій.* Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, в. III, 1899.

человѣческое достоинство, признана въ немъ личность, независимо отъ званія, которое онъ носитъ, съ правомъ на честь и уваженіе,—и выражена угроза за пренебреженіе къ нему, за опороченіе его словомъ и дѣйствіемъ. Простой солдатъ, рядовой матросъ въ арміи и флотѣ занимаетъ опредѣленное положеніе, какъ слуга отечества, и тѣтъ самымъ пріобрѣтаетъ право на уваженіе къ себѣ государства, на попеченіе о немъ, на его защиту; личность въ самомъ маломъ состояніи становится элементомъ силы и могущества и въ войскѣ и въ государствѣ Петра».

Богатства Азіи давно уже привлекали къ себѣ вниманіе Петра. Прежде всего Петръ послалъ посольство къ китайскому богдыхану. Посолъ былъ очень мило принятъ. На пріемѣ богдыханъ, между прочимъ, говорилъ послу: «Передай мое слово твоему государю. Вотъ слышалъ я, что самъ онъ ходитъ по морямъ и бываетъ въ битвахъ. Но море махина великая и бываютъ на немъ войны большія и страхъ не малый, и легко можно погибнуть: а также и въ бою смерть всегда близка человѣку. Такъ зачѣмъ же ему, бывши государемъ великимъ и имѣя людей достойныхъ, зачѣмъ пускаться самому въ битвы и на море? Онъ долженъ посылать другихъ а самъ пребывать въ покоѣ. Скажи ему, что я такъ ему совѣтую, и еще скажи, что дружбы съ нимъ я никогда не нарушу, да и какъ намъ воевать? Россія государство холодное и далекое. Если я пошлю туда войско, то оно замерзнетъ и погибнетъ. А

вамъ какимъ образомъ воевать съ нами? Наше государство жаркое, а люди ваши къ жару не привыкли... Пошлете ихъ сюда, такъ онѣ всѣ погибнутъ. Сверхъ того, если бы мы другъ у друга что и завоевали, то на что оно намъ? И безъ того у насъ земли велики и пространны»!...

Точка зрѣнія по истинѣ китайская и еще такъ недавно бывшая столь пріятною русскимъ...

Тѣмъ не менѣе, Петра очень мало смутило то, что «Китай страна очень жаркая и русскій народъ къ ней необыклый». Амуръ Петру очень понравился и, проживи онъ долѣе, вѣроятнѣе всего, Сынъ неба познакомился бы съ русскими поближе.

Во всякомъ случаѣ, Азія Петру полюбилась и онъ рѣшилъ прежде всего попытать счастья на Каспійскомъ морѣ. Туда его звали еще раньше. Оттуда дѣлались набѣги, а, главное, тамъ имѣлись соблазнительныя богатства: шелкъ, виноградъ, красильныя вещества и обильныя земли, гдѣ можно было разводить тонкорунныхъ овецъ, лучшія породы лошадей и проч. Наконецъ, азіятскія страны могли служить мѣстами сбыта товаровъ.

Петръ уже раньше задумалъ этотъ походъ въ Персію. Подъ видомъ оказанія помощи персидскому шаху, онъ посылалъ туда своего посла, который въ достаточной мѣрѣ изучилъ Каспійское море и положеніе жителей около лежащихъ мѣстъ. Бывшій посолъ въ Персіи, Волынскій, былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, чтобы постепенно подготовлять походъ.

И вотъ теперь Петръ рѣшилъ лично отправиться на Каспійское море, на первый разъ сдѣлавъ легкую экскурсію до Дербента. Свой походъ императоръ Петръ довольно ясно описываетъ въ своемъ отчетѣ сенату: «Маршъ нашъ былъ не великъ, но только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и отъ великихъ жаровъ. Насъ всюду принимали смирно и съ пріятнымъ лицемъ, хотя сія пріятность явно говорила: что намъ и тебѣ, Іисусе, сыне Давидовъ! Мы даже рады какому-нибудь случаю подраться, а особливо тѣ изъ насъ, кто еще свиста пуль не слыхивалъ. Утемишцы оказались съ нами не учтивы, и за то мы полюбовались фейерверкомъ, отдавая имъ контръ-визитъ. Можемъ сказать, что въ здѣшнихъ краяхъ мы ногу поставили и крѣпкое основаніе на Каспійскомъ морѣ получили»...

Императоръ достигъ того, чего хотѣлъ. Онъ убѣдился, что занятыя русскими области обладаютъ богатствами и завоеваніе западнаго и южнаго Каспія не представляетъ особыхъ препятствій. Равнымъ образомъ онъ усвоилъ себѣ и способъ веденія войны съ жителями данной мѣстности. Было ясно, что вести туда большое войско неудобно и затруднительно. Нужно было ограничиваться занятіемъ укрѣпленныхъ мѣстъ и посадкою тамъ гарнизоновъ съ отрядами казаковъ и легкихъ войскъ, способныхъ состязаться съ горцами. Такимъ образомъ все побережье могло содержаться въ подчиненіи нѣсколькихъ полковъ и немногихъ пушекъ. Оставалось устроить флотъ на Каспіи, а остальное покажетъ будущее.

Въ этотъ знаменитый походъ впервые обслѣдованы были Кавказскія минеральныя воды, которыя, быть можетъ, еще черезъ 200 лѣтъ управленія нашими чиновниками станутъ дѣйствительно дойстойно знаменитыми.—Находясь еще въ Астрахани, императоръ завелъ переговоры съ шахомъ персидскимъ и царемъ грузинскимъ,—съ первымъ объ оказаніи ему помощи,—а со вторымъ—о принятіи имъ подданства Россіи.

Вскорѣ заключенъ былъ съ Персіей мирный договоръ, по которому Россіи доставались въ вѣчное владѣніе Дербентъ, Баку, Гилянь, Астрабатъ и Мозондеронь. Посла персидскаго угощали и за нимъ ухаживали.

Съ Турціей миръ былъ подтвержденъ, при чемъ султанъ признавалъ за Россіей утвержденными тѣ области, кои ей были уступлены Персіей,—а равно и завоеванный Россіей Дагестанъ.

Въ 1723 г. императоръ приказалъ готовить морскую экспедицію въ кругосвѣтное плаваніе. Одновременно съ этимъ Петръ не покидалъ и внутреннихъ дѣлъ имперіи. Очень ему хотѣлось подвести Малороссію подъ одинъ знаменатель съ Россіей. Послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, управленіе Малороссіей было передано Полуботку, при чемъ, однако, гетманскіе доходы были отъ него отняты и дѣла велись коллегіей. На просьбу объ избраніи гетмана, царь отвѣчалъ, что онъ пріищетъ достойнаго человѣка, а «какъ въ дѣлахъ остановки нѣтъ, то и докучать ему не надлежитъ».

По истинѣ мудрыя и справедливыя мѣры императоръ принялъ по отношенію къ мо-

настырямъ. Почти *всѣ доходы съ монастырей велѣно обращать на заведеніе при монастыряхъ больницъ и богадѣленъ.*

Петербургъ въ это время представлялъ собою весьма оживленный коммерческій городъ. На Невѣ стояли сотни русскихъ и иностранныхъ судовъ. Адмиралтейство и верфь работали неустанно. Царь проводилъ новые каналы, старался сдѣлать городъ болѣе удобнымъ и болѣе благоустроеннымъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ строилъ пороховые заводы на Охтѣ, бумажную фабрику въ Дудергофѣ, устроилъ библіотеку, въ которую собиралъ множество книгъ, обогащалъ ее рукописями и рѣдкими изданіями, много также заботился о переводѣ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Особенно любилъ императоръ кунсткамеру, при чемъ нерѣдко лично объяснялъ посѣтителямъ значеніе рѣдкостей. «Не для себя, а для просвѣщенія моихъ подданныхъ завелъ я кунсткамеру и хочу, чтобы они приходили и учились въ ней»... Желая еще больше пріохотить къ посѣщенію кунсткамеры, Петръ приказалъ угощать всѣхъ посѣтителей водкою и кофе... Думая облегчить сообщеніе сѣвера съ Петербургомъ, Петръ приказалъ прорыть Ладожскій каналъ, отъ устьевъ Волхова до истока Невы у Шлиссельбурга.

Петръ открылъ академію наукъ и къ ней присоединилъ академію художествъ. А для занятія мѣстъ академиковъ вызвалъ знаменитыхъ ученыхъ Европы. Когда императору возражали, что всуе платить деньги нѣмцамъ, кои будутъ писать нѣмецкія книги,

никому въ Россіи непонятныя, то Петръ на это отвѣчалъ:

«Правда,—но они приготовятъ намъ такихъ людей, которые ихъ ученыя книги читать и понимать будутъ. Тогда мы и безъ нѣмцевъ обойдемся и сами ученыя книги станемъ писать по русски. Если плохого начала не дѣлать, то и дождаться добраго конца нельзя. И развѣ ученыя сочиненія академиковъ, если они принесутъ намъ честь въ Европѣ и докажутъ, что уже мы, русскіе, наукой занимаемся, вы ни во что не цѣните! И кого-же мнѣ обо всемъ, до науки касающемся, спрашивать, если у меня собранія ученыхъ не будетъ? Могу-ли я вполнѣ написать-то, что нужно Россіи, если она ученымъ образомъ описана не будетъ?»...

Въ 1724 г. Петръ вновь захворалъ. И на этотъ разъ медики отходили царя, а олонецкія воды укрѣпили. Теперь онъ направился въ Москву исполнить свою завѣтную мечту—короновать императрицу Екатерину. Торжественно совершено было коронованіе, причемъ Петръ лично надѣлъ на царицу корону. Долго длилось торжество по этому случаю, однако 16 іюня императоръ вновь уѣхалъ въ Петербургъ, куда перешелъ теперь дѣловой центръ тяжести. Увы, Москва больше не увидѣла Петра!...

Видя на пути, какой вредъ можетъ происходить отъ сплошного заселенія деревень зданіями съ соломенной крышей, Петръ запретилъ строить сплошныя селенія и приказалъ приготовлять рисунки крестьянскихъ селеній во всей Россіи.

Возвратившись въ Петербургъ, Петръ

отправился на Ладожскій каналъ, гдѣ цѣлыми днями бродилъ по болотамъ и тѣмъ очень усилилъ свою болѣзнь.

3 августа императоръ встрѣчалъ мощи Св. Александра Невскаго, которыя были установлены въ Александро-Невской церкви.

Царь сильно страдалъ странгуріей. Это, однако, не удерживало его отъ дѣлъ. При первой возможности онъ отправился на Ладожскій каналъ. Оттуда по Волхову и Ильменю онъ отправился осмотрѣть старо-русскія соловарни. По прибытіи въ Петербургъ, онъ чувствовалъ себя не дурно и потому отправился на сестрорѣцкій заводъ. У Лахты его застигла бурная погода. Уже наступила темнота. Вдали въ морѣ Петръ замѣтилъ большой ботъ, наполненный солдатами. Имъ угрожала опасность, такъ какъ ботъ стоялъ на мели. Сначали императоръ отправилъ на помощь шлюпку, но дѣло мало выигрывало. Тогда Петръ отправился самъ къ погибающему боту. Не думая о своемъ здоровьѣ, Петръ бросился въ воду, работалъ въ ней по поясъ и очень радовался, когда ему удалось спасти погибавшихъ.

Спасши другихъ, царь жестоко простудился, тѣмъ не менѣе пересилилъ себя и продолжалъ заниматься дѣлами.

Въ послѣдніе годы жизни императоръ особенно строго относился къ лихоимству и мздоимству. Такъ, онъ казнилъ за это знатнаго вельможу, князя Гагарина, бывшаго правителемъ Сибири. Ни крупные подарки, ни связи, ни дружба великихъ людей не спасли его. Точно также былъ казненъ за злоупотребленія и знаменитый сенаторъ Ша-

фировъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ и любимцы императрицы Монсъ и Балкъ. Уже за нѣсколько дней до смерти императоръ послалъ капитана Беринга въ Камчатку, гдѣ онъ долженъ былъ устроить два судна и на нихъ плыть изъ Камчатки къ сѣверу, дабы окончательно рѣшить, раздѣляется ли Азія отъ Америки проливомъ?

Но величіе земное имѣетъ свой предѣлъ. И великій императоръ великъ до тѣхъ поръ, пока поставленъ ему предѣлъ. Болѣзнь Петра усиливалась и смерть приближалась. На смертномъ одрѣ Петръ доказалъ, что онъ былъ истинно религіозный человѣкъ. Петръ соборовался и причастился Св. Тайнъ.

28 января 1725 года императоръ Петръ Великій скончался. Петра Великаго не стало. Прошли вѣка съ тѣхъ поръ. Но имя Петра едва ли не благоговѣйнѣе произносится его потомками, чѣмъ современниками; и его дѣянія будутъ однимъ изъ лучшихъ украшеній не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всего міра.

XVI.

Мы напомнимъ читателю, что намѣрены сдѣлать краткій очеркъ жизни *Императора* Петра I, ибо многія и очень многія проявленія этого человѣка скорѣе будутъ приличны и свойственны жизни чернорабочаго или простого крестьянина, нежели Царю,— весьма многаго не достаетъ такого, что мы привыкли видѣть у царей и приписывать ихъ положенію,—и только величіе духа, грандіозность и мощность интелли-

гентной силы, абсолютное самоотрицаніе и самоотверженіе для идеи и самое величіе идеи представляетъ въ немъ царя по духу, по мощи, по безпредѣльности замысла и неукротимости выполненія, —и не только царя, но даже царя царей. Если бы мы на минуту забыли о томъ, что Петръ Великій, по рожденію, былъ царскаго рода, законами государства былъ призванъ и принужденъ царствовать,—и разсматривали его дѣянія in abstracto, только какъ психологическія проявленія, какъ элементы проявленія духа, то по одному этому величію духа мы должны были бы сказать—это натура приличествующая только царю, ибо сама природа создала его царить надъ всѣми, все превосходить, всѣмъ повелѣвать.

Если бы на свѣтѣ до сихъ поръ не было царей и волею судебъ таковыхъ нужно было бы создать, а для этого требовался бы идеалъ царя и его нужно было бы нарисовать умомъ и фантазіей, то высшаго, чистѣйшаго, лучшаго и достойнѣйшаго идеала царя было бы трудно, и я даже думаю, невозможно нарисовать, какъ царь Петръ, Говорятъ, въ Петрѣ были тоже и недостатки, не приличествующіе царю. Напротивъ. Природа была необыкновенно права и справедлива, создавая царя такого, какимъ онъ долженъ быть по своему положенію, снабдила его и недостатками и даже болѣзнями, дабы онъ не зазнавался и всегда памятовалъ, что какъ онъ ни великъ и какъ онъ ни выше другихъ, а онъ все таки человѣкъ и не забывалъ бы этого. И Петръ это сознавалъ и постоянно объ этомъ па-

мятовалъ... Различаютъ аристократію рода и аристократію ума. Царь Петръ былъ царемъ и по роду и по уму. Сочетаніе исключительно рѣдкое. Это былъ геній и геній первѣйшей величины.

Сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе. Изучая психологію людей и великихъ людей, мы не можемъ не видѣть одного общаго явленія. Чѣмъ высшыми умственными способностями награжденъ отъ природы человѣкъ, чѣмъ онъ больше возвышается количественно и качественно по своему матеріальному и функціональному, мозговому и душевному богатству надъ остальной массой людей настоящаго, прошедшаго и будущаго,—тѣмъ шире, мощнѣе, возвышеннѣе и необъятнѣе его идеалы. Они не только вмѣщаютъ въ себѣ все прошлое и настоящее, но предусматриваютъ и будущее на много много впередъ,—и тѣмъ дальше предусматриваютъ то будущее какъ естественный логическій выводъ изъ настоящаго и прошлаго, чѣмъ обширнѣе и мощнѣе ихъ дарованія. Даръ предвѣдѣнія и даже ясновидѣнія есть способность человѣческаго духа, а не игра природы, только этотъ даръ стоитъ въ прямопропорціональномъ отношеніи съ геніемъ человѣка. Или иначе, геній человѣка можетъ обладать и даромъ предвѣдѣнія и даромъ ясновидѣнія *).

Что для даннаго лица ясно, свѣтло и понятно, то часто, часто современникамъ темно, неясно и непонятно. Проходятъ

---

*) *П. И. Ковалевскій.* Вырожденіе и возрожденіе. 1899.

годы, десятки и сотни лѣтъ, когда потомки начинаютъ уразумѣвать планы, идеалы и дѣянія генія. Развѣ не лучшимъ тому доказательствомъ служитъ Петръ Великій!..

Несомнѣнно, что цивилизованнѣйшая страна въ мірѣ—это Англія. Ея спекулятивный геній быть можетъ не симпатиченъ, но тѣмъ не менѣе онъ необыкновенно прогрессивенъ и неотразимъ. Если мы посмотримъ со стороны на идеалы жизни Петра, то въ этомъ одномъ человѣкѣ совмѣщались всѣ эти спекулятивные идеалы, которые только нынѣ приводятся въ исполненіе и проводятся въ жизни всей страной—Англіей. Поживемъ еще, или точнѣе, поживутъ наши потомки и быть можетъ нѣкоторые изъ идеаловъ Петра тогда только станутъ ясными,—какъ нѣкоторые выясняются намъ, его потомкамъ, спустя двѣ сотни лѣтъ.

Дополненіе къ общему положенію: и чѣмъ возвышеннѣе и необъятнѣе идеалы генія, тѣмъ больше онъ отдается выполненію этихъ идеаловъ и отрѣшается отъ самого себя. Такой человѣкъ для себя какъ бы не существуетъ. Всю жизнь онъ отдаетъ выполненію идеала. Для такого лица нѣтъ ни личныхъ удовольствій, ни личныхъ радостей, ни личныхъ печалей... Они живутъ своимъ идеальнымъ міромъ и для него. Вся ихъ личная жизнь служитъ только выполненію ихъ идеальной программы и сумма энергіи въ проявленіи программы прямо пропорціональна самому идеалу. Вотъ почему эти люди необыкновенно, сверхъ естественно дѣятельны, энергичны и неутомимы. Имъ нужно имѣть не одного, а мно-

гихъ помощниковъ, да и тѣ выбиваются изъ силъ, ибо обыкновенные люди не могутъ тягаться съ этими выборными природы.

Императоръ Петръ былъ сынъ царя Алексѣя Михаиловича и царицы Натальи Кирилловны, изъ рода Нарышкиныхъ. Собственно говоря, онъ не былъ сынъ Алексѣя, и тѣмъ менѣе Натальи. Ни въ роду Романовыхъ, ни въ роду Нарышкиныхъ мы не видѣли никого подобнаго по его духовной мощи... Царь Алексѣй былъ самый обыкновенный русскій человѣкъ того времени. Точно также и царица Наталія была обычная обитательница терема... Ни тому, ни другому Петръ не былъ подобенъ. Петръ былъ самородокъ. И ужъ во всякомъ случаѣ не сынъ Наталіи.

Замѣчали, что иногда въ семьѣ геніальныхъ людей родятся геніальныя сестры и очень часто братья идіоты и тупоумные... Въ семьѣ Петра Софія несомнѣнно являлась геніальной женщиной и если бы она не столкнулась съ Петромъ, то безусловно доказала бы это на дѣлѣ. Если она какъ бы взяла подъ свою защиту силу старой Руси—стрѣльцовъ, то это было слѣдствіемъ необходимости. Ея расправа со старообрядцами, однако, показала, что эта сила есть ея орудіе, которое она держитъ, какъ хочетъ, и повелѣваетъ по своему уму—разуму.

Ея реакціонное исповѣданіе политической вѣры было противовѣсомъ Петру и основа, которою она пользовалась. Это была фальшивая точка зрѣнія, но вынужденная. Разъ Петръ былъ одно, Софія—другое. Двѣ

силы въ одномъ тѣлѣ не могли сосуществовать и слабѣйшая должна была уступить сильнѣйшей. Первая стушевалась. Но она не была элементъ реакціонный. Напротивъ, и она была элементъ прогрессивный, только дѣйствовавшій отчасти реакціонно въ силу положенія дѣла.

Софія была сестра Петра,—но она была сестра Петра отъ другой матери, изъ рода Милославскихъ. Слѣдовательно, порожденіе генія принадлежитъ роду Романовыхъ, но не родамъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ. Рядомъ съ этими двумя геніальными людьми въ томъ же семействѣ существуютъ братья, малые умомъ, и сестры ничего особеннаго не представляющія.

Существуетъ предположеніе, что каждая семья имѣетъ опредѣленный душевный балансъ и если въ какомъ либо поколѣніи этотъ балансъ нарушается, то онъ возмещается, какъ на счетъ современныхъ членовъ семьи, такъ и на счетъ будущихъ. Да, Петру было дано слишкомъ много, не мало дано было и Софіи... Диво-ли, что ихъ братья представляли минусъ; но и этого минуса было мало для восполненія баланса: сыновья Петра служили пополненіемъ этого минуса...

Петръ въ дѣтскомъ возрастѣ былъ мальчикомъ крѣпкимъ, рослымъ и красивымъ. Онъ обладалъ крайне воспріимчивымъ умомъ, необыкновенной энергіей и бойкостью, а иногда проявлялъ и вспышки гнѣва и раздражительности. Онъ хотѣлъ все дѣлать по своему, если онъ былъ убѣжденъ, что это было вѣрно, и въ послѣднихъ случа-

яхъ не терпѣлъ возраженій. Ужасныя и безобразныя стрѣлецкія сцены произвели свое воздѣйствіе на организмъ мальчика, но не такое, какъ обычно бываетъ. Онѣ у Петра вызвали нервную болѣзнь. Но можно было бы думать, что звѣрства стрѣльцовъ, убійства и издѣвательства надъ близкими родными царя, на его же глазахъ, вызовутъ у Петра чувство ненависти къ стрѣльцамъ и мести. Нѣтъ. Петръ не любилъ стрѣльцовъ. Онъ къ нимъ относился враждебно. Онъ ихъ уничтожилъ и самое имя стрѣльца стеръ съ лица земли. Но не въ отмѣстку за убійство родныхъ, не за покушеніе на его жизнь, не за возстанія противъ него, царя Петра, въ пользу управительницы Софіи. Онъ ихъ не любилъ, онъ имѣлъ къ нимъ отвращеніе, онъ ихъ возненавидѣлъ и уничтожилъ, какъ реакціонную силу, противодѣйствующую созиданію того идеала Россіи который носился сначала въ юной, а за тѣмъ въ умудренной головѣ Петра. Если бы послѣ устраненія Софіи, стрѣльцы прониклись идеей Петра, изучили бы всѣ военные пріемы, вели себя какъ отборное войско Петра, прониклись его идеей царства, шли бы въ бой, какъ всѣ прочія войска;—то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что Петръ рѣшительно ничего не имѣлъ бы противъ стрѣльцовъ и любилъ бы ихъ, какъ и всѣхъ остальныхъ своихъ сподвижниковъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ во всемъ остальномъ, Петръ мало отдавался себѣ, какъ человѣку, и всецѣло принадлежалъ царству. По истинѣ онъ могъ бы сказать «царство—это я»,—но только ина-

че: «я—это царство», ибо онъ жилъ только царствомъ и для царства.

Вотъ почему въ его душѣ на первомъ планѣ было все то, что касается его идеи о царствѣ, и гдѣ то далеко далеко и въ маленькомъ углушкѣ то, что касалось Романовыхъ, Нарышкиныхъ и т. д.

Къ ученію онъ былъ очень способенъ. Приставленный къ нему Зотовъ очень скоро прошелъ всю лучшую мудрость и часто становился въ тупикъ передъ требованіемъ мальчика. Судьбѣ угодно было поселить семью Петра въ Преображенскомъ. Заброшенный и оставленный на произволъ самому себѣ, Петръ воспользовался вольною волюшкой и очень часто посѣщалъ сосѣднюю нѣмецкую слободу. Туда его привлекалъ особый жизненный складъ, особые нравы, обычаи и мысли. Это не была та нѣмецкая колонія, какихъ мы теперь видимъ сотни на югѣ Россіи съ тупыми, крайне ограниченными и подвижными умами. Это все были авантюристы, выходцы, искатели приключеній, недовольные домашнимъ очагомъ и ищущіе чего то лучшаго. Эти люди были съ образованіемъ, знаніемъ, мыслями и свободными убѣжденіями. Въ эту-то среду попалъ юный царь. Онъ ознакомился съ этими людьми, встрѣчался съ ними, слушалъ ихъ разсказы, поучался ими, и научался очень многому иному, чѣмъ то, что онъ видѣлъ вокругъ себя. Онъ увидѣлъ и узналъ иное государство, чѣмъ то, которое принадлежало ему. И это первое онъ считалъ лучшимъ, чѣмъ второе.

Какъ всякій мальчикъ, и Петръ прежде

всего увлекался военнымъ элементомъ. Онъ заводилъ игру въ солдаты и старался создать свой полкъ. Но уже въ этомъ дѣлѣ усматривается нѣчто отличное отъ того, что бываетъ въ жизни обыденной. Если мы представимъ себѣ на мѣстѣ Петра обычнаго нашего барчонка, временъ крѣпостнаго права, то прежде всего этотъ барчонокъ въ своемъ потѣшномъ войскѣ былъ бы генералъ и при томъ генералъ абсолютный и самодержавный, обладающій властью жизни и смерти надъ этими Ваньками, Гришками, Фильками и т. д. Вся эта игра дѣлалась бы для наслажденія Петруши и только для него одного. Кольми паче того же должно было бы ожидать отъ Петра—царя, который игралъ своими потѣшными, а по миновании надобности одни пошли бы на кухню, другіе въ конюшню и т. д.

Иное мы видимъ въ юномъ царѣ—Петрѣ. Онъ создаетъ войско не для своей забавы. Или точнѣе онъ видѣлъ эту забаву не въ самой игрѣ въ войско, а въ военномъ успѣхѣ этого войска. Не власть, не управленія этимъ войскомъ ищетъ царь, а обученія его въ томъ духѣ и по тому образу, о какомъ ему говорили на нѣмецкой слободѣ. Самъ Петръ вовсе не представитель этой потѣшной арміи,—онъ чернорабочій, такой же, какъ и всѣ,—онъ просто на просто — барабанщикъ. Его нравственное удовлетвореніе въ этомъ дѣлѣ заключается не въ проявленіи власти и управленія,—а въ созиданіи новаго, отличнаго отъ прошлаго,—безформеннаго, нестройнаго, негоднаго,—а стройнаго, упорядоченнаго и по-

тому мощнаго. Такая идеальность даже въ игрѣ и забавѣ рѣзко отличаетъ этого мальчика отъ остальныхъ заурядныхъ. Въ своей забавѣ онъ безсознательно забываетъ о себѣ и безсознательно же всею энергіей своего духа служитъ къ выполненію идеи. А когда потѣшные стали подростать, когда маленькіе стали дѣлаться большими,—онъ изъ нихъ составляетъ потѣшные полки, при чемъ самъ опять таки не на первомъ мѣстѣ, а на равнѣ съ другими служитъ рядовымъ и несетъ всю рядовую службу наравнѣ съ товарищами, не исключая стоянія на часахъ, пищи, одежды и проч. Не есть ли и здѣсь безсознательное, но фактическое преобладаніе и господство идеи и духа передъ обычными самолюбіемъ и мелочностью. Прошло не мало времени и Петръ создалъ два полка образцовыхъ, несокрушимыхъ, неимѣющихъ въ Россіи ничего себѣ подобнаго, и потому непобѣдимыхъ. Развѣ этого мало...

А вотъ опять у царя Петра заводится новая прихоть—морская забава. Увидалъ онъ ботикъ. Захотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ ходитъ на парусахъ противъ вѣтра. А за симъ понемногу строитъ яхты, галеры, корабли и на озерахъ и на моряхъ,—и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше... Это что же? Опять забава? Да, но опять забава идеальная. Онъ слыхалъ, что во всѣхъ сильныхъ странахъ есть флотъ. Этотъ флотъ ведетъ торговлю, даетъ богатство странѣ, даетъ возможность создать большую и сильную армію. Даетъ странѣ силу, мощь и вліяніе... И въ этомъ, создаваемомъ Петромъ, флотѣ созда-

валась не забава для Петра личная, а безотлагательное осуществленіе идеи о возможности усилить и возвеличить Россію, для которой онъ долженъ жить и существовать. Еще меньше во всемъ этомъ дѣлѣ видна личная прихоть Петра. Онъ проходитъ всю морскую службу отъ юнги и до высшихъ чиновъ. Все лично изучаетъ. Все лично знаетъ, чтобы впослѣдствіи умѣть повелѣвать.

Этими двумя примѣрами мы хотѣли показать, что душевный строй Петра былъ нѣсколько иной, чѣмъ у остальныхъ людей: въ немъ преобладала безсознательно идейность въ руководствѣ дѣйствіями и поступками надъ личнымъ эгоизмомъ и личнымъ тяготѣніемъ.

Петръ Великій былъ высокаго роста, прекрасно, пропорціонально сложенъ, глаза черные, глубокіе, взоръ быстрый, орлиный,—лице смуглое, съ живыми отпечатками душевныхъ движеній; по временамъ въ его лицѣ наблюдался тикъ, тоже бывало и въ рукѣ. При возбужденіи появлялось трясеніе головою. Волосы были черные, вьющіеся, небрежно заброшенные за уши,—небольшіе усы придавали воинственный видъ. Голосъ у Петра былъ чистый, ясный и громкій. Рѣчь слышная, порывистая; походка скорая и энергичная, осанка величественная. Царь въ общемъ былъ въ веселомъ настроеніи, но по временамъ на него нападали приступы гнѣва и несчастенъ былъ тотъ, надъ кѣмъ этотъ гнѣвъ разражался. Иногда подъ вліяніемъ раздраженія Петръ впадалъ въ ярость, которая въ иныхъ случаяхъ разряжалась приступами судоргъ.

Петръ обладалъ необыкновенною физическою силою,—разогнуть подкову, или свернуть въ трубку серебрянную тарелку—ему ничего не стоило.

Петръ обладалъ необыкновенною пытливостью ко всему окружающему. Все его интересовало, все онъ изучалъ и все познавалъ. Каждый изъ насъ можетъ обладать прекрасными способностями и, при усиліи, можетъ овладѣть тѣми или другими знаніями, быть оригинальнымъ въ нихъ, вносить свою окраску, свою инициативу и свои измѣненія. Петръ изучалъ все, усваивалъ все и всюду вносилъ свой личный взглядъ и свой личный отпечатокъ. Петръ зналъ военное искусство, морскую службу, кораблестроеніе, артиллерійское искусство, приготовленіе пороха, бомбъ, гранатъ, саперное дѣло, провіантскую часть, всѣ ремесла, математику, химію, зубоврачеваніе, фабричное дѣло, горное дѣло, шелководство, бальнеотерапію... Чего онъ не зналъ? Многое изъ всего этого онъ зналъ въ совершенствѣ. Мы можемъ удивляться силѣ, мощи и всеобъемлемости его познавательной способности. Но этого мало. Онъ не только это зналъ, но онъ умѣлъ своими знаніями пользоваться. Его разсудительная способность превышала все вообразимое и допустимое. Умственный гигантизмъ царя выражается именно въ томъ, что онъ одинъ зналъ столько, сколько могли знать только десятки людей. Его познанія стояли выше всего доступнаго человѣку и съ этой точки зрѣнія дѣлали его колоссомъ ума, познанія, мышленія и творчества.

Каждый государь въ теченіи своей жизни

можетъ совершить множество государственныхъ дѣлъ, реформъ, измѣненій и т. д. Еще недавно Германія возстала на неожидаемую высоту въ царствованіе Вильгельма. Но у Вильгельма были Бисмаркъ, Мольтке и др. Заслуга этого владыки состояла въ умѣньи выбрать людей. Петръ возсоздалъ новое государство отъ верху до низу и географически, и административно, и политически. И сдѣлалъ онъ это одинъ. Правда, у него тоже были помощники. Онъ тоже обладалъ даромъ избирать и угадывать людей. Но никто изъ этихъ людей не былъ достоинъ развязать ему ремень сапога. Если Петръ человѣкъ, то всѣ его помощники были людишки. Не онъ пользовался ихъ проектами, а онъ давалъ имъ приказанія, а они исполняли. Всѣ государственные перевороты, всѣ реформы, всѣ измѣненія шли отъ самого царя. Всякое дѣло онъ изучалъ до мелочей, давалъ ему распорядокъ и направленіе,—а помощники исполняли то, что онъ имъ приказывалъ. Царь былъ все, его приближенные только лишь слуги и исполнители. Да о и исполнители и не всегда вѣрные, и не всегда точные, и не всегда умѣлые. Сколько разъ ихъ спина знакомилась съ дубинкой Петра.

Умственная всеобъемлемость, широта знанія, умѣнье пользованія и практичность примѣненія въ Петрѣ превосходятъ все, доступное нашему пониманію. Онъ въ себѣ совмѣщалъ и Государственный Совѣтъ, и Сенатъ, и Синодъ, и всѣ министерства и медицину, и военное дѣло, и морское дѣло, и губернское правленіе, и судъ, и воло-

стное управленіе... Для того, чтобы изобразить все величіе его ума, пришлось бы повторить все сказанное о его царствованіи, гдѣ также перечислены далеко не всѣ его дѣянія. Его ничто не изумляло, его ничто не останавливало. Онъ на все былъ готовъ и всегда онъ дѣйствовалъ съ ясно поставленною цѣлью, при чемъ предѣла его стремленій не предвидѣлось. Въ дѣтствѣ онъ заводитъ потѣшныхъ,—изъ этихъ потѣшныхъ разростаются полки, изъ полковъ армія... Изъ ботика создаются кораблики, изъ корабликовъ и озеръ—флотъ и моря. Онъ чувствуетъ преимущество образованія въ Европѣ и оставляетъ свой тронъ, спѣшитъ за предѣлы Россіи, хочетъ познакомиться съ Европой въ ней самой. Его стремленіямъ и побужденіямъ нѣтъ предѣла. Возвратившись изъ Европы, онъ прорубливаетъ окно въ Европу на Балтійскомъ морѣ, захватываетъ цѣлые заливы на морѣ, охватываетъ Каспійское море и забирается въ Азію, становится ногою на Азовскомъ и стремится къ Черному морямъ. Онъ посылаетъ корабли въ Индію, изслѣдуетъ проливъ между Азіею и Америкою, стремится поднять торговлю Россіи для сбыта въ Азію,—желаетъ Европейскую торговлю пустить черезъ Россію. Онъ вводитъ въ Россіи науку, желая сдѣлать Россію славною и въ этомъ отношеніи.

Обширность его взглядовъ тѣсно связана съ быстротой и энергіей выполненія. Это доказываютъ его войны, его путешествія и его предпріятія.

Петръ былъ человѣкъ религіозный, но не ханжа. Онъ бывалъ въ церкви, часто

читалъ апостола и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ вѣротерпимъ, дозволивъ свободу исповѣданія вѣры иностранной въ Россіи и къ старообрядцамъ относился въ духѣ христіанской религіи.

Любовь къ родителямъ у него существовала. Правда отъ отца онъ остался слишкомъ малъ,—къ матери же питалъ любовь и уваженіе, хотя дѣло у него стояло на первомъ планѣ, а любовь къ матери на второмъ не потому, чтобы онъ мать любилъ меньше, чѣмъ дѣло; но потому, что онъ дѣломъ увлекался всей душой. Къ братьямъ онъ относился сердечно, хотя между ними стояла слишкомъ большая разница во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Мы не станемъ говорить о любви къ сестрамъ отъ другого брака. Ее не могло быть въ силу политическихъ условій существованія. Отъ родныхъ сестеръ онъ также очень былъ далекъ, въ силу слишкомъ большой разницы убѣжденій. Первый разъ онъ былъ женатъ 17 лѣтъ. Едва ли у него существовала любовь къ первой супругѣ. Его скорѣе женили, нежели онъ женился. Еще болѣе стали отстранять ихъ другъ отъ друга разница въ убѣжденіяхъ. Къ другимъ женщинамъ онъ относился очень индифферентно и хладнокровно. Есть основаніе думать, что онъ относился неравнодушно къ Монсъ, но эта любовь имѣла скорѣе животный характеръ. Болѣе любовно онъ относился къ Екатеринѣ быть можетъ потому, что она его понимала, раздѣляла его убѣжденія и была не только женою, но и другомъ. Объ

отношеніи къ сыну своему, царевичу Алексѣю, мы уже говорили. Въ лицѣ своего сына онъ встрѣтилъ врага его идеалу и его созданію, поэтому едва ли можно говорить много о любви къ нему. Прочихъ своихъ дѣтей онъ любилъ.

Но должно оговориться, что у такихъ людей, какъ Петръ, любовь къ родителямъ, женѣ и дѣтямъ стоятъ всегда ниже, чѣмъ у обычныхъ людей.

Петръ не имѣлъ друзей. Онъ любилъ своихъ приближенныхъ, любилъ тѣмъ большею любовью, чѣмъ больше они его понимали,—но особенной исключительной дружбой онъ никого не отличалъ, ибо не имѣлъ никого равныхъ себѣ. Онъ любилъ Гордона, Лефорта, Меньшикова и многихъ многихъ другихъ, но любилъ любовью не равнаго къ равному, а любовно со сниходительностью. Друзей у Петра не было и не могло быть, ибо равныхъ ему не было никого.

Петръ былъ очень самолюбивъ, но не личнымъ самолюбіемъ, а самолюбіемъ Россіи. Онъ требовалъ почтенія и уваженія къ русскому посольству въ заграничныхъ странахъ и когда въ Вѣнѣ придворные слуги захотѣли стѣснить русское посольство, то Петръ заявилъ, что онъ соглашается на тотъ или другой пріемъ, но вмѣстѣ съ симъ объявляетъ, что и императорскихъ пословъ въ Москвѣ примутъ такимъ же образомъ; для себя же лично никогда ничего не хотѣлъ и очень не любилъ этикета. Его путешествіе за границу вполнѣ рисуетъ его характеръ въ данномъ направленіи.

Жизнь Петра протекала въ непрерывномъ трудѣ. Его отдыхъ состоялъ только въ смѣнѣ занятій. Не говоря о безчисленныхъ путешествіяхъ и походахъ, гдѣ все время отдавалось труду, онъ и дома не менѣе былъ занятъ. Вставалъ онъ въ 3 часа утра и часъ читалъ книги и газеты. Въ 4 часа, выпивши рюмку водки, надѣвалъ лѣтомъ свой сѣрый казакинъ, или поношенный мундиръ, и въ цвѣтныхъ чулкахъ, съ кортикомъ на боку, съ дубинкой въ рукѣ, въ простой шляпѣ или картузѣ,—а зимою въ шапкѣ изъ сѣрыхъ мерлушекъ, въ въ казакинѣ на мѣху и въ длинныхъ сапогахъ, отправлялся пѣшкомъ, или лѣтомъ въ крашенной одноколкѣ, либо въ лодкѣ, а зимою въ пошевняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь,—въ адмиралтейство и на постройки. Въ 6 ч. утра онъ былъ уже въ сенатѣ. (О Боже, еслибы нынѣ Государь вздумалъ явиться въ Сенатъ въ 6 ч. утра, то кромѣ спящихъ служителей не нашелъ бы рѣшительно никого).

Въ Сенатѣ и коллегіяхъ Петръ оставался до 11 ч. Здѣсь же, или въ Австеріи Петръ выпивалъ рюмку водки и заѣдалъ ее кренделемъ. До 12 ч. онъ принималъ посѣтителей, послѣ чего садился обѣдать. Въ обѣдѣ участвовала семья и 2—3 гостя. Петру клали особый приборъ и особую кружку. Въ его обѣдъ обыкновенно входили слѣдующія блюда: щи, студень, ветчина, каша, жареная утка съ груздями, пирогъ, кусокъ рѣдьки или сыра, рюмка вина, кружка пива, квасъ и вода. Кушанья подавали горячія. За столомъ прислуживалъ

деньщикъ. Ѣда продолжалась не долго. Послѣ обѣда Петръ отдыхалъ часъ — два. Проснувшись онъ принимался за дѣла. Къ нему являлись министры, генералы и сановники. День заканчивался чтеніемъ книгъ и газетъ, или черченіемъ, или токарнымъ станкомъ. Передъ ужиномъ Петръ просматривалъ свои отмѣтки и отмѣчалъ, что изъ намѣченнаго исполнено и что надлежитъ исполнить. Послѣ лекаго ужина, въ 10 ч. Петръ ложился спать...

Костюмъ его никогда не мѣнялся. Его роскошью было тонкое, голландскаго холста, бѣлье. Любимое платье онъ носилъ до заплатъ. Императрица сама штопала ему чулки...

Вы думаете, что я, по ошибкѣ, внесъ сюда жизнеописаніе какого-нибудь прапора?! — Нѣтъ, это жизнеописаніе Великаго Петра, величайшаго изъ монарховъ въ мірѣ...

Иногда онъ обѣдывалъ у своихъ любимцевъ, у купцовъ, даже у матросовъ, заѣзжая изъ сената и коллегій. Длинныхъ обѣдовъ онъ терпѣть не могъ, говоря, что они назначены для наказанія важныхъ людей.

Его занятія разнообразились до безконечности.

Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно простъ и обходителенъ. Очень не любилъ продолжительныхъ величаній. Всѣмъ говорилъ: братецъ, братъ, дѣдушка, дядя, или по фамиліи, или по отчеству. Уважая въ себѣ человѣческое, достоинство, онъ стремился возбудить сознаніе его и у своихъ

подданныхъ, почему приказалъ въ прошеніяхъ уничтожить уменьшительныя и унизительныя прозвища. Супругу свою называлъ всегда Катенькою.

Иногда Петръ любилъ повеселиться въ домашнемъ кругу, или у кого другого за просто. Время проходило въ разговорахъ, при чемъ не забывались и чары зеленаго вина. Петръ одинаково обращался и съ фельдмаршаломъ и съ корабельнымъ мастеромъ, такъ какъ всѣ были безъ чиновъ.

На ассамблеяхъ и вечернихъ собраніяхъ принужденность не существовала. Каждый велъ себя, какъ хотѣлъ.

Петръ былъ одинаковъ для всѣхъ и всюду и не мѣнялъ своей внѣшности ни дома, ни на представленіи ко двору императора, ни при французскомъ дворѣ. Простоту костюма и внѣшности онъ не считалъ недостаткомъ.

Петръ всегда былъ правдивъ и въ свою очередь любилъ прямоту и правду. Онъ всегда отличалъ ложь и неискренность и это не рѣдко приводило его въ ярость. А въ такихъ приступахъ онъ не задумывался поднять шпагу и на царевну Софію, и на Лефорта, и на другихъ. Очень часто Петръ любилъ собственноручную расправу и его дубинушка была знакома очень многимъ.

Царь былъ безстрашенъ и свою жизнь не цѣнилъ ни во что. Онъ всегда былъ среди народа. Правда, въ то время не было динамитчиковъ, но были Циглеры...

Подъ конецъ жизни, у Петра стали появляться приступы тоски и задумчивости и

изъ нихъ вывести могла только ласка Екатерины.

Совершенно не щадя жизни и здоровья, Петръ разстроилъ его преждевременно и скончался 52 л. 7 м. и 20 дней. На престолѣ онъ пробылъ 42 г. 7 мѣсяцевъ и 3 дня. Императоромъ онъ царствовалъ около 40 лѣтъ.

Таковъ былъ Великій Петръ.

Но гдѣ же царь Петръ, гдѣ Петръ человѣкъ? Жилъ ли онъ для себя? Жилъ ли онъ своею жизнью? Отъ дѣтства и до послѣдняго момента его жизни мы не видѣли его личнаго существованія. Онъ жилъ жизнью, славою, честью, силою и мощью Россіи. Онъ жилъ только для Россіи и Россіею. Какъ человѣкъ онъ жилъ только настолько, сколько нужно было для его существованія. И это жилъ всемогущій и Великій Петръ! Диво дивное...

Скажутъ, у Петра было нѣкоторое ослабленіе чувства любви къ родителямъ, семейной любви и любви къ дѣтямъ. Можетъ быть. Но во имя ли эгоизма эти чувства были ослаблены?.. Нѣтъ,—во имя безпредѣльнаго служенія родинѣ, заглушавшаго и подавлявшаго въ немъ все личное, все общечеловѣческое. Петръ жилъ безплотною любовью къ родинѣ, къ возсозданной имъ Россіи. Что можетъ быть больше и выше этого величія. Не на самомъ ли дѣлѣ Петръ былъ истинный отецъ отечества и великій человѣкъ!

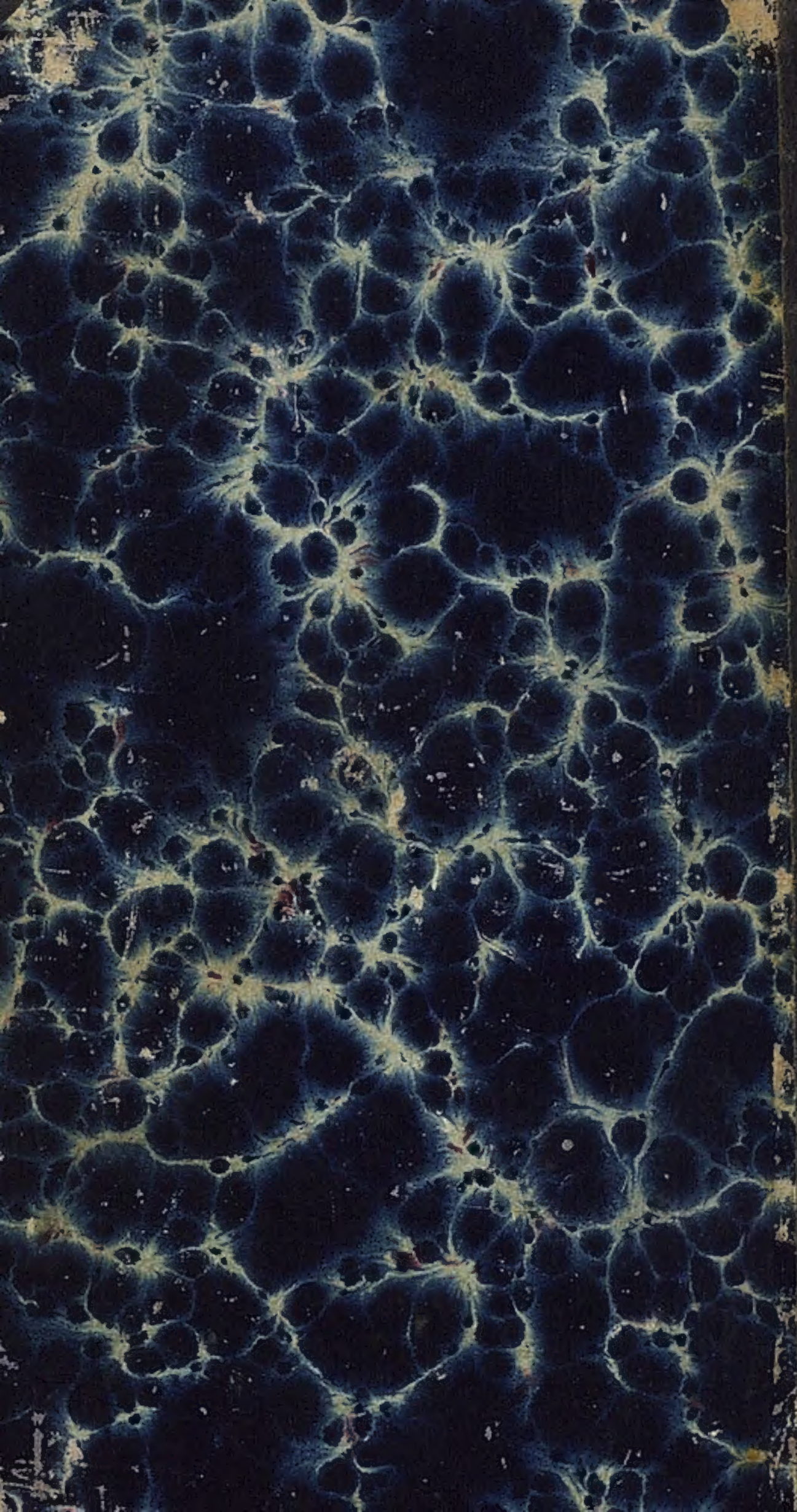
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
Моск. Сб иблиотеки

9. 1916

41 14. АВГ.

1359 9. ФЕВР.

1335 3. МАЯ 19

1889-28/ист

МОСК. ОБЛ.